

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 5, 2022

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2022

Главный редактор

*Сулов
Андрей Борисович* доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Шустова

Светлана Викторовна доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

Абашева

Марина Петровна доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

Абдуллина

Амина Шакирьяновна доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

Андросова

Светлана Викторовна доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

Балакин

Сергей Владимирович доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

Бакиш

Наталья Александровна доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

Белавин

Андрей Михайлович доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

Данилевская

Наталья Васильевна доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забияко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Подюков Иван Алексеевич</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

№ 5, 2022

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Suslov Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Borisovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Shustova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryantovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Podyukov
Ivan Alekseevich* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinniso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 7–15.

Humanitarian studies. History and philology. 2022. No. 5. P. 7-15.

Научная статья

УДК 94(470.53)08

doi: 10.24412/2713-0231-2022-5-7-15

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ: ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА И БЫТА

Елена Петровна Агеева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

korylova_el@mail.ru

Аннотация. Во второй половине XIX в. дворянство на Урале было представлено крупными заводчиками и чиновниками, зачастую абсолютно не связанными друг с другом, но чётко идентифицирующими себя с одной социальной группой, их объединял менталитет, чёткое осознание своего отличия от других социальных слоёв, гордость за своё положение в обществе и значимость своей деятельности на благо России. В статье представлен количественный и качественный анализ состава дворянства Пермской губернии, объяснены причины преобладания чиновничества; охарактеризованы особенности менталитета чиновников, на основе формулярных списков рассмотрены этапы карьерного роста, составные компоненты жалованья; проанализировано отношение чиновников к службе, зависимость дворян-чиновников от службы, которая гарантировала стабильное существование, однако без излишеств, проведён сравнительный анализ с доходами лиц других сословий. В работе рассмотрена повседневная жизнь провинциального дворянина, отношение дворян к семье, влияние экономической ситуации, дохода на желание вступать в брак и определение количества детей в семьях, отношение дворян к отдыху и отпуску. Охарактеризовано ментальное поле «благородного общества» Пермской губернии в XIX веке, которое создавалось чиновничеством, технической интеллигенцией и небольшой группой мелкопоместных дворян, также вынужденных обратиться к государственной службе для поправки своих дел; рассмотрены моральные установки дворян-чиновников, их участие в общественной жизни региона, причины отставания от активности купечества и разночинной интеллигенции, причины отсутствия в Пермской губернии дворянского собрания; освещён характер решаемых в Благородном собрании вопросов и причины падения авторитета дворянского статуса во второй половине XIX века.

Ключевые слова: Пермская губерния, дворяне, чиновники, менталитет, доход, быт

Для цитирования: Агеева Е.П. Провинциальное дворянство Пермской губернии в пореформенное время: особенности менталитета и быта // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 7–15. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-7-15>

Original article

PROVINCIAL NOBILITY OF THE PERM PROVINCE IN THE POST-REFORM PERIOD: PECULIARITIES OF MENTALITY, WAY OF LIFE

Elena P. Ageeva

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russia, Perm,
kopylova_el@mail.ru

Abstract. In the second half of the 19th century, the nobility in the Urals was represented by large manufacturers and officials, often completely unrelated to each other, but clearly identifying themselves with one social group, they were united by a mentality, a clear awareness of their difference from other social strata, pride in their position in society and the significance of their activities for the benefit of Russia. The article presents a quantitative and qualitative analysis of the composition of the nobility of the Perm province, explains the reasons for the predominance of bureaucracy; the features of the mentality of officials are characterized, on the basis of the formulary lists, the stages of career growth, the components of the salary are considered; analyzed the attitude of officials to the service, the dependence of noble officials on the service, which guaranteed a stable existence, but without frills, a comparative analysis was carried out with the incomes of people of other classes. The paper considers the daily life of a provincial nobleman, the attitude of nobles to the family, the impact of the economic situation, income on the desire to marry and determine the number of children in families, the attitude of nobles to rest and vacation. The mental field of the "noble society" of the Perm province in the 19th century, which was created by bureaucracy, technical intelligentsia and a small group of small landed nobles, who were also forced to turn to the public service to correct their affairs, is characterized; the moral attitudes of noble officials, their participation in the public life of the region, the reasons for lagging behind the activity of the merchants and the diverse intelligentsia, the reasons for the absence of a noble assembly in the Perm province are considered; the nature of the issues resolved in the Noble Assembly and the reasons for the fall of the authority of the noble status in the second half of the 19th century are highlighted.

Keywords: Perm province, nobles, officials, mentality, income, way of life

For citation: Ageeva E.P. Provincial nobility of the Perm province in the post-reform period: peculiarities of mentality, way of life. Humanitarian studies. History and philology. 2022;5:7-15. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-7-15>

Введение

Пермскую губернию нельзя назвать дворянской, однако эта социальная категория оставила значительный след в развитии региона. На Урале она была представлена двумя группами – крупные заводчики и чиновники, зачастую абсолютно не связанными друг с другом, но чётко идентифицирующими себя с одной социальной группой. Они были разными, и в то же время их объединял менталитет, чёткое осознание своего отличия от других социальных слоёв, гордость за своё положение в обществе и значимость своей деятельности на благо России. Их сближал и некоторый консерватизм мышления, неумение перестраиваться в новых условиях жизни, зависимость от власти.

Основная часть

Анализируя данные различных источников конца XIX – начала XX вв., можно сделать вывод, что из 6495 дворян Пермской губернии в 1898 г. около 1,5 % являлись земельными владельцами [ГАПК. Ф. 40. Л. 6-660], 10 % (600 чел.) [Дашкевич, Корсунова 1997: 96] – представителями высшего звена технического руководства уральской промышленностью, остальные 88,5 % можно отнести к представителям чиновничьей среды различных ведомств городов и уездов края. Вследствие постоянно увеличивающегося ценза на получение очередного чина и лет выслуги количество личных дворян значительно превышало количество потомственных. В разные годы средний процент дворянского населения составлял 0,34–0,21 % от общего числа жителей губернии. Характерно, что после 1890 г. число дворян стало сокращаться: до 0,21–0,23 % [Адрес-календарь 1863: 80–99; Адрес-календарь 1888: 3; Адрес-календарь 1889: 78; Адрес-календарь 1895: 2–3; Адрес-календарь 1896: 6–7; Адрес-календарь 1898: 1–85; Адрес-календарь 1899: 1–62, 134], что свидетельствует о процессе демократизации общества, постепенном падении престижа дворянского статуса, обуржуазивании общества.

Количественный состав дворян губернского города Перми в разные годы составлял от 3,4 до 11,4 % [ГАПК. Ф. 208. Л. 26] от числа жителей города, где преобладали крестьяне и мещане. Дворяне, владевшие поместьями на Урале, не составили сильной организации, в силу своей малочисленности. Крупнейшие собственники, Строгановы, Абамелек-Лазаревы, Шуваловы, Демидовы, Яковлевы и другие проживали не здесь, а в столицах, поэтому не участвовали в создании культурного облика Пермской губернии. Поэтому главным носителем дворянской этики, образа жизни у нас оставался чиновник, чуть более других задержавшийся в губернии или оставшийся здесь до конца службы. В основном это были исполнители, обременённые проблемами своего продвижения по службе, которые за 20-30 лет достигали по карьерной лестнице должности 8-6 класса и статуса личного дворянина. И даже образование в 2-5 классов местной гимназии, а у многих было лишь крестьянское домашнее воспитание, не мешали этому росту. Назначения на службу ждали, с ней связывали много надежд. Так, поместный дворянин А.В. Голубцов, в 50 лет из-за болезни вынужденный покинуть должность, около года ожидал нового назначения. Получив известие о службе в дневнике записал: «Великая радость: получил из губернии бумагу о назначении меня приказом губернатора на службу кандидатом на должность заместителя начальника при нашем съезде без содержания. Велика неисчерпаемая милость Господа! Тотчас сходил к благочинному и вместе благодарили Бога» [ГАСО. Ф. 67. Л. 53]. Служба становилась защитой для человека от психологической и финансовой несостоятельности. Большинство таких дворян состояли на службе в губернских и уездных учреждениях, жалованье являлось почти единственным источником их существования, что ярко прослеживается в раболопных прошениях чиновников и членов их семей, по выходе в отставку по выслуге лет, по болезни или семейным обстоятельствам [ГАПК. Ф. 36. Д. 11, 12, 13, 324–327, 416, 454, 508, 592, 627]. Причём власти не торопились с рассмотрением дел, разбирательства длились от года до трёх лет...

Один из примеров, дело 1889 г. [там же Д. 416]: «Мой муж состоял на службе в должности чиновника особых поручений у Вашего Превосходительства (пишет Господину Пермскому губернатору). 28 октября сего года помер. К сему не знаю сколько именно лет он пребывал в

государственной службе и выслужил ли на оной один из сроков, установленных 100 ст. 3 т. Сб. Законов Уставом о пенсиях и единых пособиях. Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство исходатайствовать мне или пенсию в размере, определённом в 113 ст. приведённого закона, или, буде муж мой не выслужил срока на пенсию, единовременное пособие, согласно 142 ст. того же Устава. При этом имею честь представить свидетельство о моём поведении из городской полиции. Вдова коллежского асессора руку приложила (подпись Котова Е.К.)). И, как правило, такие требования удовлетворялись. Однако, единовременное пособие быстро заканчивалось и необходимо было искать источник пропитания. Тяжело приходилось вдовам чиновников, у которых было много детей, а муж сбережений не оставил...

Так, из 150 в 107 делах реестровых книг Дворянской опеки [ГАПК. Ф. 48. Опись 1. Д. 12, 14, 17] имеются данные о доходах, состоянии движимого и недвижимого имущества. Из них: 25,2 % дворян не оставили после себя никакого имущества и оставшиеся дети содержались за счёт опекунов; 41 % умерших оставили после себя от 10 до 1000 рублей; 18,7 % – от 1000 до 5000 тыс. руб.; 9,3 % до 20000 рублей (10 человек); 5,6 % свыше 50000 рублей (6 человек).

Подавляющее большинство всё же оставили небольшой капитал, в размере 1-3 годовых зарплат, которая составляла 900-1600 рублей чиновника 8-6 класса в конце XIX – начале XX вв., в период, на который приходится большинство дел. Лишь 16 человек из 107 обеспечили своим наследникам действительно безбедное существование, а 6 человек просто шикарное. Но они не отражают общую картину доходов чиновников Пермской губернии, 66,2 % которых были ограничены в средствах.

Безусловно, жалованье чиновника было огромно в сравнении с доходом рабочего, однако большинство чиновников вели кочевой образ жизни – их в любой момент могли отправить в другой регион претворять в жизнь распоряжения государственной власти, поэтому приходилось снимать жильё, а на это уходило от 1/2 до 1/3 зарплаты. В 1917 г. титулярные советники (IX кл.) Р.А. Кубасов 50 лет, Ю.Л. Лемеж 43 лет, В.В. Хмельёв 64 года, надворный советник (VII кл.) Л.П. Виллуан 52 года, члены Дворянской опеки, получали по 1300 руб. (жалованья 550, столовых 300, квартирных 450), губернский секретарь (XII кл.) Я.И. Онохов, письмоводитель опеки, – 900 руб. (жалованья 370, столовых 200, квартирных 330), а председатель опеки, надворный советник Ф.А. Мейер, – 1800 руб. (жалованья 800, столовых 400, квартирных 600) [ГАПК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 65]. Для сравнения: жалованье сельской учительницы в 1887 г. составляло 20 руб. в месяц (в год 240 руб.), как пишет автор статьи в «Пермских губернских ведомостях» того времени «...при нынешней дороговизне – копейки» [Состояние ... 1887: Л. 6.]. По штатам 1896 г. учителя гимназии, обычно имевшие университетское образование, прослужившие не менее пяти лет, получали при 12-недельных уроках 900 руб. в год. Уездные врачи – 465 руб. в год, то есть менее 40 руб. в месяц [Зайнчковский 1978: 90]. Простой рабочий на заводе Е.Х. Абамелек-Лазаревой получал в среднем 1–1,5 руб. в месяц (в год 12–17 руб.), лишь мастера получали до 10 руб., что в год составляло 120 руб. (данные на 1914 г.) [ГАПК. Ф. 280. Д. 2749. Л. 94]. Перечисленные данные свидетельствуют о существенном превосходстве доходов чиновников над финансовым положением остальных социальных групп.

Питание было относительно дёшево, но статусные вещи, необходимые для поддержания имиджа, стоили немало: проживание в лучшей части города, наличие горничной, воспитательницы у детей, получение столичных журналов, обед в Благородном

собрании, карманные золотые часы, несколько хороших костюмов из дорогого сукна и т. д. Чем выше был статус чиновника, тем более расходов требовало от него его положение, поэтому пермские чиновники нередко сетовали на недостаток финансирования, так как жалование у подавляющего большинства, было единственным источником существования.

Может быть, такой рационализм не позволял заводить большие семьи, а многим чиновникам и вовсе оставаться холостыми. Так, обзор 99 дел Дворянской опеки над несовершеннолетними представляет интересные данные: 41 % дворянских семей имели по 1 ребёнку, 19 % – по 2, 13 % по 3 ребёнка, 16 % – по 4, и 10 % – 5–8 детей (6 семей по 5 детей, 2 семьи по 6, и по одной семье в 7 и 8 детей) [ГАПК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 12, 14, 17]. На примере формулярных списков о службе чиновников канцелярии губернатора, членов Земских управ и мировых судей Пермской губернии за 1892–1893 гг. [ГАПК. Ф. 65. Д. 1179], можно сделать вывод, что чиновники крайне редко ходили в отпуска: из 30 дворян – 22 (73 %) не были в отпуске за всё время службы (продолжалась служба в среднем 15–30 лет), 3–1 раз, 2–2 раза, 1–3 раза, 3–4 раза в отпуске, продолжавшемся в среднем 28 дней. Размеренный темп жизни и работы позволял лечиться и комфортно чувствовать себя в рабочем режиме.

Дворяне чувствовали себя первенствующим сословием в государстве вплоть до 1917 года. Однако любая чрезмерная уверенность в своём превосходстве над кем-либо или чем-либо на протяжении длительного времени часто приводит к консервации взглядов, останавливает развитие. До конца существования Российской империи среди чиновного дворянства крупных городов губернии сохранялся образ жизни, который они вели на протяжении 60–80 гг. XIX в. Казалось, что в окружении губернатора, в его канцелярии и правлении, в дворянском обществе жизнь «застыла». Эту ностальгию по прошлому, нежелание видеть реалии дня ярко характеризует одно из заседаний Благородного собрания г. Перми в 1901 г., где всё внимание было сосредоточено не на решении серьёзных проблем, а на мелочных, досуговых моментах: «25 мая в здании Благородного собрания состоялось общее собрание членов в составе 20 человек по вопросу рассмотрения нового устава и ремонта здания <...> Особенно затянулись прения при рассмотрении параграфа, что «в одни и те же карты разрешается играть не более 1 пульки в преферанс или 10 роберов в вин или же 10 рамсов».

Продолжительные прения вызвал и вновь вводимый параграф, гласящий, что «каждый член собрания пользуется кредитом, в размере, установленным общим собранием, но все расчёты должны быть заканчиваемы к 1 числу следующего месяца. Член, не уплативший долга к этому сроку, лишается права входа до уплаты долга, по истечении 2 месяцев – судебным порядком. Председатель совета старшин констатировал, что бывают случаи, когда члены собрания не платят даже при нескольких напоминаниях и иногда прямо отвечают «да что вы с меня возьмёте!». Или, приходит господин в буфет, буфетчик ему говорит, что кредит закрыт, а он достаёт кошелёк с деньгами, говорит, что сейчас же уплатит. Выпьёт, спрячет кошелёк обратно, не уплатив. Иной приведёт с собой дам, потребует ужин, наест на 25 руб., а потом говорит: «Запишите!», что тут поделаешь! Собрание приняло решение производить судебное взыскание не через 2, а через 4 месяца, а также, чтобы расчёты производились не к 1, а к последнему числу следующего месяца.

При рассмотрении параграфа 64 в зале оставалось всего 10–12 человек, которые рассмотрели вопрос о замене окон, от которых дует, проведении парового или водяного отопления, об исправлении здания...» [Благородное собрание 1901: Л. 3]. Безусловно, к

дворянству относились люди с различными семейными установками, историей, традициями, поведением. Именно в рамках дворянского сословия, по мнению О.С. Муравьевой [Муравьева 2001: 5–38], в первой половине XIX в. был проведён эксперимент по воспитанию «идеальной личности», для которой главными были нравственные установки, ориентация не на успех, а на идеал: помощь ближнему, любовь к отчизне, альтруизм, доверие, честь, уважение прав другого. А всё потому, что «Кому много дано, с того много и спросится».

И действительно, некоторые дворянские учебные заведения и семьи стали проводниками этих либеральных ценностей, соединённых с русской духовностью, создав уникальный сплав фамильного характера, который отличал дворян, выделяя их из массы своим аристократизмом, простотой и достоинством и помогал выживать уже в советской России и в эмиграции. Но то была небольшая группа этого привилегированного сословия. Основная же масса дворян, представленная чиновничеством, не отличалась таким блеском поведения, чувств. Для этого у них не было ни соответствующих воспитателей, обстановки, достатка, ни семейных традиций. Их поглощала рутинная работа, стремление пробиться по карьерной лестнице до очередного чина, который позволит им достичь статуса потомственного дворянина. А это зависело не только от многолетней беспорочной службы, но и от умения общаться с начальством, забывая гордость, достоинство, что наглядно показывают прошения о пенсии, отпуске, отставке дворян-чиновников Пермской губернии.

Соответственно, идеалы аристократического дворянства, к которым стремились многие, которым пытались подражать, приходили в столкновение с реальностью. Необходимо было выбирать: подчиниться и спокойно служить, получая жалованье и чины, или искать правду жизни, воспитывать себя и окружающих, но уже без чинов и заработной платы. Государству не требовались умные, волевые личности, так как с ними много хлопот, а нужны были хорошие исполнители монаршей воли.

В пореформенное время участие дворян в общественной жизни было менее интенсивным, чем купечества, подавившего их возможностями своего капитала и потеснившего в деле благотворительности и общественной активности, и разночинной интеллигенции более активной в земской работе. В силу малочисленности, исполнительности, зависимости от власти стать лидером в общественной деятельности пореформенного Урала дворянам не удалось. Служба определяла всю жизнь чиновника-дворянина и его семьи: круг общения, установки, образ жизни; человек сливался с ней и был самым верноподданным гражданином своему государю. Но при этом он так и не смог стать настоящей опорой государству, так как не научился отстаивать свои интересы, действовать самостоятельно, а лишь исполнял распоряжения.

Падение престижности дворянского статуса стали демонстрировать интеллигенция и купцы: Известный предприниматель В.П. Рябушинский свидетельствует: «На моей памяти купеческое самосознание очень повысилось – дворянства почти никто не домогался. Говорили, что лучше быть первым среди купцов, чем последним между дворян. Московские купцы отказались во время коронации Николая II в 1895 г. стоять на церемонии вторыми после дворян, протокол был изменён. Это было симптомом важного переворота, происходившего в общественном сознании: личные заслуги, талант, богатство, нажитое собственным трудом, начинали цениться выше, чем дворянское звание, за которым, кроме сословной спеси, могло ничего и не стоять» [Миронов 2003: 143–144].

В Российской империи дворянин и чиновник, слова, ставшие почти синонимами, полностью подчиняли свою жизнь службе, зачастую лишая себя увлечений, хобби, свободы выбора, слова. Служба определяла всю жизнь чиновника-дворянина и его семьи, кормила, давала материальные и нематериальные блага, власть, человек сливался с ней и был самым верноподданным гражданином своему государю, наряду с духовенством и русской армией. Вступая в «касту» государственных служащих, он как бы подписывал обет молчания, исполнительности и покорности, за что получал привилегии. И всё же, несмотря на всю несамостоятельность, подчинённость чиновного дворянства, образцы для подражания у него были достойные (аристократия), а по манерам в XIX в. российские вельможи не уступали европейцам. Уважение к дамам, деликатность, ответственность, жалостливость, некоторая удаль были присущи натуре российского дворянина. Провинциальное дворянство, будучи наиболее «благородной» социальной группой в местном обществе, пыталось воспроизводить столичные образцы мысли и поведения, однако в контексте местных привычек, традиций, воспитания, образования, особенностей губернии.

Заключение

Подводя итог характеристике повседневной жизни провинциального дворянина, можно сделать следующие выводы. Ментальное поле «благородного общества» Пермской губернии в XIX в. создавалось в своей основе отечественной бюрократией, представленной на территории губернии чиновничеством, технической интеллигенцией и небольшой группой мелкопоместных дворян, также вынужденных обратиться к государственной службе для поправки своих дел. Характерными для них становятся следующие черты: исполнительность, верность правительственному курсу, надёжность, неторопливость в делопроизводстве и жизни, упование на защиту и помощь государства. Общественная деятельность дворян была сосредоточена на благотворительных и культурных мероприятиях, которые создавали и поддерживали социальное пространство губернии. Наиболее активной в рамках дворянского сословия была техническая интеллигенция, сосредоточившая своё внимание на научно-просветительской и организационной деятельности инженеров горных заводов.

Для решения социально-экономических вопросов сословия функционировали дворянские опеки, единственные сословные организации на территории губернии. В силу малочисленности дворянского корпуса так и не было создано дворянское собрание, которое бы могло отстаивать интересы данной социальной группы. Для общения, проведения досуга и поддержания статусного образа жизни существовал клуб по интересам – Благородное собрание. В целом, социальная активность дворян, в основном представленных на территории Пермской губернии чиновничеством, была ограничена вопросами помощи нуждающимся, организации культурного пространства, расширения образовательного уровня населения в рамках государственной политики. В их деятельности отсутствовала политическая направленность, обсуждение социально-политических вопросов, так как по долгу службы они обязаны были отстаивать государственные интересы. В повседневной жизни им были свойственны традиционализм, консерватизм, исполнительность, боязнь перемен, верность государственному курсу, поэтому стать инициатором перемен, выразителем интересов губернии, лидером общественной жизни им не удалось.

Список источников

1. ГАПК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 11, 12, 13, 324–327, 416, 454, 508, 592, 627.
2. ГАПК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 146. Л. 6-660.
3. ГАПК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 12. Л. 2-94; Д. 14. Л. 2-106; Д. 17. Л. 2-45.
4. ГАПК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 65. Л. 4, 9, 13, 20.
5. ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 1179. Л. 6-286.
6. ГАСО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 94. Л. 53.
7. ГАПК. Ф. 208. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.
8. ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2749. Л. 94.
9. Адрес-календарь Пермской губернии за 1863 г. Пермь: Тип. губ. Правления, 1863.
10. Адрес-календари Пермской губернии за 1888 г. Пермь: Тип. губ. Правления, 1888.
11. Адрес-календари Пермской губернии за 1889 г. Пермь: Тип. губ. Правления, 1889.
12. Адрес-календари Пермской губернии за 1895 г. Пермь: Тип. губ. Правления, 1895.
13. Адрес-календари Пермской губернии за 1896 г. Пермь: Тип. губ. Правления, 1896.
14. Адрес-календарь Пермской губернии за 1898 г. Отдел II. Пермь: Тип. губ. Правления, 1898.
15. Адрес-календарь Пермской губернии за 1899 г. Отдел II. Пермь: Тип. губ. Правления, 1899.
16. Благородное собрание // Пермские губернские ведомости. 1901. 27 мая (№ 112). С. 3.
17. Состояние образования в губернии // Пермские губернские ведомости. 1887. № 3. 10 января. Л. 6.

Список литературы

1. Дашкевич Л.А., Корсунова С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала XIX век. (Учён. зап. Свердл. област. краеведч. музея). Екатеринбург: Б.и., 1997. 208 с.
2. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М.: Мысль, 1978. 288 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т., 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
4. Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб.: Нева, 2001. 224 с.

List of sources

1. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. 36, op. 2, d. 11, 12, 13, 324-327, 416, 454, 508, 592, 627. (In Russ.)
2. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. 40, op. 1, d. 146, l. 6-660. (In Russ.)
3. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. 48, op. 1, d. 12, l. 2-94, d. 14, l. 2-106, d. 17, l. 2-45. (In Russ.)
4. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. 48, op. 1, d. 65, l. 4, 9, 13, 20. (In Russ.)
5. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. 65, op. 2, d. 1179, l. 6-286. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region]. F. 67, op. 1, d. 94, l. 53. (In Russ.)
7. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. 208, op. 1, d. 12, l. 26. (In Russ.)
8. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. 280, op. 1, d. 2749, l. 94. (In Russ.)
9. Adres-kalendar' Permskoi gubernii za 1863 g. [Address-calendars of the Perm province for 1863], Perm, 1863. (In Russ.)

10. Adres-kalendar Permskoi gubernii za 1888 g. [Address-calendars of the Perm province for 1888], Perm, 1888. (In Russ.)
11. Adres-kalendar Permskoi gubernii za 1889 g. [Address-calendars of the Perm province for 1889], Perm, 1889. (In Russ.)
12. Adres-kalendar Permskoi gubernii za 1895 g. [Address-calendars of the Perm province for 1895], Perm, 1895. (In Russ.)
13. Adres-kalendar Permskoi gubernii za 1896 g. [Address-calendars of the Perm province for 1896], Perm, 1896. (In Russ.)
14. Adres-kalendar' Permskoi gubernii za 1898 g. [Address-calendar of the Perm province for 1898]. Perm, 1898. (In Russ.)
15. Adres-kalendar' Permskoi gubernii za 1899 g. [Address-calendar of the Perm province for 1899]. Perm, 1899. (In Russ.)
16. Blagorodnoe sobranie [Noble Assembly]. *Permskie gubernskie vedomosti*, 1901, May 27, (no. 112), p. 3. (In Russ.)
17. Sostoyanie obrazovaniya v gubernii [The state of education in the province]. *Permskie gubernskie vedomosti*, 1887, no. 3, January 10, l. 6. (In Russ.)

References

1. Dashkevich L.A., Korsunova S.Ya. *Tekhnicheskaya intelligentsiya gornozavodskogo Urala XIX vek* [Technical intelligentsia of the mining Urals XIX century]. Ekaterinburg, B.i., 1997, 208 p. (In Russ.)
2. Zaionchkovskii P.A. *Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii* [The government apparatus of autocratic Russia]. Moscow, Mysl', 1978, 288 p. (In Russ.)
3. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo KhKh v.)* [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII - early XX century)]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2003, vol. 1, 548 p. (In Russ.)
4. Murav'eva O.S. *Kak vospityvali russkogo dvoryanina* [How a Russian nobleman was brought up]. Saint Petersburg, Neva, 2001, 224 p. (In Russ.)

Информация об авторе

*Е.П. Агеева – кандидат исторических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.*

Information about the author

*E.P. Ageeva – Ph.D. (History), Associate Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.*

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 18.02.2022

The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 18.02.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 16–40.

Humanitarian studies. History and philology. 2022. No. 5. P. 16-40.

Научная статья

УДК 94(470.53).084.8

doi: 10.24412/2713-0231-2022-5-16-40

ЭВАКУАЦИЯ НАУЧНЫХ, УЧЕБНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОРОД МОЛОТОВ (ПЕРМЬ) ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Михаил Геннадьевич Нечаев

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия,
mgn4@mail.ru

Аннотация. «Новая волна» интереса к Великой Отечественной войны характеризуется многочисленными публикациями, в которых присутствует разнообразие интерпретаций, а также в научный оборот вводится большое количество рассекреченных новых документальных источников. Однако по-прежнему научная и культурная жизнедеятельность в условиях войны находится на периферии внимания исследователей. В предлагаемой статье делается попытка системно реконструировать картину эвакуации именно в город Молотов (Пермь), который являлся одним из основных пунктов назначения в перемещении предприятий, учреждений, населения и культурных ценностей в 1941–1942 гг. на Урале. Рассматриваются подробности эвакуации в город Молотов научных, учебных и культурных учреждений, которые ускользали от внимания исследователей, что позволяет объяснить и раскрыть малоизвестные или совсем неизвестные факты и события, связанные с важнейшей страницей в истории нашей страны. Большая часть представленного в статье документального материала впервые вводится в научный оборот. Анализ представленного исторического материала позволяет сделать вывод не только о масштабности реализации задач, связанных с сохранением научной и культурной инфраструктуры Советского Союза, но и о том влиянии которую оказали эвакуированные учёные, писатели, художники, артисты, музыканты, музейные и архивные работники на культурное развитие типичного уральского промышленного города, каким являлся Молотов (Пермь).

Ключевые слова: Молотов, Совет по эвакуации, эвакуация, Государственный комитет обороны, обком ВКП(б), облисполком, райисполком, особое конструкторское бюро, особое техническое бюро, НИИ, КБ, Союз советских писателей, Союз художников

Для цитирования: Нечаев М.Г. Эвакуация научных, учебных и культурных учреждений в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 16–40. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-16-40>

Original article

EVACUATION OF SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND CULTURAL INSTITUTIONS TO THE CITY OF MOLOTOV (PERM) DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Mikhail G. Nechaev

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, mgn4@mail.ru

Abstract. The "new wave" of interest in the Great Patriotic War is characterized by numerous publications in which there is a variety of interpretations, as well as a large number of declassified new documentary sources are introduced into scientific circulation. However, scientific and cultural activities in the conditions of war are still on the periphery of the attention of researchers. The proposed article attempts to systematically reconstruct the picture of evacuation to the city of Molotov (Perm), which was one of the main destinations in the movement of enterprises, institutions, population and cultural values in 1941-1942 in the Urals. The details of the evacuation of scientific, educational and cultural institutions to the city of Molotov, which escaped the attention of researchers, are considered, which makes it possible to explain and reveal little-known or completely unknown facts and events related to the most important page in the history of our country. Most of the documentary materials presented in the article are being introduced into scientific circulation for the first time. The analysis of the presented historical material allows us to conclude not only about the scale of the implementation of tasks related to the preservation of the scientific and cultural infrastructure of the Soviet Union, but also about the impact that the evacuated scientists, writers, artists, artists, musicians, museum and archival workers had on the cultural development of a typical Ural industrial city, such as Molotov (Perm).

Keywords: Molotov, Evacuation Council, evacuation, State Defense Committee, Regional Committee of the CPSU(b), regional executive committee, district executive committee, special design bureau, special technical bureau, Research Institute, Design Bureau, Union of Soviet Writers, Union of Artists

For citation: Nechaev M.G. Evacuation of scientific, educational and cultural institutions to the city of Molotov (Perm) during the Great Patriotic War. Humanitarian studies. History and philology. 2022;5:16-40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-16-40>

Введение

Описать все аспекты такого крупномасштабного перемещения с запада на восток больше половины технических и технологических ресурсов, а также одной трети населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны пока является непосильной задачей для отечественной историографии. В общих работах, посвященных эвакуации, Уралу уделяется большое внимание, однако многие важные детали, связанные именно с Молотовской областью (ныне Пермский край) и особенно с городом Молотовым (ныне город Пермь) чаще всего не становятся предметом пристального внимания исследователей. Цель данной статьи рассмотреть эвакуацию в город Молотов именно научных, учебных и культурных учреждений.

Основная часть

24 июня 1941 г. «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР» постановил создать Совет по эвакуации и обязал его «немедленно приступить к работе» [О создании Совета по эвакуации 1990: 201]. Уполномоченным Совета по эвакуации высших учебных заведений и научных учреждений был назначен председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтанов. 2 июля 1941 г. уполномоченным Совета по эвакуации Академии наук СССР был утверждён вице-президент АН СССР акад. О.Ю. Шмидт [Левшин 1983: 26].

К началу 1941 г. в Советском Союзе было 1821 научных учреждений, в том числе 786 крупных научно-исследовательских институтов. Непосредственно научной работой занимались 98,3 тыс. человек. Кроме того, в 817 высших учебных заведениях страны насчитывалось 61,4 тыс. преподавателей и научных сотрудников или 62 % от общего числа научных работников. Однако большинство научных учреждений находились в Москве, Ленинграде и западных областях СССР. Так в Москве было 16 % (290), в Ленинграде 8 % (146), на Украине 7 % (138), в Белоруссии 1 % (24), а в целом это составляло 65 % (1196) всех научных учреждений страны [Левшин 1983: 8, 10–11].

Основное число научно-исследовательских институтов были эвакуированы в Казань, Уфу и в Свердловск. Урал до войны располагал 33 (1,8 %) высшими учебными заведениями, в которых насчитывалось 5000 (5 %) научно-педагогических работников [Левшин 1983: 41]. Несмотря на то, что город Молотов с 1923 г. потерял статус столицы крупного административно-территориального образования, став окружным, а впоследствии только районным центром и лишь 3 октября 1938 г. произошло отделение Пермской области от Свердловской, тем не менее это был университетский город с большим количеством учебных заведений. В начале 1940–1941 учебного года в Молотове насчитывалось 66 общеобразовательных школ, в которых обучалось более 40 тыс. человек. В городе работало 21 средних специальных учебных заведений, где в 1937 г. училось 4273 человек. В г. Перми функционировало 7 вузов и ряд научно-исследовательских институтов. В них училось и работало в 1937 г. 5460 человек, а в 1941 г. – 6700. За всё время своей работы ВУЗы г. Молотова выпустили к 1937 году свыше 10 тысяч высококвалифицированных специалистов, среди которых было 1086 полеводов, почвоведов, зоотехников, овцеводов; 4000 химиков, физиков, математиков, геологов, зоологов, биологов; 2989 врачей и 1681 педагога [Капцугович 1973: 15; Пермь прежде и теперь 1937: 20].

Вместе с переброской заводов в город Молотов происходило, в том числе и эвакуация их конструкторских бюро. 4 августа 1941 г. в г. Молотов прибыл первый эшелон с оборудованием 33-го Московского карбюраторного завода. 9 октября 1941 г. Наркомат авиапромышленности приказал немедленно и полностью эвакуировать завод и опытное конструкторское бюро под руководством главного конструктора Ф.А. Короткого [Орлов 1990: 19–20]. Уже в ноябре 1941 г. завод начал выпускать продукцию для фронта. За 1942 г. завод № 33 выпустил около 30 наименований карбюраторов разработки основоположника отечественного агрегатостроения для авиационных и ракетных двигателей – Ф.А. Короткова К-11А, К-11Б, К-11 БП, КТА-21, К-25 и других на самолеты Як-1, ЛаГГ-3, Р-5, МиГ-3, Пе-2 и т. д. Все двигатели самолетов ВВС: истребители ОКБ С.А. Лавочкина (ЛаГи), А.И. Микояна (МиГи), А.С. Яковлева (Яки), штурмовики ОКБ С.В. Ильюшина (Ил-2, Ил-10), бомбардировщики ОКБ А.Н. Туполева, принимавшие участие в боевых действиях против фашистской Германии, были оборудованы карбюраторами, разработанными коллективом опытно-конструкторского отдела главного конструктора Ф.А. Короткова [Молотовская область в годы Великой Отечественной войны 2010: 98–99].

На площадях моторостроительного завода № 19 согласно постановлению Государственного Комитета Обороны от 8 октября 1941 г. было решено разместить 8 предприятий. Однако эвакуация заводов Наркомата авиапромышленности вместе с конструкторскими бюро началась уже в июле 1941 г. Первыми на моторостроительный завод

№ 19 прибыли 28 человек из конструкторского бюро Микулина (г. Москва). С завода № 24 эвакуировались в июле 1941 г. группа из 50 конструкторов 1-го ГПИ НКАП во главе со Свойкиным (г. Москва), в которую влились работники проектной конторы этого института из г. Харькова и разместились в помещении ОКСа завода [ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 37: Л. 144, 148–149, 153; Силина 2017: 18–19].

Моторостроительный завод предоставил для эвакуированного Харьковского самолетного завода № 135 вновь построенные четыре корпуса и площади заводской летно-испытательной станции у деревни Фролы [Силина 2017: 18]. Сотрудники и оборудования завода № 135, а также опытное производство ОКБ Сухого и филиалы: завод № 289 (г. Москва), заводы № 450, № 480, «Серп и молот» (г. Харьков) и завод № 207 (г. Москва), в том числе часть завода Гидропровод начали прибывать с 3 октября 1941 г. [Пермский край в Великой Отечественной войне 2018: 84]. К 20 октября 1941 г. сняли с железнодорожных платформ 10 тысяч тонн эвакуированных грузов [Четверик 1978: 149].

29 июня 1941 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О переводе из Москвы наркоматов и Главных управлений». В постановлении отмечалось, что главной целью перевода наркоматов и ведомств являлась «разгрузка города Москвы». Однако при этом, с одной стороны, народных комиссаров обязывали «в связи с переездом, установить сокращенный штат наркоматов (ведомств)», а, с другой стороны, обкомы ВКП(б) и облисполкомы на местах должны были «максимально сократить число областных, городских и районных учреждений и их штаты и перевести часть учреждений в другие города и районные центры области, предоставив освобождающиеся помещения переселяемым наркоматам. Выделить также для этих целей часть школьных зданий и зданий высших учебных заведений». К этому постановлению был приложен список наркоматов и главных управлений, подлежащих переводу из города Москвы полностью (Список 1) и частично (Список 2). Согласно этому постановлению в Молотов частично переводился (Список 2) Народный комиссариат угольной промышленности (нарком – В.В. Вахрушев) [О переводе из Москвы наркоматов и Главных управлений 1990: 212–213].

В этом же постановлении Наркомат вооружения переводили в г. Ижевск. Однако Ижевск «был перенаселен». И самый молодой нарком Советского Союза (ему было тогда 32 года) Д.Ф. Устинов предоставил проект постановления об эвакуации аппарата Наркомата вооружения во главе с В.М. Рябиковым в Молотов утвержденный ГКО. Первый часть сотрудников Наркомата вооружения – 300 человек появились в городе в начале августа 1941 г. Второй эшелон в количестве 1000 человек на пароходах прибыли в середине августа 1941 г. Вместе с другими семьями в Молотов уехала и жена наркома Таисия Алексеевна Устинова с двумя детьми. Там она работала. Там же вступила в ряды ВКП(б). До конца 1941 г. Наркомат вооружения практически в полном составе работал в городе Молотове [Устинов, Нарком, Министр, Маршал 2002: 53; ГАПК. Ф. р-564. Оп. 4. Д. 77: Л. 361].

Одновременно с аппаратом Наркомата вооружения из Ленинграда, в соответствии с постановлением ГКО от 11 июля 1941 г. в Молотов эвакуировался Научно-исследовательский институт № 13 (НИИ-13), подчиняющийся Наркомату Вооружений СССР (директор П.П. Шипулин и главный конструктор Е.В. Чарнко). В августе 1941 г. прибыло 883 сотрудников НИИ-13 и 575 членов их семей. Коллектив НИИ-13 находился в эвакуации до май 1945 года [ГАПК. Ф. р-564. Оп. 4. Д. 77: Л. 378; Пермский край в Великой Отечественной войне 2020: 365–366].

В составе сотрудников НИИ-13 прибыл конструктор практически всех отечественных минометов Б.И. Шавырин. С целью разработки опытных образцов миномётного вооружения и мин постановлением ГКО от 11 апреля 1941 г. путём объединения Специального конструкторского бюро НИИ-13 НКВ и миномётной группы конструкторов завода № 7 НКВ было образовано Специальное конструкторское бюро (СКБ) гладкоствольной артиллерии Наркомата вооружения. В 1942 г. был выполнен проект 45-мм противотанковой пушки большой мощности и создан стальной нагрудник для бойцов СН-42 (инженеры Корюков и Потапов), принятый на снабжение Красной Армии. Кроме того, марка стали И-1, разработанная в НИИ стала использоваться для изготовления касок и стальных нагрудников на Лысьвенском металлургическом заводе. В 1944 г. за выдающиеся заслуги в области военной металлургии и за выполнение заданий правительства по повышению боевых качеств вооружения Красной Армии и Военно-Морского Флота научно-исследовательский институт был награждён орденом Ленина [Пермский край в Великой Отечественной войне 2020: 365–366].

Город Молотов и Молотовская область стала местом куда эвакуировались также ученые-изобретатели осужденные по 58-й статье как «враги народа» и работающие в «шарашках».

В 1938 г. в подмосковном поселке Болшево было создано особое техническое бюро НКВД СССР (ОТБ-6), начальником которого назначили инженера-пороховика М.И. Левичека. Главным инженером пороховой группы стал осужденный 28 мая 1940 г. военной коллегией Верховного Суда СССР по статьям 58-1 «а», 7-9 и 11 Уголовного кодекса РСФСР к 10 годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях – А.С. Бакаев. Большую и плодотворную работу в области создания холодных баллиститных порохов, методов их проектирования и контроля производства в предвоенные годы под руководством А.С. Бакаева в ОТБ-6 провели Д.И. Гальперин, С.Н. Разумовский, А.С. Рябов, А.Д. Артющенко, А.И. Сухов, Б.И. Пашков. В июне 1941 г. предложенный ОТБ-6 ассортимент холодных порохов с пониженным разгарным действием, удовлетворявших требованиям РККА и ВМФ, был принят на вооружение и в валовое производство. Артиллеристы перестали называть баллиститные пороха «смерть пушкам». В начале войны 20 специалистов-пороховиков из ОТБ-6 были эвакуированы в город Молотов на завод №98, где были организовано ОТБ-98. Под научным руководством А.С. Бакаева ОТБ-6 и ОТБ-98 НКВД были успешно решены многочисленные злободневные задачи, определяемые нуждами развития артиллерии, а во время войны – запросами сражающихся фронтов. Они создали специальный шнек-пресс, разработали соответствующие составы порохов и технологические режимы непрерывного формирования шашек на этом прессе. Опасные и тяжелые операции вальцевания пороховой массы и прессования шашек на гидравлических прессах были исключены из технологического процесса. Техничко-экономические показатели резко улучшились. Эта работа была выполнена специалистами ОТБ-98 и работниками завода № 98 М.И. Левичеком, А.Э. Спорисом, Ф.М. Хритининым, Б.И. Пашковым, А.Г. Каллистовым, И.В. Крыжановским, Д.И. Гальпериным, С.Н. Разумовским, В.А. Лясоцким и другими под руководством А.С. Бакаева [Вернидуб 1998: 144–145, 147–149].

В годы Великой Отечественной войны под руководством А.С. Бакаева в ОТБ-98 были успешно решены и другие сложные технические проблемы, такие, например, как замена ставшего остродефицитным централита на доступный продукт – технический оксид магния, разработка миномётных зарядов, надёжно работающих при низких температурах, разработка зарядов для наземных и морских артиллерийских систем и многие другие [Вернидуб 1998: 149].

Выдающиеся научные достижения А.С. Бакаева и руководимого им коллектива специалистов ОТБ-98 послужили основанием для ходатайства НКВД СССР перед Президиумом Верховного Совета СССР о досрочном освобождении А.С. Бакаева со снятием судимости. Президиум Верховного Совета СССР своим решением от 13 августа 1943 г. согласился с представлением НКВД СССР и досрочно освободил А.С. Бакаева со снятием с него судимости. Тогда же Указом Президиума Верховного Совета СССР А.С. Бакаева наградили орденом Трудового Красного Знамени. Уже после войны, в 1946 г., А.С. Бакаеву, А.Э. Спориусу и Д.И. Гальперину за коренное усовершенствование технологии производства порохов была присуждена Государственная премия СССР [Вернидуб 1998: 149].

В ленинградских «Крестах» функционировала спецтюрьма – артиллерийское Особое конструкторское бюро (ОКБ) с контингентом 150 человек. Первоначально их планировали эвакуировать в Казань. 21 июля 1941 г. этап заключённых был отправлен в Казань, однако вместо этого оказался в Томске. И только в июле 1942 г. инженеры-конструкторы прибыли в Молотов. Ученые-заключённые были первоначально размещены в ИТК № 1, находившейся в районе современного театра кукол, пока им не подыскали небольшой двухэтажный домик на улице Ким (41). Ведущим конструктором этого КБ был М.Ю. Цирульников, осуждённый Особым совещанием НКВД по 58-ой статье к 8 годам заключения. Эвакуированное КБ работало на Мотовилихинском заводе или на заводе № 172 имени Молотова и поэтому стало называться ОКБ-172. На счету лагерной «шарашки» ОКБ-172 – разработка пехотной противотанковой пушки М-42 («Аннушки»), модернизация гаубицы-пушки 152-мм МЛ-20 (позже использовалась в самоходке ИСУ-152), разработка 122-мм самоходки повышенной мощности М-22, 76-мм дивизионной пушки БЛ-14, 85-мм противотанковой пушки БЛ-19 и других. За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48,6 тысяч пушек, то есть каждая четвертая, произведенная в стране. М.Ю. Цирульников по ходатайству наркома вооружения Д.Ф. Устинова в 1943 г. был досрочно освобожден, другие конструкторы остались в заключении. М.Ю. Цирульников был только освобожден, но не реабилитирован, поэтому возвращаться в Ленинград ему было запрещено. М.Ю. Цирульников впоследствии стал главным конструктором Мотовилихинского завода (1946–1956 гг.), затем участвовал в разработке маршевого ракетного двигателя для межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2 (НПО «Искра»), был доцентом, заведующим кафедрой в политехническом институте, автором более 200 опубликованных научных работ и директором – главным конструктором ОКБ «Темп» [Топография террора 2012: 227–231].

Накануне войны в стране имелось 817 высших учебных заведений с 811,7 тыс. студентов. Уже в первые месяцы войны часть вузов оказалась на временно оккупированной территории, другая – в прифронтовой полосе, где процесс нормального обучения приостановился, третья была эвакуирована в глубь страны. Полностью или частично было разрушено 334 высших учебных заведения. В 1941-1941 гг. число вузов сократилось до 460, а количество студентов – до 227 тыс. [Советский тыл в годы Великой Отечественной войны 1986: 121]

Созданный согласно постановлению Совета народных комиссаров от 8 сентября 1936 г. «О подготовке средних медицинских, зубоврачебных и фармацевтических кадров» из факультета Пермского мединститута Пермский (Молотовский) фармацевтический институт в годы войны принял в свои ряды большое количество ученых фармацевтов Москвы, Ленинграда и Днепропетровска. В октябре 1941 г. в город Молотов был эвакуирован Московский фармацевтический институт. В состав этого крупнейшего в СССР фарминститута входило 23 кафедры, а также аптека и питомник лекарственных растений. В числе прочих была эвакуирована кафедры физической и коллоидной химии, руководство которой было поручено доценту В.В. Монблановой, кафедра фармакогнозии во главе с профессором Д.М. Щербачевым, а также часть кафедр неорганической и аналитической химии. Д.М. Щербачев в области фармакогнозии опубликовал около 60-ти научных работ. По его учебнику по фармакогнозии, написанного в соавторстве с В.А. Могильским учились не одно поколение студентов. В период эвакуации Щербачевым Д.М. было исследовано анатомическое строение стеблей и цветков травы Термописа (заменителя импортной Ипекакуаны) в рамках научного направления «замена импортного лекарственного растительного сырья на отечественное». В 1944 г. он был награжден значком «Отличнику здравоохранения», а в 1945 г. удостоен высокой государственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени [Сергеева 2013: 5–6; Краснюк, Скاتков 2013: 22–23; Харитонов, Сергеева 2013: 30; Самылина, Шамин 2013: 17]. Из 31 темы научных исследований Молотовского фарминститута – 25 были посвящены узловой проблеме – «Изыскание новых лекарственных средств оборонного значения на базе использования местных сырьевых ресурсов». Преподаватели фарминститута изыскивали местное лекарственного сырья на основе минеральных ресурсов, железистых, соляных, углекислых и сероводородных водных источников, возможностей лесохимической промышленности, коксующегося угля Кизела. Им удалось организовать производство ряда дефицитных препаратов (белого стрептоцида, эфира для наркоза и др.) на заводах области [Невоструев, Лядов 2020: 82]. В феврале 1943 г. началась реэвакуация Московского фармацевтического института, которая завершилась в августе 1943 г. [Краснюк, Скатков 2013: 22–23; Харитонов, Сергеева 2013: 30; Самылина, Шамин 2013: 17].

В марте 1942 г. из блокадного Ленинграда в Пермь эвакуировали Ленинградский сельскохозяйственный институт. До войны институт насчитывал 27 кафедр и имел три факультета: агрономический с отделениями полеводства, селекции и семеноводства, экономический и защиты растений, а также агропедагогическое отделение. Кроме того, в 1941 г. к сельскохозяйственному был присоединён плодоовощной институт на правах факультета. Профессорско-преподавательский состав насчитывал 179 человек. В Молотове он был размещен на базе Пермского сельскохозяйственного института, но функционировал как самостоятельное высшее учебное заведения. Главный корпус Молотовского сельхозинститута был изъят для нужд военного времени и занятия у студентов и преподавателей ЛСХИ проходили в химическом корпусе, в восьми помещениях арендованных у госуниверситета, в комнате, арендованной у пединститута и в зданиях учхоза «Липовая гора». Учёба проходила в две смены. Студенты Ленинградского сельхозинститута приняли активное участие в посевной кампании 1943 года, за что получили диплом первой степени на Областной сельскохозяйственной выставке. Профессора и

преподаватели Ленинградского сельхозинститута читали выездные лекции и проводили консультации в районах области, обучали горожан на курсах по сельскохозяйственным работам, выступали с лекциями в госпиталях и на радио [Волкова 2018: 87–89].

Специалистами Ленинградского Сельскохозяйственного института заведующим кафедрой овощеводства В.А. Брызгаловым, профессором Г.Я. Бей-Биенко и доцентом Т.Л. Доброзраковой были разработаны «Агроправила по овощным культурам, овощному семеноводству и защите овощных растений для Молотовской области», предназначенные для руководства при разработке производственных и агротехнических планов по овощеводству и овощному семеноводству в хозяйствах Молотовской области [Брызгалов, Бей-Биенко, Доброзракова 1944: 3–4].

В эвакуации продолжал свою научную и педагогическую деятельность заведующий кафедрой энтомологии Ленинградского сельскохозяйственного института Г.Я. Бей-Биенко. Впоследствии он стал лауреатом первой степени Сталинской премии, президентом Всесоюзного энтомологического общества при АН СССР, членом-корреспондентом АН СССР, заслуженным деятелем науки РСФСР, автором более 250 научно-методических публикаций, в том числе знаменитых учебников «Сельскохозяйственная энтомология» и «Общая энтомология», считающийся до сих пор одним из лучших и выдержавший 3 издания [Копанёва 2005: 13–14].

Декан плодоовощного факультета ленинградского сельскохозяйственного института В.А. Брызгалов не только готовил сельскохозяйственные кадры для страны, но и принимал активное участие в организации овощеводства, чтобы снабдить г. Молотов овощами. Ещё в блокадном Ленинграде Валентин Андреевич получил задание выявить возможности вырастить овощи для горожан и подготовить рекомендации по использованию крапивы как источника витаминов. Как результат у Казанского собора, в скверах и во дворах весной 1942 г. ленинградцы стали выращивать овощи [Осипова 2017: 297–298]. В Молотове также появились подобные огороды в черте города. В 1943 г. в областном издательстве тиражом 10000 экз. выходит его работа «Выращивание рассады и ранних овощей в утепленном грунте» [Брызгалов 1943], а в 1944 г. «Справочник огородника» тиражом 5000 экземпляров [Брызгалов 1944].

Создатель своей научной школы «Заслуженный деятель науки РСФСР» Валентин Андреевич Брызгалов подготовил 9 докторов и 61 кандидата сельскохозяйственных наук. Именно он совместно с академиком А.Ф. Иоффе создали и изучили первую полимерную плёнку для защищенного грунта. Валентин Андреевич был инициатором замены парников на пленочные теплицы, что значительно снизило трудоемкость в овощеводстве и в первую очередь перевело производство рассады овощных культур на промышленную основу. Под его руководством студенты и аспиранты изучали и разрабатывали технологию выращивания дыни, арбуза, цикорного салата, шампиньона, лука порея, салатных культур, патиссона, овощной фасоли, доращивания и выгонки сельдерея и петрушки, доращивания цветной капусты, консервации рассады сельдерея и томата [Осипова 2017: 296–299].

Резэвакуация Ленинградского сельскохозяйственного института началась осенью 1944 года. Вместе с ленинградцами Молотов покинули 203 студента родом из Молотовской области [Спешилов 1979: 168].

Кроме того, в Пермский государственный педагогический институт в период Великой Отечественной войны были эвакуированы курсы, созданные в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена крупным ученым-дефектологом, доктором педагогических наук, профессором Б.И. Коваленко. Он был основателем метода, позволяющего привлекать к интеллектуальному труду бойцов и командиров, потерявших зрение на фронте. В результате Пермский пединститут стал единственным в Советском Союзе, где было организовано и в массовом масштабе осуществлялось возвращение к жизни ослепших защитников Родины [Пермский педагогический институт – фронтовикам 1974: 5–7].

В Перми в результате вторичной эвакуации оказался также старейший ВУЗ нашей страны (дата основания 1875 г.) Ленинградский военно-механический институт. Первоначально институт распоряжением СНК СССР от 12 марта 1942 г. был эвакуирован в город Пятигорск. Однако в связи с летним наступлением немецкой армии на юге Ленинградский военно-механический институт 17 сентября 1942 г. в количестве 69 человек (51 студент, 9 преподавателей и 9 служащих) прибыл в Молотов (Пермь). Занятия начались с 9 ноября 1942 г. [Нечаев 2015: 70]. За годы Великой Отечественной войны институт подготовил и выпустил 145 инженеров для оборонной промышленности СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1944 г. Ленинградский военно-механический институт был награжден орденом Красного Знамени. В декабре 1944 г. был получен приказ Наркома вооружения «О реэвакуации ЛВМИ и ЛИТМО в г. Ленинград». Реэвакуация института из Молотова (Перми) в Ленинград была осуществлена в течение января-февраля 1945 г. [ПермГАСПИ Ф.105. Оп. 354. Д. 3206: Л. 94–97].

В Молотове разместили также эвакуированные военные училища: 2-е Ростовское училище самоходной артиллерии (в городе находилось с августа 1942 г. по июнь 1944 г.) и Урюпинское пехотное училище (время пребывания с декабря 1942 г. по декабрь 1945 г.) [Урал ковал победу 1993: 341]. 2-е Ростовское училище самоходной артиллерии приказом НКО СССР от 23 апреля 1943 г. было передано в ведение командующего бронетанковых и механизированных войск Красной армии и согласно штатному расписанию от 18 июня 1943 г. имела численность военнослужащих постоянного состава – 539, курсантов – 2000 человек, курс переподготовки командного состава – 200 человек, вольнонаемных – 250 человек. Урюпинское военно-пехотное училище было создано в городе Урюпинске Сталинградской области в феврале 1940 г. на базе частей 118 стрелковой дивизии. В июне 1941 г. в училище занималось 800 курсантов. В июле-августе 1941 г. училище передислоцировали в город Нальчик. 15 июля 1942 г. училище в полном составе выехало на Северо-Кавказский фронт. После окончания боёв в начале сентября 1941 г. училище было отправлено в город Нальчик, а в середине октября местом дислокации стал город Кировакан Армянской ССР. В декабре 1942 г. Урюпинское военно-пехотное училище перебазировали в город Молотов. Срок обучения был один год с присвоением воинского звания «лейтенант». Однако многие курсанты, когда возникала потребность в пополнении пехоты, получали сержантское звание и досрочно отправлялись на передовую. В училище продолжалось обучение вплоть до расформирования 10 декабря 1945 г. [Пермский край в Великой Отечественной войне 2020: 344].

В Молотов также эвакуировали ремесленные училища. 10 ноября 1941 г. в город Молотов прибыли ремесленное училище № 16 г. Москвы в количестве 45 чел. учащихся и 7 чел. административного и технического персонала и ремесленное училище № 25 г. Москвы в количестве 32 чел. с двумя преподавателями вместе со всем имуществом. Эти два училища включили в состав ремесленного училища № 3, созданного на базе Мотовилихинского завода № 172 [ГАПК. Ф. р-982. Оп. 1. Д. 3: Л. 44].

13 января 1942 г. 150 учащихся Донбасса направили в ремесленное училище № 8 города Молотова. Здесь готовили кадры для Пермского суперфосфатного завода – аппаратчиков химпроизводства, слесарей по ремонту промышленного оборудования, электриков, сварщиков, кузнецов. Ремесленное училище № 8 в годы войны неоднократно становилось победителем социалистического соревнования среди ремесленных училища и школ ФЗУ. В 1943 г. за первое место по Советскому Союзу, за достигнутые успехи в подготовке квалифицированных рабочих ремесленному училищу суперфосфатного завода было вручено переходящее Красное знамя [Буслаев 2016: 85].

Город Молотов вопреки первоначальным планам стал одной из главных баз эвакуации документов государственного архивного фонда страны. Уже 5 июля 1941 г. вышло постановление СНК и ЦК ВКП (б) «Об эвакуации архивов» [Об эвакуации архивов 1990: 197–198]. В соответствии с принятым решением центральные государственные архивы СССР Москвы и Ленинграда, а также все государственные архивы прифронтовых республик и областей должны были принять меры и немедленно эвакуировать все документальные материалы в глубь страны.

Уже в августе 1941 г. в Молотов были эвакуированы документы ряда районных архивов Ленинградской области – Молтовичского, Вознесенского, Новгородского, Валдайского, Лычковского, Дедовичского, Солецкого, Пестовского, Крестецкого, Старорусского. Архивные материалы поступили в виде 13 связок с документами, а также в несгораемых деревянных ящиках, железных ящиках и даже кованых сундуках [Глушков 2020: 100–101].

В постановлении от 5 июля 1941 г. местом эвакуации архивов Совнаркома СССР, Комитета Оборона, ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, КПК, исполкома Коминтерна, ИМЭЛ, Наркомата госбезопасности стал город Уфа. А материалы, хранящиеся в центральных архивах городов Москвы и Ленинграда были эвакуированы в города Чкалов (Оренбург) и Саратов [Об эвакуации архивов 1990: 197–198].

В июле 1941 г. в Саратов были эвакуированы три московских архива. К 11 июля 1941 г. загрузили первый железнодорожный эшелон, в составе которого было 12 вагонов с документальными материалами Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС). Это фонды СНК, ВЦИК, ЦИК СССР, все документальные материалы секретного отдела, картотеки. Всего 520832 дела и картотека в количестве 2 млн. карточек. В первом эшелоне, который был направлен в г. Саратов, эвакуирован основной аппарат Государственного архивного управления (ГАУ) и центральных государственных архивов г. Москвы, в том числе 29 сотрудников ЦГАОРСС (заместитель начальника архива, 4 начальника отделов, 3 старших научных сотрудника, 6 научных сотрудников и 15 старших архивно-технических работников) с их семьями. Документальные материалы архива разместили в помещении Краеведческого музея на берегу Волги. В это же время в Саратов были эвакуированы наиболее ценные фонды

Центрального государственного исторического архива г. Москвы (ЦГИАМ) [История Государственного архива Российской Федерации 2010: 104,191, 340]. В Саратов также вывезли фонды центральных управлений фронтов и армий, а также 47 сотрудников Центрального государственного архива Красной Армии (ЦГАКА). Всего 38 вагонов. [Российский государственный военный архив 2020: 285, 315]. Однако Саратов оказался уязвим для налётов вражеской авиации и было принято решение о вторичной эвакуации этих центральных государственных архивов в г. Молотов.

Весной 1942 г. находившиеся в Саратове документы ЦГИАМ (около 200 тыс. ед. хр. – это 25 % от всех ед. хр. архива) в 6 вагонах были переведены в Молотов. Среди эвакуированных документальных материалов были следующие фонды: секретная часть Особого отдела Департамента полиции – 2897 ед. хр.; секретные дела Жандармского управления – 1666 ед.хр.; Министерство иностранных дел – 39883 ед.хр.; Министерство внутренних дел – 90288 ед. хр. и другие [История Государственного архива Российской Федерации 2010: 105, 120].

24 сентября 1942 г. состоялось заседание Молотовского облисполкома по вопросу «О размещении прибывающих эвакуированных документальных материалов Управления Государственных Архивов НКВД СССР в здании Молотовского горисполкома». Было принято решение помимо здания областного архива разместить прибывающие документальные материалы в подвальной части здания Молотовского горисполкома, где размещался методический кабинет и стрелковый тир. В срок до 1 октября 1942 г. было «предложено председателям райисполкомов» предоставить квартиры для 95 семей архивистов, а до этого временно поселить в районный эвакуопункт, который располагался в помещении клуба имени Ленина [ГАПК. Ф. р.-1047. Оп. 2. Д. 12: Л. 71].

Эшелон с документальными материалами и сотрудниками двух московских архивов ЦГАОРСС и ЦГАКА вышел из города Саратова 9 октября 1942 г. и прибыл в Молотов 17 октября 1942 г. Причём отмечалось что «сотрудникам в пути следования выдавалась горячая пища из эвакуопунктов, питание ... было вполне удовлетворительное, сотрудники были довольны и заявляли, что они в пути питались лучше, чем в г. Саратове» [Российский государственный военный архив 2020: 290].

В Молотов прибыло 14 вагонов документальных материалов ЦГАОРСС, в которых размещалось 1086 фондов (это 34 % всех фондов архива) и 689000 ед. хр. (это 45 % от всех ед. хр. архива) [История Государственного архива Российской Федерации 2010: 197]. Также в 14 вагонов поместились, эвакуированные в г. Молотов, материалы Центрального государственного архива Красной армии – 475352 ед. хр. (это 26 % от всех ед. хр. архива) и 35 сотрудников [Российский государственный военный архив 2020: 318].

Эвакуированные документальные материалы Московских архивов расположили в Государственном архиве Молотовской области (671 фондов и 550 тыс. ед. хр.), где вся площадь составляла только 975 м². Прибывшие из Саратова документы заняли 488,5 м² или 50,1 % от общей площади. Документами ЦГАОРСС была занята даже бывшая квартира дворника и уборщицы [Глушков 2020: 103]. Документы Центрального государственного исторического архива г. Москвы разместили в помещении методического кабинета ГОРОНО (тир в здании Горсовета). Архиву требовалось 280–300 кв. метров, а площадь зала была равна 157 кв. метра. Кроме того, требовались дополнительные помещения для документальных материалов ЦГАОРСС на 5-6 вагонов или 180–200 кв. метра, которые были

предоставлены в областном музее [ГАПК. Ф. р-176. Оп. 6. Д. 63: Л. 1-1об.]. Для ЦГАКА отвели место в клубе милиции (бывшее Благородное собрание, ныне в здании располагается Культурный центр МВД по Пермскому краю). В клубе располагались сотрудники архива с семьями архивные материалы «сплошной укладкой под потолок (22-24 коробки в высоту)» [Российский государственный военный архив 2020: 291]. Несмотря на стеснённые условия московские архивисты успешно работали вплоть до начала 1944 г.

В марте 1944 г. началась реэвакуация московских архивов. Первый эшелон состоял из 36 вагонов [Российский государственный военный архив 2020: 346]. Однако окончательно перевозка документального наследия трёх московских архивов завершилась лишь в августе 1944 г. [История Государственного архива Российской Федерации 2010: 106].

Эвакуация культурных ценностей страны коснулась и крупнейшей в стране Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. 28 июля 1941 г. наиболее ценная партия редких книг и рукописей была погружена на баржу и отправлена в г. Бор (левый берег р. Волги, напротив г. Горький). Груз находился там 3 месяца и из-за налётов авиации в начале ноября 1941 г. был эвакуирован в г. Молотов. В середине ноября 1941 г. прибыла первая партия книг и рукописей. Вторая партия, отправленная из Москвы 14 и 17 ноября 1941 г. прибыла по железной дороге 19 января 1942 г. 15 вагонов с книгами из фонда библиотеки застряли на разных станциях Пермской железной дороги и добрались до Молотова только в конце февраля 1942 г. [Пермский край в Великой Отечественной войне. Изд. испр. и доп. 2020: 111]. Всего в город Молотов прибыло 40 вагонов с книгами. Два хранилища – библиотека им. Горького и клуба им. Свердлова приняли свыше 700 000 экземпляров, среди которых были тысячи драгоценных изделий и рукописей XII и XIII вв., рукописные книги XIV–XVII вв., архивы великих русских писателей – А.П. Чехова, Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова [Звезда 1944 № 162: 2].

Эвакуацию в тыл экспонатов художественных музеев в Советском Союзе должны были организовать Комитет по делам искусств при СНК СССР и его республиканские органы. Общее количество эвакуированных экспонатов достигало сотни тысяч единиц. Однако, полностью или частично были уничтожены экспонаты более 40 художественных музеев из 79, находившихся в системе Комитета по делам искусства при СНК СССР [Балтун 1980: 6]. По данным «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» на оккупированной территории СССР было ограблено и разрушено 427 музеев, в том числе 154 российских (из них 20 художественных) [Некрасова 2012: 234].

Подготовка к эвакуации художественных ценностей началась сразу же после выхода постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». [О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества 1990: 208]. В первую очередь, вывозились художественные ценности крупнейших музеев Советского Союза, в том числе Государственного Русского музея и Третьяковской галереи. Первая очередь художественных ценностей Государственного Русского музея, куда входили экспонаты первой категории, была подготовлена для эвакуации до 1 июля 1941 г., а упаковка в ящики произведений Третьяковской галереи началась только 4 июля 1941 г. [Балтун 1980: 37].

При работе по подготовке экспонатов первой очереди Государственного Русского музея для эвакуации было снято со стен, вынута из рам и перемещено в новые места хранения свыше семи с половиной тысяч. Для того, чтобы снять со стен такие огромные полотна, как «Последний день Помпеи» (30 кв. м) К.П. Брюллова и «Медный змий» (48 кв. м) Фёдора (Фиделио) Бруни требовались усилия нескольких десятков людей, а насчитывалось таких «колоссов», в 20, 40, 60 квадратных метров каждый, свыше шестидесяти. Для перевозки эти полотна плотно накатывали на валы длиной более чем в десять метров и шириной в два–три метра [Балтун 1980: 25].

В состав эвакуируемых коллекций вошли редчайшие памятники древнерусского искусства XII–XVII вв. В их числе – икона «Ангел с золотыми волосами», иконы Рублёва, произведения мастеров художественных школ Москвы, Новгорода, Владимира, Суздаля, Твери и других, произведения Симона Ушакова и т. д. Среди произведений русской живописи XVIII–XX веков были картины И.П. Аргунова, Г.И. Угрюмова, Ф.С. Рокотова, Д.Г. Левицкого, В.Л. Боровиковского, А.П. Лосенко, Ф. Бруни, К.П. Брюллова, И.Е. Репина, В.И. Сурикова, А.Г. Венецианова, А.А. Иванова, В.В. Верещагина, В.Д. Поленова, В.М. Васнецова, И.Н. Крамского, И.И. Шишкина, И.И. Левитана, В.А. Серова, М.А. Врубеля и многих других выдающихся русских художников. Подготовили к эвакуации и уникальные скульптуры, а также редчайшие произведения графики, предметы прикладного искусства [Балтун 1980: 36]. 26382 экспонатов и 20400 архивных материалов Русского музея было упаковано в 327 ящиков [Унгвицкий 1994: 97].

Коллекцию Русского музея эвакуировали в Горький и разместили в подсобных и хозяйственных помещениях Горьковского художественного музея. Однако уже 18 августа 1941 г. Росискусство принимает решение о вторичной эвакуации Русского музея в город Молотов [Балтун 1980: 38–40]. На этот раз эвакуация должна была происходить не по железной дороге, а речным путём. В середине августа 1941 г. от Северного речного вокзала Москвы была отправлена баржа с художественными ценностями Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея-заповедника в городе Загорске, Государственного музея керамики и музея «Усадьба Кусково», музея Академии архитектуры СССР, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, государственного центрального театрального музея, Государственного музея восточных культур, музея-мастерской скульптура Голубкиной, выставок И.И. Бродского, юбилейной М.Ю. Лермонтова, а также материалов дирекции выставок и панорам Всесоюзного комитета по делам искусств [Советы Прикамья 1988: 58–59].

Груз с экспонатами и архивами художественных музеев Ленинграда и Москвы из Горького на барже ещё только готовился к отправлению в Молотов, но город на Каме не готов был к приёму ценного груза – председатель Пермского облисполкома на соответствующем письме уполномоченного Комитета по делам искусств по Ленинграду написал: «Решения Совета по эвакуации нет – отклонить, принять некуда. П. Горюнов. 1.09.1941г.» [Балтун 1980: 43].

Однако 14 сентября 1941 г. баржа с бесценным грузом прибыла в Молотов. Начальник речного эшелона доцент архитектуры А.Ф. Акимов направил председателю Молотовского облисполкома докладную записку, в которой отметил: «Груз в числе 909 мест, состоит из произведений живописи, древней иконописи, скульптуры, рисунка, миниатюры, старинных

чертежей, ценных рукописей, древнегреческих папирусов, произведений прикладного искусства (фарфор, бронза, шпалеры, древние ткани, ризы и шитьё, мозаика, интарсия и пр.). Кроме того, в составе груза находятся фонды бронекладовых музеев, имеющие помимо высокой художественной ценности и особо материальную ценность, поскольку эти произведения искусства являются изделиями из золота и серебра (в количестве несколько тонн), жемчуга, драгоценных камней» [Советы Прикамья 1988: 59]. В результате после длительных и многодневных переговоров и согласования Молотовского облисполкома с Всесоюзным комитетом по делам искусств при СНК СССР и Управления по делам искусств при СНК РСФСР было принято решение грузы Русского музея и Третьяковской галереи сосредоточить в Молотовской художественной галерее, а остальные в Троицком соборе города Соликамска.

Только через 14 дней – 28 сентября 1941 г. приступили к выгрузке ящиков и доставки их в здание Молотовской художественной галереи. Не хватало транспортных средств и рабочих, поэтому перевозка длилась больше недели и в ней принимали участие, в том числе, сотрудники Русского музея и Третьяковской галереи, среди которых возникла поговорка: «Искусство вынесли на своих плечах» [Балтун 1980: 45]. В октябре 1941 г. был создан Молотовский филиал Государственного Русского музея со сводным штатом сотрудников и с отделением в городе Соликамске. Филиал стал самостоятельной организацией со своим бюджетом и сметой и непосредственно подчинялся Комитету по делам искусств при СНК РСФСР. Директором Молотовского филиала ГРМ был назначен искусствовед и опытный музейщик П.К. Балтун. Ответственность за сохранность экспонатов несли также сотрудники Русского музея А.Н. Савинов (заведующий отделом живописи), Т.А. Дядьковская (заведующий отделом графики), М.Н. Каменская (специалист по народному искусству), технические сотрудники Ш.Б. Мамлеев и К.Е. Костенко. За хранение произведений Третьяковской галереи отвечали старший научный сотрудник М.М. Колпакчи и реставратор И.В. Овчинников [Шматёнок 2020: 455–456]. Молотовская художественная галерея была полностью занята ящиками и стала закрытым хранилищем. Тем не менее, была создана возможность доступа к каждому ящику в отдельности и вскрытия любого из них по мере надобности для контрольного осмотра. Было введено круглосуточное дежурство сотрудников с расписанием систематических осмотров всех хранилищ. В специальном журнале ответственные дежурные отмечали все, что происходило за время их дежурства. Смена дежурных происходила после совместного обхода помещений и в точно установленное время. Этот порядок сохранялся до самой эвакуации [Балтун 1980: 47].

Несмотря на сложные условия сотрудники Молотовского филиала Государственного Русского музея сумели организовать несколько выставок. В январе 1943 г. к XIX годовщине со дня смерти В.И. Ленина в областной библиотеке открывается выставка «Ленин в изобразительном искусстве» состоявшая в основном из произведений И.И. Бродского [Звезда 1943 № 17: 1]. Большим событием для города Молотова стала организованная филиалом выставка произведений ленинградских художников, созданных в 1941–1942 гг. в условиях осаждённого города. Летом 1942 г. они были выставлены в залах ленинградского отделения Союза художников. Продолжавшаяся с середины июня до 8 сентября 1942 г., эта выставка получила широкий общественный резонанс. После этого она была свернута, и экспонаты самолётом были отправлены в Москву. 4 октября 1942 г. выставка открылась в залах Музея

изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Длинной вереницей тянулась очередь москвичей и приезжих в музей – необычное зрелище для того времени [Балтун 1980: 71]. Весной 1943 г. сотрудники Молотовского филиала Государственного Русского музея доставили выставку из Москвы, а 22 июня 1943 г. в заново отделанных залах (ремонт вели немецкие военнопленные) Пермского краеведческого музея в торжественной обстановке выставку, названную «Ленинград в дни блокады», открыли для обозрения. На выставке были представлены 52 живописных полотна и 90 графических рисунков, написанных 42 ленинградскими художниками, а также 24 скульптуры, выполненными 7 скульпторами. [Ленинград в дни блокады 1943: 13–23]. Сотни людей посещали эту выставку ежедневно [Балтун 1980: 72]. За один месяц её посетили 11000 человек, а всего за время работы выставки – 186000 [Казаринова 2019: 141].

В 1944 г. Молотовский филиал Государственного Русского музея с городским отделом по делам искусств в залах Краеведческого музея организовал с 18 июня по 9 июля выставку произведений выдающегося русского художника М.В. Нестерова (1862–1942). На выставке были представлены картины «Пустынный», «Великий постриг», «Портрет дочери художника». А также портреты академика И.П. Павлова, художницы Е.С. Кругликовой и хирурга С.С. Юдина. Было представлено много этюдов с пейзажами, в том числе «Адриатическое море», «На Урале», виды Кавказа и среднерусской долины с заводами, берёзками и «островерхими ёлочками, устремлёнными ввысь» [Звезда 1944 № 122: 2]. В день открытия выставки было 100 человек и ежедневно её посещали около 80 любителей искусства [Шматёнок 2020: 460].

5 августа 1944 г. исполнялось столетие со дня рождения великого русского художника И.Е. Репина. В связи с этим Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил воздвигнуть в Москве памятник И.Е. Репину и бронзовые бюсты в Ленинграде и на родине художника в городе Чугуеве, а также установить мемориальные доски на домах, где он жил. Институту живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств было присвоено имя И.Е. Репина и учреждены стипендии его имени в четырёх профильных Академиях и институтах [Звезда 1944 № 153: 1]. Сотрудники Молотовского филиала Русского музея приняли самое активное участие в организации празднования 100-летия со дня рождения И.Е. Репина. На предприятиях, в госпиталях проводились беседы и доклады, читались лекции о творчестве великого русского художника. В Государственном театре оперы и балета в торжественной обстановке прошло общегородское юбилейное собрание, на котором научный сотрудник Русского музея А.Н. Савинов выступил с обширным докладом [Балтун 1980: 74]. Кроме того, в Краеведческом музее открыли большую выставку произведений И.Е. Репина. В коллекциях Русского музея хранилось около 200 работ, из них экспонировалось 49 его художественных произведений из которых 47 представляли коллекцию Государственного Русского Музея, а два – собрание Молотовской Художественной галереи (картина «Выбор царской невесты») и Музея имени И.И. Бродского (портрет И.Е. Репина написанный В.А. Серовым). Кроме того, на выставке демонстрировали два портрета И.Е. Репина, написанных художниками В.А. Серовым и И.И. Бродским [Илья Ефимович Репин 1944: 13, 15]. В экспозицию вошли портреты Н.И. Пирогова, П.П. Семёнова-Тян-Шанского, А.П. Игнатъева, В.В. Стасова, В.И. Репиной, В.Д. Спасовича, К.П. Победоносцева эскиз к картине «Заседание Государственного совета», а также «Бурлаки

на Волге». Впервые вне стен Русского Музея была показана «Негритянка» и небольшие этюды к «Парижскому кафэ» [Звезда 1944: 2]. Выставка, длившаяся с 6 августа по 3 сентября 1944 г., пользовалась неослабевающим успехом у зрителей.

27 сентября 1945 г. исполком Пермского городского Совета депутатов трудящихся в своём решении отметил большую серьёзную работу проделанную небольшим коллективом Русского музея, обеспечившим сохранность ценностей, эвакуированных на Урал, и одновременно принимавшим активное участие в культурно-художественной жизни города, и наградил сотрудников музея почётными грамотами [Балтун 1980: 75].

В октябре 1944 г. вышло постановление СНК СССР «О реэвакуации художественных коллекций музеев Москвы и Московской области», в связи с которым был получен приказ о возвращении коллекций московских музеев, эвакуированных на Урал. Для руководство этой работой в Молотов прибыл заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК РСФСР А.Г. Глина. Для реэвакуации музейных коллекций Москвы и Московской области, в том числе Третьяковской галереи был выделен целый эшелон. 22 ноября 1944 г. через 15 дней этот эшелон прибыл в Москву. 17 мая 1945 г. Государственная Третьяковская галереи была вновь открыта. Эшелон с 10000 экспонатами Русского музея были перевезены по железной дороге в Ленинград только 14 октября 1945 года [Балтун 1980: 77–78, 87]. Решением исполкома Молотовского городского Совета депутатов трудящихся от 11 октября 1945 г., в связи с реэвакуацией художественных ценностей Государственной Третьяковской галереи и Русского музея была вновь открыта Молотовская галерея [Казаринова 2019: 139].

В Молотов были эвакуированы московские и ленинградские художники, а всего 44 членов Союза художников [ГАПК Ф. 1130. Оп. 1. Д. 23: Л. 58-58а.]. Среди московских художников были эвакуированы З.М. Виленский, Б.В. Иогансон, П.И. Львов, В.Г. Одинцов, Г.Г. Рязский, И.Г. Фрих-Хар, М.М. Черемных, а среди ленинградских – Н.И. Альтман, Ю.А. Васнецов, В.А. Оболенский, В.М. Орешников [Балтун 1980: 70]. С сентября 1941 года в художественной галерее начала свою работу мастерская по массовому изготовлению плакатов, агитокон, портретов Героев Советского Союза. Руководителем мастерской был известный московский художник В. Одинцов, а после его отъезда – Б. Иогансон [Художники Перми 1981: 7–10]. В 1941–1942 гг. художники оформляли специальную витрину редакции газеты «Звезда», так называемые «Окна «Звезды»», где выставлялись рисунки и акварели, отражающие события войны. К 1 мая 1942 г. на главных улицах города и окнах магазинов появились новые «Окна ТАСС» (52 предмета в помещениях 15 организаций). За время войны художники издали 190 плакатных работ общим тиражом 200 тыс. экземпляров [Художники Перми 1981: 10; Казаринова 2019: 140].

В город Молотов (Пермь) эвакуировалась большая группа советских писателей: Н.В. Гернет, Я.Л. Горев, В.А. Каверин, М.Э. Козаков, Л.М. Козелова, И.В. Луковский, И.С. Соколов-Микитов, А.А. Первенцев, Е.Г. Полонская, С.Е. Розенфельд, Н.Я. Рыкова, М.Л. Слонимский, Ю.Н. Тынянов и Л.Н. Тынянова, А.А. Френкель (д'Актиль), Н.Ф. Фридлянд, А.П. Штейн и др. [Пермский край в Великой Отечественной войне Пилотный выпуск 2015: 95]. Только из Москвы и Ленинграда эвакуировались 43 члена Союза советских писателей. А всего на учете в Молотовском отделении Союза советских писателей до войны было 5 членов, а стало состоять 71 человек. В годы войны это был «крупнейший писательский коллектив страны» [ГАПК Ф. р.1188. Оп. 1. Д. 1: Л. 1; Ф. р. 1588. Оп. 1. Д. 599: Л. 6; Звезда 1943 № 14: 2].

Приезжие писатели селились, главным образом, в номерах гостиницы «Центральной». При писательской группе был организован Литфонд, с помощью которого писатели обеспечивались ссудами и решались их бытовые проблемы. Так для писателей ежедневно готовили бесплатный обед. Писатели могли получить семена огородных растений и им выдавали вино. Для писательских детей устроили детский лагерь в деревне Черной на 200 мест. Лагерь состоял на особом снабжении, ребята были обеспечены питанием, врачебный надзором и школьным образованием [Боброва 2006: 34–35; ГАПК Ф. р-1206. Оп. 1. Д. 16: Л. 102]. С января 1942 г. еженедельно по вторникам проводились творческие собрания писателей. За это время обсуждались произведения И. Луковского, Н. Касаткиной, С. Спасского, Н. Рыковой, Г. Семенова, В. Вальдман, А. Кулишер, В. Каверина, А. Первенцева и других [Звезда 1943 № 71: 2].

26 февраля 1942 г. в областной газете «Звезда» было опубликовано обращение писателей Ю. Тынянова, В. Каверина, А. Первенцева, М. Слонимского, М. Козакова, А. Спешилова, С. Розенфельда, А. д'Актиля, Б. Михайлова «Создадим книги, зовущие к борьбе», в котором они писали: «Ряд новых книг и пьес уже закончен нами, но это лишь начало. Грандиозные события второй отечественной войны будут многие годы вдохновлять советских писателей, и каждый из нас будет стремиться к тому, чтобы создавать произведения, достойные нашего времени, зовущие на борьбу за свободу и счастье всего человечества» [Звезда 1942 № 48: 1]. В Молотове резко возросло количество выпускаемых книг. Если в 1941 г. вышло 25 названий общим тиражом 100 тыс. экземпляров и объёмом 60 учетно-издательских листов, то в 1942 г. – уже 50 книг объёмом 100 учетно-издательских листов и тиражом 500 тысяч экземпляров. Число названий увеличилось вдвое, а тираж – в пять раз [Аверина 1989: 135]. Темп набранный областным Молотовским издательством не снизился и с начала 1943 г. Так с января по апрель издали ещё 37 книг. А всего с июня 1941 по апрель 1943 гг. – 112 [ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 21: Л. 149].

Из Молотовской (Пермской) области в конце 1943 г. выехали все московские писатели, а в феврале 1944 г. ленинградские. С отъездом эвакуированных писателей падает количество изданных художественных произведений. В 1944 г. из всего репертуара книг, изданных в Молотовской области было опубликовано только 6 художественных изданий [Пермский край в Великой Отечественной войне Пилотный выпуск 2015: 414–415].

Заключение

Таким образом, Молотов (Пермь) первоначально не был местом, куда должны были быть направлены архивы, музеи, многие научные и учебные заведения. В основном этот уральский город являлся одним из основных центров эвакуации военно-промышленного комплекса, но несмотря на это, в результате больших усилий удалось обеспечить необходимые условия для сохранения как культурного наследия, так и научного потенциала страны. В годы войны произошла радикальная трансформация в культурной и научной жизни города Молотова и это связано с эвакуацией столичных научных, учебных и культурных учреждений, а также целым рядом известных учёных, писателей, поэтов, композиторов, артистов и художников. Несмотря на трагические обстоятельства, в результате которых это стало возможным, сложились абсолютно уникальные условия не

только для оживления провинциальной культурной жизни, но и для долгосрочных существенных и качественных изменений, имеющих серьёзные последствия, как один из факторов превращения Молотова (Перми) в крупнейший научный и культурный центр Советского Союза.

Список источников

1. Балтун П.К. Русский музей – эвакуация, блокада, восстановление: (Из воспоминаний музейного работника) / Предисл. А.К. Лебедева. М.: Изобраз. искусство, 1980. 144 с.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-564. Оп. 4. Д. 77. Л. 378.
3. ГАПК. Ф. р-982. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.
4. ГАПК. Ф. р.-1047. Оп. 2. Д. 12. Л. 71.
5. ГАПК. Ф. р-176. Оп. 6. Д. 63. Л. 1.
6. ГАПК. Ф. 1130. Оп. 1. Д. 23. Л. 58-58а.
7. ГАПК. Ф. р.1188. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
8. ГАПК. Ф. р. 1588. Оп. 1. Д. 599. Л. 6.
9. ГАПК. Ф. р. 1206. Оп. 1. Д. 16. Л. 102.
10. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП (б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1942. 26 февраля. № 48 (6728). С. 1.
11. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП (б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1943. 17 января. № 14 (7004). С. 2.
12. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП (б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1943. 21 января. № 17 (7007). С. 1.
13. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП (б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1943. 30 марта. № 71 (7061). С. 2.
14. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП (б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1944. 24 июня. № 122 (7377). С. 2.
15. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП (б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1944. 6 августа. № 153 (7408). С. 1.
16. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП (б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1944. 9 августа. № 155 (7410). С. 2.
17. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП (б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1944. 19 августа. № 162 (7417). С. 2.
18. Илья Ефимович Репин. Каталог выставки к столетию со дня рождения художника 1844–1944 / Отв. ред. Б.Н. Эмме – Молотов: Тип. Треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР, 1944. 16 с.
19. История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания / отв. ред. С.В. Мироненко; отв. сост. О.Н. Копылова; сост.: Б.Ф. Додонов, Н.С. Зелов и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 694 с.
20. Ленинград в дни блокады. Каталог выставки произведений ленинградских художников 1941–1942 гг. / Отв. ред. П.К. Балтун. Молотов: Тип. Треста «Полиграфкнига», 1943. 23 с.
21. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 7. Д. 37. Л. 144, 148–149, 153.
22. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 3206. Л. 94–97.
23. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 21. Л. 149.
24. О создании Совета по эвакуации. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР // Известия ЦК КПСС. Информационный ежемесячный журнал. 1990. июнь. № 6 (305). С. 201–202.

25. О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР // Известия ЦК КПСС. Информационный ежемесячный журнал. 1990. июнь. № 6 (305). С. 208.
26. О переводе из Москвы наркоматов и Главных управлений. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Известия ЦК КПСС. Информационный ежемесячный журнал. 1990. июнь. № 6 (305). С. 212–213.
27. Об эвакуации архивов. Постановление СНК и ЦК ВКП(б) // Известия ЦК КПСС. Информационный ежемесячный журнал. 1990. июль. №7 (306). С. 197–198.
28. Пермский край в Великой Отечественной войне // Сборник документов. Пермь, 2018. 512 с.
29. Пермский педагогический институт – фронтовикам // Документы Курсов подготовки военноослепших в ВУЗ и к интеллектуальному труду 1941–1946 / Сост. и науч. ред. доцент А.Ф. Малышев. Пермь: Пермский государственный педагогический институт, 1974. 269 с.
30. Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920–2020 гг.) / отв. ред. В.П. Тарасов; сост.: В.И. Коротаев, Л.Г. Костарева, И.В. Успенский; археографическая обработка документов: И.С. Месяц. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. 864 с.
31. Советы Прикамья: Пермский областной Совет в документах. 1938–1988. Пермь: Книжное издательство, 1988. 262 с.
32. Урал ковал победу // Сборник-справочник. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1993. 382 с.

Список литературы

1. Аверина Н.Ф. История пермской книги: Очерк. Пермь: Книжное издательство, 1989. 222 с.
2. Брызгалов В.А., Бей-Биенко Г.Я., Доброзракова Т.Л. Агроправила по овощным культурам, овощному семеноводству и защите овощных растений для Молотовской области. Молотов: ОГИЗ Молотовское областное издательство, 1944. 83 с.
3. Брызгалов В.А. Выращивание рассады и ранних овощей в утепленном грунте [ред. Г. Казанцев]. Молотов: Молотовское областное издательство, 1943. 44 с.
4. Брызгалов В.А. Справочник огородника [ред. Г. Казанцев]. Молотов: ОГИЗ Молотовское областное издательство, 1944. 64 с.
5. Боброва Е.Е. «Города великого гонцы» в Прикамье. Из истории эвакуации 1941–1945 годов // История Петербурга. 2006. № 1. С. 34–36.
6. Буслаев Л.А. Кислотный. Страницы истории 1916–2016. Пермь: Изд-во «Пушка», 2016. 255 с.
7. Вернидуб И.И. Боеприпасы Победы: Очерки. М.: ЦНИИИТКИПК, 1998. 200 с.
8. Волкова Т.С., Шувалова Ю.Б., Ярома О.В. Проблемы институционального оформления высшего аграрного образования в Прикамье: монография. Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2018. 314 с.
9. Глушков А.В. Государственный архив Молотовской области и спасение эвакуированных документальных материалов в годы Великой Отечественной войны // Технологос. 2020. № 3. С. 99–105.
10. Казаринова Н.В. Художественная культура Пермского края XVI – начала XXI-го веков // Научно-популярное издание. Пермь: издатель Хусид Д.Г., 2019. 286 с.
11. Капцугович И.С. Пермь социалистическая (Краткий очерк истории города с 1917 по 1973 гг.). Пособие для учителя истории и обществоведения, лекторов, пропагандистов и агитаторов. Пермь: Изд-во «Пермский педагогический институт», 1973. 109 с.
12. Копанёва Л.М. Мой учитель – Григорий Яковлевич Бей-Биенко и его роль в развитии отечественной сельскохозяйственной энтомологии // Труды русского энтомологического общества. 2005. Т. 76. С. 13–14.

13. Краснюк И.И., Скاتков С.А. История кафедры фармацевтической технологии // Сеченовский вестник. 2013. № 3 (13). С. 22–28.
14. Левшин Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны / Академия Наук СССР Архив. М.: Изд. «Наука», 1983. 381 с.
15. Молотовская область в годы Великой Отечественной войны // Календарь-справочник / сост. В.Г. Светлаков, ред. В.С. Колбас. Пермь, 2010. 162 с.
16. Невоструев Н.А., Лядов В.В. Медицина Прикамья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Технологос. 2020. № 3. С. 73–87.
17. Некрасова С.Д. Потери российских музеев в период второй мировой войны // Вестник Российский государственный гуманитарный университет. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 11 (91). С. 233–241.
18. Нечаев М.Г. Эвакуация Ленинградских предприятий, учреждений и населения в Молотовскую (Пермскую) область, их размещение и деятельность в период Великой Отечественной войны // Клио. Журнал для ученых. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук. 2015. № 6 (102). С. 68–73.
19. Орлов А. Мы – агрегатчики. Очерки истории Пермского агрегатного производственного объединения имени М.И. Калинина // Документы, воспоминания, интервью. Пермь, 1990. 204 с.
20. Осипова Г.С. Валентин Андреевич Брызгалов (к 110-летию со дня рождения) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2017. № 1 (46). С. 296–299.
21. Пермь прежде и теперь (Материалы для докладчиков и беседчиков к XX годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции) / Сост. И.Г. Пигасов, Б.Д. Бобылев, В.А. Будрин, А.М. Огибенин. Пермь: Издание парткабинета Пермского ГК ВКП(б), 1937. 23 с.
22. Пермский край в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: энциклопедия / Авт.-сост.: Т.С. Волкова, В.И. Тетерин, А.В. Хованская, Ю.Б. Шувалова, О.В. Ярома. Пермь: Изд-во «Пушка», 2020. 799 с.
23. Пермский край в Великой Отечественной войне: Энциклопедия: пилотный выпуск / Авт.-сост. А.Г Зebbеева, Т.И. Силина, Т.И. Демиденко, Н.А. Зенкова; науч. ред. В.П. Мохов. Пермь: Изд-во «Пушка», 2015. 429 с.
24. Пермский край в Великой Отечественной войне: Энциклопедия. Изд. испр. и доп. Пермь: Изд-во «Пушка», 2020. 470 с.
25. Пермский педагогический институт – фронтовикам // Документы Курсов подготовки военноослепших в ВУЗ и к интеллектуальному труду 1941–1946 / Сост. и науч. ред. доцент А.Ф. Малышев. Пермь: Изд-во «Пермский государственный педагогический институт», 1974. 273 с.
26. Самылина И.А., Шамин П.А. Кафедра фармакогнозии первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова // Сеченовский вестник. 2013. № 3 (13). С. 14–21.
27. Сергеева М.С. К 55-летию юбилею фармацевтического факультета первого МГМУ им. И.М. Сеченова // Сеченовский вестник. 2013. № 3 (13). С. 5–6.
28. Силина Т.И. Моторы Победы // Краеведческое издание. Пермь, 2017. 195 с.
29. Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «История» / С.А. Байбаков, Н.А. Кирсанов, Л.А. Пинегина и др.; Под ред. Ю.С. Кукушкина. М.: Высшая школа, 1986. 190 с.
30. Спешиллов А.Н. Страницы прожитого // Автобиографическая повесть. Пермь: Книжное издательство, 1979. 197 с.
31. Топография террора: история политических репрессий / Сост. С. Шевырин. СПб.: Изд-во «Маматов», 2012. 240 с.
32. Унгвицкий В.Н. Культурная жизнь на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1994. 128 с.

33. Устинов Ю.С. Нарком, министр, маршал. М.: Изд-во «Патриот», 2002. 464 с.
34. Харитонов Ю.Я., Сергеева М.С. Страницы истории кафедры аналитической, физической и коллоидной химии фармацевтического факультета первого МГМУ им. И.М. Сеченова // Сеченовский вестник. 2013. № 3 (13). С. 29–35.
35. Художники Перми // Сборник очерков. Пермь: Книжное издательство, 1981. 175 с.
36. Четверик И.К. и др. Пермский моторостроительный. Пермь: Книжное издательство, 1978. 493 с.
37. Шматёнок Т.Д. Молотов: переписка музейных сотрудников периода эвакуация 1941–1945 гг. // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2019 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. К 75-летию Победы» (ПермГАСПИ. 7–8 ноября 2019 г.) / Под ред. С.В. Неганова. Пермь, 2020. С. 455–462.

List of sources

1. Baltun P.K. Russkii muzei - evakuatsiya, blokada, vosstanovlenie: (Iz vospominanii muzeinogo rabotnika) [Russian Museum - evacuation, blockade, restoration: (From the memoirs of a museum worker)]. Moscow, Izobrazitelnoe iskusstvo, 1980, 144 p. (In Russ.)
2. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. r-564, op. 4, d. 77, l. 378. (In Russ.)
3. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. r-982, op. 1, d. 3, l. 44. (In Russ.)
4. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. r.-1047, op. 2, d. 12, l. 71. (In Russ.)
5. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. r-176, op. 6, d. 63, l. 1. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. 1130, op. 1, d. 23, l. 58-58a. (In Russ.)
7. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. r.1188, op. 1, d. 1, l. 1. (In Russ.)
8. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. r. 1588, op. 1, d. 599, l. 6. (In Russ.)
9. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Territory]. F. r.1206, op. 1, d. 16, l. 102. (In Russ.)
10. Zvezda. Organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP (b) i oblastnogo Soveta deputatov trudjashchihhsya [Star. Organ of the Molotov Regional and City Committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Council of Workers' Deputies]. 1942, February 26, no. 48 (6728), p. 1. (In Russ.)
11. Zvezda. Organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP (b) i obl. Soveta deputatov trudyashchikhsya [Star. Organ of the Molotov Regional and City Committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Council of Workers' Deputies]. 1943, January 17, no. 14 (7004), p. 2. (In Russ.)
12. Zvezda. Organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP (b) i obl. Soveta deputatov trudyashchikhsya [Star. Organ of the Molotov Regional and City Committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Council of Workers' Deputies]. 1943, January 21, no. 17 (7007), p. 1. (In Russ.)
13. Zvezda. Organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP (b) i obl. Soveta deputatov trudyashchikhsya [Star. Organ of the Molotov Regional and City Committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Council of Workers' Deputies]. 1943, March 30, no. 71 (7061), p. 2. (In Russ.)

14. Zvezda. Organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP (b) i obl. Soveta deputatov trudyashchikhsya [Star. Organ of the Molotov Regional and City Committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Council of Workers' Deputies]. 1944. 24 iyunya, no. 122 (7377), p. 2. (In Russ.)

15. Zvezda. Organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP (b) i obl. Soveta deputatov trudyashchikhsya [Star. Organ of the Molotov Regional and City Committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Council of Workers' Deputies]. 1944, August 6, no. 153 (7408), p. 1. (In Russ.)

16. Zvezda. Organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP (b) i obl. Soveta deputatov trudyashchikhsya [Star. Organ of the Molotov Regional and City Committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Council of Workers' Deputies]. 1944, August 9, no. 155 (7410), p. 2. (In Russ.)

17. Zvezda. Organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VKP (b) i obl. Soveta deputatov trudyashchikhsya [Star. Organ of the Molotov Regional and City Committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Council of Workers' Deputies]. 1944, August 19, no. 162 (7417), p. 2. (In Russ.)

18. Il'ya Efimovich Repin. Katalog vystavki k stoletiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika 1844-1944 [Ilya Efimovich Repin. Exhibition catalog for the centenary of the artist's birth 1844-1944]. Molotov, Tip. Tresta «Poligrafkniga» OGIZa pri SNK RSFSR, 1944, 16 p. (In Russ.)

19. Istoriya Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii. Dokumenty. Stat'i. Vospominaniya [History of the State Archive of the Russian Federation. The documents. Articles. Memories]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, 694 p. (In Russ.)

20. Leningrad v dni blokady. Katalog vystavki proizvedenii leningradskikh khudozhnikov 1941-1942 gg. [Leningrad during the blockade. Catalog of the exhibition of works by Leningrad artists 1941-1942]. Molotov, Tip. Tresta «Poligrafkniga», 1943, 23 p. (In Russ.)

21. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Perm State Archive of Socio-Political History]. F. 105, op. 7, d. 37, l. 144, 148-149, 153. (In Russ.)

22. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Perm State Archive of Socio-Political History]. F. 105, op. 354, d. 3206, l. 94-97. (In Russ.)

23. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Perm State Archive of Socio-Political History]. F. 105, op. 9, d. 21, l. 149. (In Russ.)

24. O sozdanii Soveta po evakuatsii. Postanovlenie TsK VKP(b) i SNK SSSR [About the creation of the Council for the evacuation. Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Council of People's Commissars of the USSR]. *Izvestiya TsK KPSS. Informatsionnyi ezhemesyachnyi zhurnal*, 1990, no. 6 (305), p. 201-202. (In Russ.)

25. O poryadke vyvoza i razmeshcheniya lyudskikh kontingentov i tsennogo imushchestva. Postanovlenie TsK VKP(b) i SNK SSSR [On the procedure for the removal and placement of human contingents and valuable property. Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Council of People's Commissars of the USSR]. *Izvestiya TsK KPSS. Informatsionnyi ezhemesyachnyi zhurnal*, 1990, no. 6 (305), p. 208. (In Russ.)

26. O perevode iz Moskvyy narkomatov i Glavnykh upravlenii. Postanovlenie SNK SSSR i TsK VKP(b) [On the transfer of People's Commissariats and Main Directorates from Moscow. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *Izvestiya TsK KPSS. Informatsionnyi ezhemesyachnyi zhurnal*, 1990, no. 6 (305), pp. 212-213. (In Russ.)

27. Ob evakuatsii arkhivov. Postanovlenie SNK i TsK VKP(b) [On the evacuation of archives. Decree of the Council of People's Commissars and the Central Committee of the All-Union Communist Party of

Bolsheviks]. *Izvestiya TsK KPSS. Informatsionnyi ezhe mesyachnyi zhurnal*, 1990, no.7 (306), pp. 197-198. (In Russ.)

28. Permskii krai v Velikoi Otechestvennoi voine [Perm Territory in the Great Patriotic War]. *Sbornik dokumentov*, Perm, 2018, 512 p. (In Russ.)

29. Malyshev A.F. Permskii pedagogicheskii institut - frontovikam [Perm Pedagogical Institute - to veterans]. *Dokumenty Kursov podgotovki voennooslepshikh v VUZ i k intellektual'nomu trudu 1941-1946*, Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1974, 269 p. (In Russ.)

30. Tarasov V.P. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv v dokumentakh i materialakh (1920-2020 gg.) [Russian State Military Archive in Documents and Materials]. 1920-2020, Moscow, Fond «Svyaz' Epokh», 2020, 864 p. (In Russ.)

31. Sovety Prikam'ya: Permskii oblastnoi Sovet v dokumentakh [Councils of the Kama region: Perm Regional Council in documents]. 1938-1988, Perm, Knizhnoe izdatel'stvo, 1988, 262 p. (In Russ.)

32. Ural koval pobedu [Ural forged victory]. *Sbornik-spravochnik*, Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 382 p. (In Russ.)

References

1. Averina N.F. Istoriya permskoi knigi [History of the Perm book]. Perm, Knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 222 p. (In Russ.)

2. Bryzgalov V.A., Bei-Bienko G.Ya., Dobrozrakova T.L. Agropravila po ovoshchnym kul'turam, ovoshchnomu semyanovodstvu i zashchite ovoshchnykh rastenii dlya Molotovskoi oblasti [Agro-rules on vegetable crops, vegetable seed production and protection of vegetable plants for the Molotov region]. Molotov, OGIZ Molotovskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1944, 83 p. (In Russ.)

3. Bryzgalov V.A. Vyrashchivanie rassady i rannikh ovoshchei v uteplennom grunte [Growing seedlings and early vegetables in insulated soil]. Molotov, Molotovskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1943, 44 p. (In Russ.)

4. Bryzgalov V.A. Spravochnik ogorodnika [Gardener's Handbook]. Molotov, OGIZ Molotovskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1944, 64 p. (In Russ.)

5. Bobrova E.E. «Goroda velikogo gontsy» v Prikam'e. Iz istorii evakuatsii 1941-1945 godov ["Cities of the great messengers" in the Kama region. From the history of the evacuation of 1941-1945]. *Istoriya Peterburga*, 2006, no. 1, pp. 34-36. (In Russ.)

6. Buslaev L.A. Kislotnyi. Stranitsy istorii 1916-2016 [Acid. Pages of history 1916-2016]. Perm, Izd-vo «Pushka», 2016, 255 p. (In Russ.)

7. Vernidub I.I. Boepripasy Pobedy: Ocherki [Ammunition of Victory: Essays]. Moscow, TsNIINTIKPK, 1998, 200 p. (In Russ.)

8. Volkova T.S., Shuvalova Yu.B., Yaroma O.V. Problemy institutsional'nogo oformleniya vysshego agrarnogo obrazovaniya v Prikam'e [Problems of Institutional Formation of Higher Agrarian Education in Prikamye]. Perm, IPTs «Prokrost'», 2018, 314 p. (In Russ.)

9. Glushkov A.V. Gosudarstvennyi arkhiv Molotovskoi oblasti i spasenie evakuirovannykh dokumental'nykh materialov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The State Archive of the Molotov Region and the Rescue of Evacuated Documentary Materials during the Great Patriotic War]. *Tekhnologos*, 2020, no. 3, pp. 99-105. (In Russ.)

10. Kazarinova N.V. Khudozhestvennaya kul'tura Permskogo kraia XVI - nachala XXI-go vekov [Artistic culture of the Perm Territory in the 16th - early 21st centuries]. *Nauchno-populyarnoe izdanie*, Perm, izdatel' Khusid D.G., 2019. 286 p. (In Russ.)

11. Kapsugovich I.S. Perm' sotsialisticheskaya (Kratkii ocherk istorii goroda s 1917 po 1973 gg.) [Socialist Perm (A brief outline of the history of the city from 1917 to 1973)]. Perm, Permskii pedagogicheskii institut, 1973, 109 p. (In Russ.)

12. Kopaneva L.M. Moi uchitel' - Grigorii Yakovlevich Bei-Bienko i ego rol' v razvitii otechestvennoi sel'skokhozyaistvennoi entomologii [My teacher - Grigory Yakovlevich Bei-Bienko and his role in the development of domestic agricultural entomology]. *Trudy russkogo entomologicheskogo obshchestva*, 2005, vol. 76, pp. 13-14. (In Russ.)
13. Krasnyuk I.I., Skatkov S.A. Istoriya kafedry farmatsevticheskoi tekhnologii [History of the Department of Pharmaceutical Technology]. *Sechenovskii vestnik*, 2013, no. 3 (13), pp. 22-28. (In Russ.)
14. Levshin B. V. Sovetskaya nauka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Soviet science during the Great Patriotic War]. Akademiya Nauk SSSR Arkhiv, Moscow, Izd. «Nauka», 1983, 381 p. (In Russ.)
15. Svetlakov V.G. Molotovskaya oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Molotov region during the Great Patriotic War. Reference calendar]. *Kalendar'-spravochnik*, Perm, 2010, 162 p. (In Russ.)
16. Nevostruev N.A., Lyadov V.V. Meditsina Prikam'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 godov [Medicine of the Kama region during the Great Patriotic War of 1941-1945]. *Tekhnologos*, 2020, no. 3, pp. 73-87. (In Russ.)
17. Nekrasova S.D. Poteri rossiiskikh muzeev v period vtoroi mirovoi voiny [Losses of Russian museums during the Second World War]. *Vestnik Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, 2012, no. 11 (91), pp. 233-241. (In Russ.)
18. Nechaev M.G. Evakuatsiya Leningradskikh predpriyatii, uchrezhdenii i naseleniya v Molotovskuyu (Permskuyu) oblast', ikh razmeshchenie i deyatelnost' v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuation of Leningrad enterprises, institutions and population to the Molotov (Perm) region, their location and activities during the Great Patriotic War]. *Klio. Zhurnal dlya uchenykh. Pechatnyi organ Mezhdunarodnoi akademii istoricheskikh i sotsial'nykh nauk*, 2015, no. 6 (102), pp. 68-73. (In Russ.)
19. Orlov A. My - agregatchiki. Ocherki istorii Permskogo agregatnogo proizvodstvennogo ob"edineniya imeni M.I. Kalinina [We are aggregators. Essays on the history of the Perm Aggregate Production Association named after M.I. Kalinina]. *Dokumenty, vospominaniya, interv'yu*, Perm, 1990, 204 p. (In Russ.)
20. Osipova G.S. Valentin Andreevich Bryzgalov (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya) [Valentin Andreevich Bryzgalov (on the occasion of his 110th birthday)]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2017, no. 1 (46), pp. 296-299. (In Russ.)
21. Pigasov I.G. Perm' prezhde i teper' (Materialy dlya dokladchikov i besedchikov k KhKh godovshchine Velikoi Oktyabr'skoi Sotsialisticheskoi Revolyutsii) [Perm before and now (Materials for speakers and talkers on the twentieth anniversary of the Great October Socialist Revolution)]. Perm, Izdanie partkabineta Permskogo GK VKP(b), 1937, 23 p. (In Russ.)
22. Volkova T.S. Permskii krai v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941-1945 gg. [Perm region in the Great Patriotic War. 1941-1945]. Perm, Izd-vo «Pushka», 2020, 799 p. (In Russ.)
23. Permskii krai v Velikoi Otechestvennoi voine [Perm Territory in the Great Patriotic War]. Mokhov, Perm, Izd-vo «Pushka», 2015, 429 c. (In Russ.)
24. Permskii krai v Velikoi Otechestvennoi voine [Perm Territory in the Great Patriotic War]. Perm, Izd-vo «Pushka», 2020, 470 p. (In Russ.)
25. Malyshev A.F. Permskii pedagogicheskii institut - frontovikam [Perm Pedagogical Institute - to veterans]. *Dokumenty Kursov podgotovki voennooslepshikh v VUZ i k intellektual'nomu trudu 1941-1946*, Perm, Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut», 1974, 273 p. (In Russ.)
26. Samylin I.A., Shamin P.A. Kafedra farmakognozii pervogo Moskovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta im. I.M. Sechenova [Department of Pharmacognosy of the First Moscow State Medical University. THEM. Sechenov]. *Sechenovskii vestnik*, 2013, no. 3 (13), pp. 14-21. (In Russ.)
27. Sergeeva M.S. K 55-letnemu yubileyu farmatsevticheskogo fakul'teta pervogo MG MU im. I.M. Sechenova [To the 55th anniversary of the Faculty of Pharmacy of the First Moscow State Medical University. THEM. Sechenov]. *Sechenovskii vestnik*, 2013, no. 3 (13), pp. 5-6. (In Russ.)

28. Cilina T.I. Motory Pobedy [Motors of Victory]. *Kraevedcheskoe izdanie*, Perm, 2017, 195 p. (In Russ.)
29. Bajbakov S.A. Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spets. «Istoriya» [Textbook for university students studying in the specialty "History"]. Moscow, Vysshaya shkola, 1986, 190 p. (In Russ.)
30. Speshilov A.N. Stranitsy prozhitogo. Avtobiograficheskaya povest' [Pages of the past. Autobiographical story]. Perm, Knizhnoe izdatel'stvo, 1979, 197 p. (In Russ.)
31. Shevyrin S. Topografiya terrora: istoriya politicheskikh repressii [The Topography of Terror: A History of Political Repression]. Saint Petersburg, Izd-vo «Mamatov», 2012, 240 p. (In Russ.)
32. Ungvitskii V.N. Kul'turnaya zhizn' na Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945) [Cultural life in the Urals during the Great Patriotic War (1941-1945)]. Perm, Izd-vo «Permskii universitet», 1994, 128 p. (In Russ.)
33. Ustinov Yu.S. Narkom, ministr, marshal. Moscow, Izd-vo «Patriot», 2002. 464 p. (In Russ.)
34. Kharitonov Yu.Ya., Sergeeva M.S. Stranitsy istorii kafedry analiticheskoi, fizicheskoi i kolloidnoi khimii farmatsevticheskogo fakul'teta pervogo MG MU im. I.M. Sechenova [History pages of the Department of Analytical, Physical and Colloidal Chemistry of the Pharmaceutical Faculty of the First Moscow State Medical University. THEM. Sechenov]. *Sechenovskii vestnik*, 2013, no. 3 (13), pp. 29-35. (In Russ.)
35. Khudozhniki Permi [Artists of Perm]. *Sbornik ocherkov*, Perm, Knizhnoe izdatel'stvo, 1981, 175 p. (In Russ.)
36. Chetverik I.K. i dr. Permskii motorostroitel'nyi [Perm Engine Building]. Perm, Knizhnoe izdatel'stvo, 1978, 493 p. (In Russ.)
37. Shmatenok T.D. Molotov: perepiska muzeinykh sotrudnikov perioda evakuatsiya 1941-1945 gg. [Molotov: Correspondence of Museum Employees of the Evacuation Period 1941–1945]. *Noyabr'skie istoriko-arkhivnye chteniya - 2019 g. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Velikaya Otechestvennaya voyna. 1941-1945 gg. K 75-letiyu Pobedy» (PermGASPI. 7-8 noyabrya 2019 g.)*. Perm, 2020, pp. 455-462. (In Russ.)

Информация об авторе

М.Г. Нечаев – кандидат исторических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Information about the author

M.G. Nechaev – Ph.D. (History), Associate Professor,
Perm National Research Polytechnic University.

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 25.12.2021; accepted for publication 18.02.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 41–50.

Humanitarian studies. History and philology. 2022. No. 5. P. 41-50.

Научная статья

УДК 904(470.53)

doi: 10.24412/2713-0231-2022-5-41-50

ОБ ОДНОЙ УНИКАЛЬНОЙ НАХОДКЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (РОДАНОВО ГОРОДИЩЕ)

Алексей Николаевич Сарапулов¹, Мария Евгеньевна Шмырина²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹ ans05@mail.ru

² mashah98@mail.ru

Аннотация. В статье вводится в научный оборот одна из интереснейших и уникальных находок, обнаруженных при раскопках Роданова городища в 2017 г. Роданово городище расположено в Юсьвинском районе Пермского края. Памятник активно изучался в 1930-е гг. С 2016 г. раскопки на поселении были возобновлены под руководством А.Н. Сарапулова. По материалам раскопок, а также радиоуглеродному анализу городище может быть датировано X–XIV вв. В исследуемой предвальной части изученные производственные сооружения, а также найденные в них находки – шлаки, фрагменты тиглей, медные пластины, проволока, выплески металла и обрубленные литники, бракованные изделия и полуфабрикаты, специализированные орудия, слитки металла – позволили интерпретировать указанный комплекс как литейную и ювелирную мастерскую, функционировавшую в XI – начале XII вв. Особенности конструкции обнаруженного предмета, его внешний вид, анализ сырья, а также аналогии позволили интерпретировать его как фрагмент костяной флейты. Согласно системе Закса – Хорнбостеля, флейта, найденная на Родановом городище, относится к одиночным продольным флейтам с боковыми отверстиями. Она была изготовлена из трубчатой кости лебедя, как и ее аналогии с других территорий. Проанализировав находки подобных изделий, авторы пришли к выводу о том, что данный артефакт имеет древнерусское происхождение. Исходя из контекста находки, особенностей ее проникновения на территорию Пермского Предуралья, она может быть датирована периодом XI–XII вв. Ее появление на территории Пермского Предуралья связывается с общим потоком поступления изделий из Древней Руси по Сухоно-Вычегодскому пути.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, городище, музыкальные инструменты, костяная флейта, свирель, Древняя Русь

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.).

Для цитирования: Сарапулов А.Н., Шмырина М.Е. Об одной уникальной находке эпохи средневековья с территории Пермского Предуралья (Роданово городище) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 41–50. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-41-50>

Original article

ABOUT ONE UNIQUE FIND OF THE MIDDLE AGES FROM THE PERM CIS-URALS (RODANOVO HILLFORT)

Alexey N. Sarapulov¹, Maria E. Shmyrina²

^{1,2} Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

¹ ans05@mail.ru

² mashah98@mail.ru

Abstract. The article introduces into scientific one of the most interesting and unique finds discovered during the archaeological dig of the Rodanovo hillfort in 2017. The Rodanovo hillfort is located in the Yusvinsky district of Perm Krai. The archaeological site was actively studied in the 1930s. Since 2016, excavations at the settlement were resumed under the leadership of A.N. Sarapulov. According to the materials of excavations, as well as radiocarbon analysis, the hillfort can be dated to the X-XIV centuries. In the studied experimental part, the studied production facilities, as well as the finds in them – slags, fragments of crucibles, copper plates, wire, splashes of metal and chopped-off gateways, defective products and semi-finished products, specialized tools, metal ingots – made it possible to interpret the specified complex as a foundry and jewelry workshop that functioned in the XI – early XII centuries. The design features of the discovered object, its appearance, the analysis of raw materials, as well as analogies made it possible to interpret it as a fragment of a bone flute. According to the Sachs-Hornbostel system, the flute found at the Rodanovo hillfort refers to single longitudinal flutes with side holes. It was made from the tubular bone of a swan, as well as its analogies from other territories. After analyzing the finds of such products, the authors came to the conclusion that this artifact has an Ancient Rus origin. Based on the context of the find, the peculiarities of its penetration into the territory of Perm Cis-Urals, it can be dated to the period of the XI-XII centuries. Its appearance on the territory of Perm Cis-Urals is associated with the general flow of products from Ancient Rus along the Sukhono-Vychegodsky route.

Keywords: the Perm Cis-Urals, Middle Ages, hillfort, musical instruments, bone flute, whistle, Ancient Rus

Financing: The study was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Perm Region (Agreement no. C-26/1192 dated 19.12.2019)

For citation: Sarapulov A.N., Shmyrina M.E. About one unique find of the Middle Ages from the Perm Cis-Urals (Rodanovo hillfort). Humanitarian studies. History and philology. 2022;5:41-50. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-41-50>

Введение

Роданово городище находится в Юсьвинском районе Пермского края, на высоком 25 м правом берегу Камского водохранилища, в самой деревне Городище. Площадка памятника овальной формы. С юга и севера ее ограничивают овраги, с востока резкий обрыв к р. Кама. С западной части дугой площадку поселения огибает вал и ров, хорошо читаемые с napольной стороны. До начала 90-х гг. XX в. площадка городища распаивалась и использовалась под огороды. На ней находился деревянный амбар с каменным фундаментом, а на валу находилось овощехранилище. Культурный слой памятника ежегодно разрушается береговой абразией и осывается в р. Кама (от 0,5 до 1 м в год).

Роданово городище известно с XVIII в. Находки с городища были опубликованы А.А. Спициным в самом начале XX в. [Спицин 1892]. В советское время исследования данного района проводила экспедиция Государственной академии истории материальной культуры. В 1932 г. А.В. Шмидтом на городище были заложены два пробных раскопа [Разведочные работы А.В. Шмидта... 1932].

В 1935 г. еще один пробный раскоп (40 кв. м) заложил Н.В. Прокошев. В раскопе был обнаружен клад украшений из 34 предметов, завернутый в бересту [Отчет Н.А. Прокошева.... 1932]. В 1936–1937 гг. работы на городище были продолжены М.В. Талицким. Всего было вскрыто 700 кв. м. [Талицкий 1938]. В 1951 г. была опубликована обобщающая работа М.В. Талицкого, посвященная Верхнему Прикамью в X–XIV вв., построенная на материалах раскопок Роданова городища. Автором полностью раскрыт культурный комплекс памятника «болгарского времени» (X–XIV вв.) в Верхнем Прикамье. Описаны остатки жилищ разного времени, остатки ям-кладовок, фортификационные сооружения. Проанализирована материальная культура (керамический комплекс, орудия труда, предметы вооружения, украшения). На основании раскопок Роданова городища была выделена родановская археологическая культура [Талицкий 1951: 4–58].

В 2014 г. в рамках мониторинга археологического наследия Юсьвинского района городище было осмотрено А.В. Даничем, который отметил то, что памятник находится в аварийном состоянии в связи с подмыванием береговой части р. Камой [Данич 2014]. Подмывание берега происходит на протяжении многих десятилетий, и большая часть площадки городища уже разрушена, о чем в том числе свидетельствуют постоянные находки подъемного материала по берегу р. Кама.

В 2015 г. после очередного осмотра, подтверждающего то, что в связи с береговой абразией площадка памятника находится в аварийном состоянии, было принято решение о проведении раскопок. В 2016–2021 гг. сохранившаяся предвальная часть городища изучалась под руководством А.Н. Сарапулова (раскопано 430 кв.м.). В итоге общая изученная часть памятника (с учетом работ А.В. Шмидта, Н.А. Прокошева, М.В. Талицкого) составляет около 1200 кв. м. Роданово городище по материалам раскопок, а также радиоуглеродному анализу может быть датировано X–XIV вв.

Основная часть

В период раскопок, проведенных в последние годы, в предвальной части городища, была выявлена мастерская, где отливали украшения из цветных металлов (привески, пронизки, детали поясного набора) [Крыласова, Подосенова, Сарапулов 2019], а также изготавливали ювелирные изделия, например, подвески с зерно-филигранным декором [Подосенова, Сарапулов, 202: 119–126], височные украшения.

Мастерская включала комплекс сооружений разного назначения. В ее пределах была изучена прямоугольная яма размерами 3,0 x 2,05 м, глубиной 1,32 м от поверхности. В ней был выявлен разрушенный горн в виде скопления камней, шлака и глиняной обмазки. Горн располагался на глинобитной подушке и имел каменное устье, сложенное из крупных и мелких галек. На основе радиоуглеродного анализа яма датирована первой половиной XI в. Рядом с горном на расстоянии через 1 м располагались в ряд 6 квадратных ям размерами 0,8–

1 x 1–1,2 м, глубиной 0,2–0,4 м. Над ними находились очаги на глинобитных подушках. Одна из ям, заполненная углем, интерпретирована как углежогная. Кроме того, были изучены еще две ямы производственного назначения. Над квадратной ямой № 1 (2018) размерами 2,75 x 2,75 м, глубиной 1,2 м от фиксации был сооружен дощатый настил, на нем – очаг на глинобитной подушке. Рядом находилась яма № 2 (2018) в виде квадратного котлована размерами 2,0 x 2,0 м, глубиной 1,28 м от поверхности, в ней были обнаружены следы берестяного короба, содержавшего более 200 фрагментов цилиндрических тиглей и множество медных пластин. Здесь же и в подквадратном углублении, примыкающем к яме, найдено скопление полуфабрикатов поясных накладок. Описанные сооружения, а также найденные в них находки – шлаки, фрагменты тиглей, медные пластины, проволока, предметы неопределенного назначения (лом), выплески металла и обрубленные литники, бракованные изделия и полуфабрикаты, железные зубила, бородки, шилья, точильный круг, точильные камни с пазами, оселки, фрагменты форм-изложниц, слитки металла, весовой инвентарь и пр. – позволили интерпретировать указанный комплекс как литейную и ювелирную мастерскую, функционировавшую в XI – начале XII вв.

В культурном слое предвальной части городища в пределах данной мастерской в 2017 г. был обнаружен фрагмент костяного предмета, интерпретируемый как фрагмент костяной флейты. Подобные изделия ранее не встречались в археологических материалах Пермского Предуралья, поэтому данный артефакт представляет большой интерес ввиду его уникальности.

Рассматриваемое костяное изделие отличается небольшими размерами: длина – 140 мм, ширина – 9 мм, максимальный диаметр 2-х имеющихся отверстий – 6 мм, расстояние между отверстиями – 50 мм. (рис. 1). Предмет обнаружен во фрагментированном состоянии и, по-видимому, был длиннее и с большим количеством отверстий.

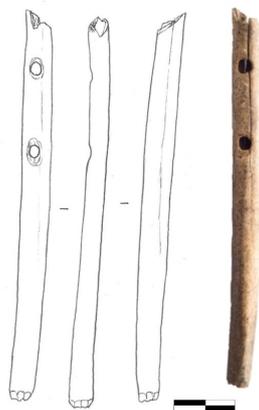

Рис. 1. Костяная флейта из материалов Роданова городища

Костяные изделия являются достаточно распространенной находкой в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья, но музыкальные инструменты, либо достаточно редки, либо не встречаются вовсе. Но все же культура использования музыкальных инструментов была известна населению рассматриваемой территории в эпоху средневековья. Одним из вариантов музыкальных инструментов, встреченных в коллекциях памятников Пермского Предуралья, являются варганы – духовые язычковые инструменты, изготавливаемые как из кости, так и из металла [Моряхина 2020: 333].

Стоит отметить, что музыкальные инструменты являются одними из наиболее редких находок в археологической практике. Вероятно, наибольшая часть инструментов изготавливалась из дерева, в то время как на значительной территории лесной полосы, в том числе в Пермском Предуралье, почвенные условия не позволяют сохраняться деревянным изделиям.

Одним из наиболее древних видов музыкальных инструментов, известных человечеству, являются духовые инструменты, в том числе флейты. Они встречаются уже в эпоху верхнего палеолита. В пещерах Западной Европы обнаружено около 20 флейт или свирелей, выполненных из птичьих и медвежьих костей. Подобные музыкальные инструменты известны и на территории России на поселениях Авдеево, Гагарино, Костенки I и др. [Сериков 2008: 24]. Различные духовые музыкальные инструменты встречаются и в эпоху бронзового века. В материалах Луговского могильника, расположенного в Нижнем Прикамье, была обнаружена многоствольная флейта, состоящая из 19 полых косточек. В коллекции Бишунгаровского могильника, расположенного на территории Южного Предуралья, также была встречена костяная флейта с одиннадцатью просверленными отверстиями [там же: 24].

Разумеется, с течением времени изменяется не только конструкция музыкальных инструментов, в том числе флейт, но и материал, из которого они были изготовлены. Ряд изделий, соотносимых с палеолитическим населением, был изготовлен из костей животных, которые в настоящий момент считаются вымершими, в частности, пещерного медведя. К периоду раннего железного века и средневековья для изготовления флейт наиболее часто начинают использоваться кости птиц.

В настоящий момент одной из наиболее полных классификаций музыкальных инструментов, когда-либо использовавшихся в мировой практике, является система Закса – Хорнбостеля. Система включает пять групп: аэрофоны, идиофоны, мембранные, струнные, механические и электрические инструменты [Кожевникова, Лбова 2016: 48]. Для аэрофонов характерно использование колеблющегося воздуха, как основного источника звука. Одной из наиболее распространенных групп, относящихся к аэрофонам, являются флейты (продольные, поперечные, носовые, сосудобразные, многоствольчатые), звук из которых образуется в результате рассекания потока воздуха о грань инструмента [там же: 47]. Некоторые флейты декорированы насечками и различными геометрическими знаками. Существует несколько предположений, связанных с назначением подобных узоров: связь инструмента с ритуальными действиями, средство, которое облегчает держание инструмента, хранение информации во времени [там же: 62].

Сам внешний вид обнаруженного в культурном слое Роданова городища костяного изделия позволяет интерпретировать его как фрагмент флейты. На одном конце изделия имеются следы обработки (стачивания), что может свидетельствовать о том, что для его использования применялся мундштук. В местах двух имеющихся на предмете отверстий имеются специально вырезанные углубления, которые могли использоваться для изменения высоты и тембра звука при игре на инструменте. Представленное костяное изделие имеет следы заполированности, затертости, что может свидетельствовать о его длительном использовании.

Аналогии подобным музыкальным инструментам были встречены в материалах древнерусских, прибалтийских, западноевропейских памятниках. В частности, костяные флейты были найдены при раскопках Старой Ладogi и датируются X в. В Ладogu, по мнению А.М. Косых, костяные флейты попали, скорее всего, из Северной Европы. Современные флейты из Ладogi костяные инструменты с двумя или тремя отверстиями для пальцев относятся к эпохе викингов и распространены повсеместно в регионе Балтики и Северного моря. Это, прежде всего, флейты из Тетфорда (IX в., Англия), Хедебю (IX в., Дания), Бирки (IX–X в., Швеция) [Косых 2005]. В работах О.И. Давидан такие изделия именуются «костяными свирелями» или «костяными свистками» [Давидан 1966: 113]. Вероятно, значительная часть изделий могла изготавливаться из дерева или тростника, которые имеют плохую степень сохранности. Согласно системе Закса – Хорнбостеля, предметы, обнаруженные в материалах Старой Ладogi и Роданова городища, можно относить к одиночным продольным флейтам с боковыми отверстиями. Староладожские костяные свирели зачастую ассоциируются с территорией Балтики [там же: 113]. Аналогичные изделия также были встречены в Новгороде [Археология Древняя Русь.... 1997: 183]. В целом, древнерусские музыкальные инструменты достаточно разнообразны. Выделяется несколько групп: струнные, духовые, ударные (мембранные), самозвучащие [там же: 179]. В частности, духовые инструменты представлены достаточно широко и зачастую ассоциируются с деятельностью охотников [там же: 184]. Схожие костяные предметы были встречены также в материалах городища Волковыск (территория современной Республики Беларусь), где они интерпретируются как костяные свирели. Белорусские флейты-свирели ассоциируются с археологическими материалами Латвии [Зверуго 1975: 55].

Изготовление костяных флейт в лесной зоне Евразии ведет более чем тысячелетнюю историю. Значительная часть данных музыкальных инструментов изготавливалась из костей птиц ввиду как их удобства и соответствия формы исходного сырья, так и вероятной ассоциации с «певучестью» и «мелодичностью» птиц. Представленный экземпляр костяной флейты из материалов раскопок Роданова городища по определению П.А. Косинцева был изготовлен из кости лебедя. Наиболее распространенным видом лебедей, как на территории Пермского Предуралья, так и на территории Прибалтики, где известны находки костяных флейт, является лебедь-кликун [Мальчевский, Пукинский 1983: 31], из кости которого и могла быть изготовлена флейта.

Ввиду отсутствия аналогичных изделий на территории Пермского Предуралья, а также представленных аналогий в материалах древнерусских памятников, становится возможным сделать предположение о древнерусском происхождении найденного фрагмента флейты. В настоящий момент не представляется возможным установить точно, была ли флейта принесена в рамках торговых отношений, или же являлась личным предметом человека, пребывавшего на рассматриваемой территории.

Исследователи приводят исчерпывающие аргументы в пользу наиболее активного взаимодействия между древнерусским и прикамским населением в XII–XIV вв. [Белавин 2000: 144]. Истоки же данного взаимодействия, в первую очередь экономического, прослеживаются еще в последней четверти XI–XII вв. [Белавин, Крыласова 2017: 284]. Присутствие на территории Пермского Предуралья древнерусского населения подтверждается не только украшениями древнерусского облика, но и находками

христианских крестиков-тельников, которые в первую очередь могли являться личными вещами представителей мигрирующего населения или торговцев [Белавин, Крыласова 2017: 286].

Помимо костяной флейты в материалах Роданова городища были обнаружены и другие изделия древнерусского происхождения. К ним относятся находки прибалтийского янтаря, который попадал туда, вероятно, с древнерусским импортом [Сарапулов, Мокрушин, Красновских и др. 2021: 165], весовая гирька с железным ядром, заключенным в латунную оболочку «скандинавского типа», шиферные пряслица овручевского типа, кресты-тельники (из многокомпонентной латуни и оловянно-свинцовой бронзы с желтой выемчатой эмалью) XI–XII вв. [Сарапулов, Подосенова, Каменщиков, Мокрушин 2020: 21–27], монеты западноевропейского происхождения.

Заключение

Современные исследования показывают, что появление древнерусских предметов на территории Пермского Предуралья следует связывать с периодом XI–XII вв. Как отмечают исследователи, на территории Пермского Предуралья изделия древнерусского происхождения концентрируются в основном в его северной части и в бассейне р. Иньвы [Белавин, Крыласова 2017: 285]. Безусловно, такое сосредоточение свидетельствует о западном пути проникновения изделий древнерусского происхождения, о чем также неоднократно писали исследователи [Головчанский, Мельничук 2018: 103]. Наиболее вероятным путем, через который древнерусские предметы могли попадать на территорию Пермского Предуралья, являлся Сухоно-Вычегодский путь. О таком пути попадания древнерусских изделий может свидетельствовать и обнаружение западноевропейских денариев, находки которых на территории Пермского Предуралья увеличиваются практически с каждым полевым археологическим сезоном, и концентрируются они также на севере (материалы Роданова городища, могильника Степаново Плотбище (Питерского) и т. д.). Основные пункты с находками таких монет расположены вдоль Сухоно-Вычегодского водного пути [Археология Республики Коми 1997: 657].

А.Г. Иванов считает, что начинался данный путь от района Белозерья по Сухоне на Северную Двину и далее на Северо-Запад по Северной Двине к Белому морю или на Восток по Вычегде с выходом через систему притоков и волоков в бассейн р. Печоры. Имелось несколько выходов с Сухоно-Вычегодского пути на Юг, в Камско-Вятский бассейн, одни из которых направлялись к среднему течению Вятки, а другие – к верхнему течению Камы. Таким образом, обнаруженный в предвальной части Роданова городища костяной предмет интерпретирован нами как фрагмент костяной флейты, датирующийся XI–XII вв. и имеющий древнерусское происхождение.

Список литературы

1. Археология. Древняя Русь. Быт и культура. / под общ. ред. Рыбакова Б.А. М.: Наука, 1997. 368 с.
2. Археология Республики Коми. М.: Изд-во «Дик», 1997. 758 с.
3. Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь: Изд-во «Пермский государственный педагогический университет», 2000. 200 с.

4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X–XI вв. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 284–297.
5. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Христианская символика в археологических древностях эпохи средневековья в Пермском Приуралье // Вестник Пермского университета. История. Вып. 1 (40). С. 101–111.
6. Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. Л., 1966. Вып. 8. С. 103–115.
7. Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе «Мониторинг объектов археологического наследия в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края в 2014 году». 2014.
8. Звергуго Я.Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск: «Наука и техника», 1975. 143 с.
9. Кожевникова Д.В., Лбова Л.В. Формы знакового поведения в палеолите: музыкальная деятельность и фоноинструменты. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный университет», 2016. 180 с.
10. Косых А.М. Костяная флейта X века из Старой Ладogi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/kosyh/pub66/> (дата обращения: 26.02.2022).
11. Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Сарапулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища 2018 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 1 (44). С. 56–72.
12. Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий. Л., 1983. 960 с.
13. Разведочные работы А.В. Шмидта на Пермской платформе Средне-Волгоостроя (переписка и отчеты) // Рукописный архив ИИМК РАН Фонд 2, ар. № 127, дело № 8, 1932.
14. Моряхина К.В. Находки варганов из средневековых могильников Пермского Предуралья // Актуальная археология 5. СПб.: Невская типография, 2020. С. 333–334.
15. Отчет Н.А. Прокошева об археологических работах на строительстве Камской ГЭС в 1935 г. на Каме и Чусовой по Открытому листу № 42 // Рукописный архив ИИМК РАН Фонд 2, дело № 29.
16. Подосёнова Ю.А., Сарапулов А.Н. Ювелирная подвеска с зерно-филигранным декором из ювелирной и литейной мастерской Роданова городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь. Вып. XIX. 2021. С. 119–126.
17. Сарапулов А.Н., Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Подосёнова Ю.А. Янтарь из раскопок средневекового городища Роданово на территории Пермского края // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 156–168.
18. Сарапулов А.Н., Подосёнова Ю.А., Каменщиков О.Ю., Мокрушин И.Г. Находки средневековых крестов на Родановом городище в Пермском крае // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь. Вып. XVI. 2020. С. 21–27.
19. Сериков Ю.Б. Музыкальные инструменты древности // Уфимский археологический вестник. 2008. № 8. С. 24–26.
20. Спицын А.А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. СПб. № 26. 1892.
21. Талицкий М.В. Отчет по обследованию археологических памятников бассейна р. Иньвы (правый приток Камы) Кудымкарского округа Пермской области // Рукописный архив ИИМК РАН Фонд 35, дело 71.
22. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. М.-Л., 1951. С. 4–58.

References

1. Rybakova B.A. Arkheologiya. Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Ancient Russia. Life and culture]. Moscow, Nauka, 1997, 368 p. (In Russ.)
2. Arkheologiya Respubliki Komi [Archeology of the Komi Republic]. Moscow, Izd-vo «Dik», 1997, 758 p. (In Russ.)
3. Belavin A.M. Kamskii torgovyi put' [Kama trade route]. Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2000, 200 p. (In Russ.)
4. Belavin A.M., Krylasova N.B. Drevnerusskie materialy v Permskom Predural'e X-XI vv. [Old Russian Materials in the Perm Urals in the 10th-11th Centuries]. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2017, no. 1 (19), pp. 284-297. (In Russ.)
5. Golovchanskii G.P., Mel'nichuk A.F. Khristianskaya simbolika v arkheologicheskikh drevnostyakh epokhi srednevekov'ya v Permskom Priural'e [Christian symbols in the archaeological antiquities of the Middle Ages in the Perm Urals]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, iss. 1 (40), pp. 101-111. (In Russ.)
6. Davidan O.I. Staroladozhskie izdeliya iz kosti i roga (po raskopkam Staroladozhskoi ekspeditsii IIMK AN SSSR) [Old Ladoga items made of bone and horn (according to the excavations of the Old Ladoga expedition of the IIMK Academy of Sciences of the USSR)]. *Epokha bronzy i rannego zheleza. Slavyane*, Leningrad, 1966, iss. 8, p. 103-115. (In Russ.)
7. Danich A.V. Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote «Monitoring ob'ektov arkheologicheskogo naslediya v Yus'vinskom raione Komi-Permyatskogo okruga Permskogo kraya v 2014 godu» [Report on the research work "Monitoring of archaeological heritage sites in the Yusvinsky district of the Komi-Permyatsky district of the Perm Territory in 2014"]. 2014. (In Russ.)
8. Zvergugo Ya.G. Drevnii Volkovysk (X-XIV vv.) [Ancient Volkovysk (X-XIV centuries)]. Minsk, «Nauka i tekhnika», 1975, 143 p. (In Russ.)
9. Kozhevnikova D.V., Lbova L.V. Formy znakovogo povedeniya v paleolite: muzykal'naya deyatel'nost' i fonoinstrumenty [Forms of sign behavior in the Paleolithic: musical activity and phono instruments]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2016, 180 p. (In Russ.)
10. Kosykh A.M. Kostyanaya fleita X veka iz Staroi Ladogi [Bone flute of the 10th century from Staraya Ladoga]. (In Russ.). Available at: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/kosyh/pub66/> (data obrashcheniya: 26.02.2022).
11. Krylasova N.B., Podosenova Yu.A., Sarapulov A.N. Proizvodstvo elementov pojasnoi garnitury v epokhu srednevekov'ya (po materialam raskopok Rodanova gorodishcha 2018 g.) [Production of elements of a belt set in the Middle Ages (based on the excavations of the Rodanov settlement in 2018)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 2019, no. 1 (44), pp. 56-72. (In Russ.)
12. Mal'chevskii A.S., Pukinskii Yu.B. Ptitsy Leningradskoi oblasti i sopredel'nykh territorii [Birds of the Leningrad region and adjacent territories]. Leningrad, 1983, 960 p. (In Russ.)
13. Razvedochnye raboty A.V. Shmidta na Permskoi platine Sredne-Volgostroya (perepiska i otchety) [Exploration work by A.V. Schmidt on the Permian Platinum of the Sredne-Volgostroy (correspondence and reports)]. *Rukopisnyi arkhiv IIMK RAN*, fund 2, archive no. 127, file no. 8, 1932. (In Russ.)
14. Moryakhina K.V. Nakhodki varganov iz srednevekovykh mogil'nikov Permskogo Predural'ya [Vargan finds from medieval burial grounds in the Perm Cis-Urals]. *Aktual'naya arkheologiya* 5, Saint Petersburg, Nevskaya tipografiya, 2020, pp. 333-334. (In Russ.)
15. Otchet N.A. Prokosheva ob arkheologicheskikh rabotakh na stroitel'stve Kamskoi GES v 1935 g. na Kame i Chusovoi po Otkrytomu listu № 42 [N.A. report Prokoshev on archaeological work at the construction of the Kama hydroelectric power station in 1935 on the Kama and Chusovaya according to Open List No. 42]. *Rukopisnyi arkhiv IIMK RAN*, fund 2, file no. 29. (In Russ.)

16. Podosenova Yu.A., Sarapulov A.N. Yuvelirnaya podveska s zerno-filigirannym dekorom iz yuvelirnoi i liteinoi masterskoi Rodanova gorodishcha [Jewelry pendant with grain filigree decoration from the jewelry and foundry workshop of Rodanov Settlement]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, Perm, iss. XIX, 2021, pp. 119-126. (In Russ.)

17. Sarapulov A.N., Mokrushin I.G., Krasnovskikh M.P., Ivanov P.A., Kamenshchikov O.Yu., Podosenova Yu.A. Yantar' iz raskopok srednevekovogo gorodishcha Rodanovo na territorii Permskogo kraia [Amber from the excavations of the medieval settlement of Rodanovo in the territory of the Perm Territory]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*, 2021, no. 3, pp. 156-168. (In Russ.)

18. Sarapulov A.N., Podosenova Yu.A., Kamenshchikov O.Yu., Mokrushin I.G. Nakhodki srednevekovykh krestov na Rodanovom gorodishche v Permskom krae [Finds of medieval crosses at the Rodanov settlement in the Perm region]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, Perm, iss. XVI, 2020, pp. 21-27. (In Russ.)

19. Serikov Yu.B. Muzykal'nye instrumenty drevnosti [Musical instruments of antiquity]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*. 2008, no. 8, pp. 24-26. (In Russ.)

20. Spitsyn A.A. Drevnosti Kamskoi Chudi po kollektzii Teploukhovykh [Antiquities of the Kama Chud according to the Teploukhov collection]. *MAR*, Saint Petersburg, no. 26, 1892. (In Russ.)

21. Talitskii M.V. Otchet po obsledovaniyu arkheologicheskikh pamyatnikov basseina r. In'vy (pravyy pritek Kamy) Kudymkarskogo okruga Permskoi oblasti [Report on the survey of archaeological sites of the river basin. Invy (right tributary of the Kama) Kudymkar district of the Perm region]. *Rukopisnyi arkhiv IIMK RAN*, fund 35, file 71. (In Russ.)

22. Talitskii M.V. Verkhnee Prikam'e v X-XIV vv. [Upper Kama region in the X-XIV centuries]. *MIA*, no. 22. Moscow, Leningrad, 1951, pp. 4-58. (In Russ.)

Информация об авторах

А.Н. Сарапулов – кандидат исторических наук, доцент,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

М.Е. Шмырина – магистрант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

A.N. Sarapulov – Ph.D. (History), Associate Professor,

Perm State Humanitarian Pedagogical University;

M.E. Shmyrina – Master's student,

Perm State University.

Статья поступила в редакцию 09.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.

The article was submitted 09.01.2022; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 15.02.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 51–59.

Humanitarian studies. History and philology. 2022. No. 5. P. 51-59.

Научная статья

УДК 81'0

doi: 10.24412/2713-0231-2022-5-51-59

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Юлия Евгеньевна Арекеева

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, izh4yu@gmail.com

Аннотация. В последнее время понятие «картина мира» привлекает все большее количество исследователей. Картина мира как совокупность систематизированных представлений о реальности представлена в различных аспектах: можно говорить о физической, биологической, научной, эстетической и других. Данная статья посвящена проблемам исследования и философского осмысления языковой картины мира. Языковая картина мира как интегральное понятие включает знания как совокупность сведений об окружающем мире, определенное видение и понимание мира, различные способы восприятия действительности. В фокусе внимания автора находится эволюция представлений о языковой картине мира, ее функций в сознании носителей, анализируется специфика формирования национальных языковых картин мира. В статье рассматривается взаимосвязь философской и языковой картин мира, которые находятся в постоянном взаимодействии и стремятся к адекватному отображению действительности, а также раскрывается многоаспектность этих понятий. Особое внимание уделено национальной специфике картин мира, необходимости актуализации их изучения на современном этапе. Национальный язык рассматривается как орган самопознания и самовыражения культуры. Он не только отражает особенности национального характера, но и формирует их. Термин «языковая картина мира» как относительно новый предмет научно-философского осмысления характеризуется зыбкостью границ, субъективностью восприятия и умозрительностью. Это вызывает необходимость расширения границ философского и лингвокультурологического осмысления языковой картины мира, а также представляет актуальный материал для изучения специалистами, занимающимися вопросами применения интегрированного подхода к решению вопросов на стыке философии и лингвистики.

Ключевые слова: картина мира, философское осмысление, язык, мышление, коммуникация, сознание

Для цитирования: Арекеева Ю.Е. Философские аспекты языковой картины мира // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 51–59. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-51-59>

Original article

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD

Yuliya E. Arekeeva

Udmurt State University, Izhevsk, Russia, izh4yu@gmail.com

Abstract. Recently, the concept of an «image of the world» has been attracting an increasing number of researchers. The image of the world as a set of systematized ideas about reality is presented in various aspects: one can speak of physical, biological, scientific, aesthetic images of the world and others. This article is devoted to the problems of research and philosophical understanding of the linguistic image of the world. The linguistic image of the world as an integral concept includes knowledge as a set of information about the surrounding world, a certain vision and understanding of the world, various ways of perceiving reality. The author focuses on the evolution of ideas about the linguistic image of the world, its functions in the consciousness of speakers, analyzes the specifics of the formation of ethnical linguistic images of the world. The article discusses the relationship between the philosophical and linguistic pictures of the world, which are in constant interaction and strive for an adequate reflection of reality, and also reveals the multidimensionality of these concepts. Particular attention is paid to the national specifics of worldviews, the need to update their study at the present stage. The national language is considered as an organ of self-knowledge and cultural self-expression. It not only reflects the features of the national character, but also shapes them. The term "linguistic image of the world" as a relatively new subject of scientific and philosophical understanding is characterized by the fragility of boundaries, the subjectivity of perception and speculation. This makes it necessary to expand the boundaries of philosophical and linguoculturological understanding of the linguistic picture of the world, and also represents relevant material for study by specialists involved in the application of an integrated approach to solving issues at the intersection of philosophy and linguistics.

Keywords: image of the world, philosophical reflection, language, thinking, communication, consciousness

For citation: Arekeeva Yu.E. Philosophical Aspects of the Linguistic Image of the World. Humanitarian studies. History and philology. 2022;5:51-59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-51-59>

Введение

В последнее время наблюдается рост интереса ученых к такому понятию, как «картина мира». «Картина мира» – важная философская категория, дающая представление об устройстве, внутренней организации и развитии всего мира, в том числе человека. В самом общем значении картина мира представляет собой систему интуитивных представлений о реальности, «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2010: 51]. Картина мира как некий его образ формируется в сознании человека в процессе его жизнедеятельности, в ходе познания окружающего мира и непосредственных контактов с ним. Человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, понимает, осмысляет, интерпретирует, воображает, представляет себе другие «возможные миры».

Сам термин «картина мира» появился не так давно, в конце XIX – начале XX вв. Одним из первых этот термин стал употреблять физик Г. Герц применительно к физической картине мира, т. е. той картине, в которой отражается устройство природы как таковой, независимо от влияния на нее человека. «Человек стремится каким-то адекватным способом создать простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений и... попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной» – эти слова А. Эйнштейна свидетельствуют о необходимости создания картины мира в жизни человека [Эйнштейн 1967: 136].

Многообразие картин мира и неоднозначность понимания их специфики в научном мире вызывают необходимость выявления общих черт и аспектов соотношения между картинами мира, существующими в сознании человека [Ваганова 2012; Гайденок 1997; Гуревич 1984; Жидков, Соколов эл.р.; Рогозина 2001]. В данной работе предпринята попытка анализа понятия «языковая картина мира», эволюции представлений о данном явлении и философского осмысления языкового образа действительности.

Основная часть

Понятие языковой картины мира относится к числу фундаментальных вопросов философии и языкознания. Это понятие выражает специфику жизни человека, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования, ибо язык является определяющим свойством человека. В формулировке Э. Бенвениста этот тезис гласит: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Бенвенист 1974: 293].

Понятие языковой картины мира как отражения объективного мира языковым сознанием того или иного народа стало предметом научно-философского осмысления сравнительно недавно. Мысль о конститутивном, то есть определяющем характере языка для человека как теоретическая идея была впервые сформулирована и разработана в лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта, учение которого возникло в русле немецкой классической философии в начале XIX в. Язык есть одно из «человекообразующих» начал, ибо человек становится человеком только через язык. В. фон Гумбольдт применил к анализу языка диалектический метод, в соответствии с которым мир рассматривается в развитии как противоречивое единство противоположностей, как целое, пронизанное всеобщими связями и взаимными переходами отдельных явлений и их сторон, как система. Именно он отметил, что каждый язык в неразрывном единстве с сознанием создает субъективный образ объективного мира.

Идеи В. фон Гумбольдта были подхвачены неогумбольдтианцами, выдвинувшими тезис о существовании в каждом языке своей картины мира, отражающей определенный способ его восприятия и осмысления. Один из представителей неогумбольдтианцев, Л. Вайсгербер, в тридцатых годах XX в. ввел в науку термин «языковая картина мира», отмечая, что в языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка. «Словарный запас конкретного языка, – писал Л. Вайсгербер, – включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [Радченко 1997: 25].

Важным этапом в развитии теории языковой картины мира являются труды американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа. В 30-х гг. XX в. Э. Сепир и его последователь Б. Уорф сформулировали теорию лингвистической относительности, согласно которой мысленное

членение мира и формирование системы понятий, посредством которых постигается мир, происходит в соответствии с системой категорий естественного языка, которым пользуются субъекты познания, смысл которой заключается в том, что языковая структура формирует мышление индивида и способ познания им реального мира [Сепир 2003: 131].

Особый интерес лингвистов к языковой картине мира во второй половине XX – начале XXI в., по мнению Г.С. Самойловой, вызван «изменением ценностных ориентаций в образовании и науке; гуманизацией и гуманитаризацией науки как специфичной чертой научного познания конца XX в.; ... усилением человеческого фактора в языке, обращением к проблемам формирования и развития языковой личности; вниманием к языку как к социальному фактору национальной идентификации, как средству национального самоопределения; расширением и укреплением языковых контактов, приводящих к сопоставлению, наложению разных языковых систем и выявлению специфики национальных языков и национального мировидения» [Самойлова 2007: 282]. В этот период языковая картина мира стала объектом анализа многих отечественных исследователей (Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, Е.В. Урысон и др.).

Главная функция языковой картины мира – сохранять и передавать из поколения в поколение обиходное знание о мире, обеспечивать преемственность языкового мышления носителей данного языка, воспроизводить упрощенное структурирование окружающего мира. Так, Е.В. Урысон полагает, что языковая картина является отражением наших бытовых представлений о мире: «Заметим, что на аналогичном предположении основана и гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, в соответствии с которой наши обиходные представления формируются языковой картиной мира. Иными словами, считается, что язык отражает наши самые обычные, житейские представления о том или ином объекте (ситуации)» [Урысон 2003: 11].

Язык занимает особое место в человеческом сознании: он, с одной стороны, влияет на восприятие нами окружающего мира, формируя определенное представление о явлениях и ситуациях, а с другой стороны, он используется нами как инструмент для описания мировосприятия. Таким образом, и языковая картина мира занимает особую позицию среди других картин мира, она задает нормы поведения человека, определяет его отношение к миру. По мнению Ю.Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая «навязывается» в качестве обязательной всем носителям языка [Апресян 1995: 432].

Язык – самое экономное средство получения, накопления и обобщения информации, уникальный механизм сохранения и передачи «коллективной памяти», эксплицированной в слове. Каждый народ по-своему членит многообразие мира, по-своему называет эти фрагменты мира. Своеобразие «конструируемой» картины мира заключается в том, что в ней опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт. Языки «набрасывают» на мир и сознание сети с разным узором ячеек; при всех вариациях концептуальных структур сознания рисуемые различными языками картины мира наиболее сходны в принципиальных чертах. Носители языка наполняют языковые единицы тем содержанием, которое диктуется им структурами мира и деятельности людей, отложившимися в их голове как концептуальные структуры сознания.

Несмотря на то, что понятие языковой картины мира прочно закрепилось и широко используется во многих науках о человеке, из-за терминологической зыбкости оно по-прежнему не получило четкого и однозначного толкования. Такая ситуация во многом объясняется тем, что языковая картина мира – это не объективно существующая реалья, непосредственно данная нашему наблюдению, а своего рода абстракция, умозрительное построение, которое используется для решения определенных теоретических или практических задач.

Введение понятия «языковая картина мира» – это результат культурно-философского подхода к языку, рассматривающего его не просто как инструмент для выполнения определенных функций, но как продукт культурного развития того или иного народа, результат освоения и творческого осмысления окружающего мира. Отсюда понимание национально-языковой картины мира как неповторимого результата «мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса», его коллективного органа «самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума» [Корнилов 2003: 137].

Более того, языковая картина мира всегда субъективна, она не может отражать общую для всего человечества картину мира. Роль объективной картины мира выполняет научная картина мира – плод познавательной деятельности человечества, отражающей сегодняшнее знание общества о мире. Языковая картина мира, напротив, фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, т. е. на этапе первичного, донаучного познания мира.

Итак, с одной стороны, любое толкование понятия языковой картины мира не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реалья, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач. С другой стороны, важнейшей особенностью картины мира является ее внутренняя безусловная достоверность для субъекта этой картины. Образ мира воспринимается в ней как сама реальность. Субъект картины мира верит, что мир таков, каким он изображен в ней, иное же понимание мира кажется ему оптической иллюзией.

В современной философии к одной из важнейших задач исследования картин мира относится разграничение языковой, или наивной, и научной картин мира. Языковые средства, которыми пользуется человек в обыденной жизни, не выдерживают сравнения со строгим, логическим стилем научных текстов, и часто характеризуются нечеткостью понятий и видения мира. Человек, выстраивающий в сознании окружающую действительность, ограничен своими возможностями и горизонтом понимания происходящих вокруг него процессов. Более того, отточенные, энциклопедические определения чаще всего не воспринимаются на житейском уровне. Языковая картина мира не стремится к отражению абсолютной действительности, ей присущ обобщающий подход, ориентированный на решение практических задач носителя языка.

Тем не менее, наивные представления о действительности не всегда являются примитивным отражением переработки знаний, зачастую они не уступают по сложности и комплексности научному воззрению. Можно говорить о наивном восприятии физических величин, математики, психологии и т.д. Получая первое впечатление об окружающем мире,

человек объективирует и теоретизирует его в рамках своих возможностей, и далее, на следующем этапе, формирует отвечающие требованиям науки понятия, оперируя языковыми средствами, которые в совокупности создают особый, лаконичный научный стиль изложения. В связи с этим можно отметить, что научная картина мира представляет собой специфическую языковую картину мира.

Говоря о философских аспектах изучения языковой картины мира, также представляется необходимым дать ответы на следующие вопросы: какую роль объем лексического запаса и словообразовательные средства играют в формировании национальной языковой картины мира? Как, к примеру, будут отличаться языковые картины мира русского человека и китайца? На самом ли деле русский и китаец будут видеть объект по-разному, если в одном случае назовут его ласково «снежок», а в другом – просто «雪 хуэ3»? Для полномасштабного решения этих вопросов требуется проведение междисциплинарных исследований на стыке таких наук, как философия, языкознание, культурология и социология.

Другой важный вопрос, возникающий в процессе философского осмысления языковой картины мира: как она изменяется в процессе межкультурной коммуникации? В целях предотвращения непонимания и конфликтов, от каждого участника межкультурной коммуникации требуется определенная трансформация своего мировосприятия. По мысли Н.Ф. Герман, «для достижения взаимопонимания в ходе межкультурной коммуникации от субъектов требуется определенная активная и осознанная трансформация лингвокультурной идентичности, позволяющая личности восстановить внутренне равновесие через поиск соответствия образа мира изменившемуся окружению и определение собственной роли в видоизмененном коммуникативном контексте и тем самым сохранить свою целостность» [Герман 2009: 65].

Как происходит эта трансформация языковой картины мира? Сможет ли носитель одной культуры в полной мере постичь языковые особенности другой, научиться различать те же оттенки значений, что и второй участник коммуникации? На данный момент не представляется возможным найти ответы на поставленные вопросы. Однако они задают направление, в котором необходимо двигаться в ходе дальнейшего философского осмысления феномена языковой картины мира.

Заключение

Изучение картин мира является на данный момент актуальным направлением, развивающимся на стыке многих дисциплин. Картиной мира называется сложившаяся на конкретном этапе развития человечества совокупность представлений о структуре действительности, способах ее функционирования и изменения, сформировавшаяся на основе исходных мировоззренческих принципов и интегрирующая знания и опыт, накопленный человечеством. Выделяют несколько видов картин мира: научная, религиозная, философская, духовно-культурная, физическая, биологическая, космоцентрическая и т. д.

Одним из важнейших достоинств философской картины мира является то, что она, по сравнению с другими картинами, способствует восприятию мира людьми в самом широком, всестороннем виде. В мире нет ни одной его сферы, явления, процесса, которые бы не анализировались и не освещались с философской точки зрения. Философская интеграция

мыслительной деятельности способствует совершенствованию жизни, позволяет добиваться теоретических и практических результатов в окружающем мире. Отражение в картинах мира усилий многих поколений людей делает современников ответственными не только за содержание реальной жизни, но и создание лучшего будущего для потомков.

Что касается языковой картины мира, она является результатом переработки информации о среде и человеке. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Можно сказать, что язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире.

Языковая картина мира, являясь образом высокой степени сложности, имеет многоуровневую организацию (ср. картина мира отдельного человека, народа, общечеловеческая), соединяя общечеловеческое и национально-специфическое, общее и индивидуальное, фундаментальное и исторически обусловленное, глобальное и частное. Язык оказывает стимулирующую роль по отношению к формированию у человека единой картины мира, поскольку именно через лексику языка можно и нужно изучать концептосферу, национальную и языковую картины мира. Язык, таким образом, «изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык – свою» [Падучева 1996: 5].

На современном этапе языковые картины мира становятся объектом описания и интерпретации в рамках комплекса наук о человеке. Картина мира любого языка рассматривается не только в контексте фольклора, мифологии, культуры, истории, обычаев и психологии данного народа, но и в контексте философии и лингвистики. Вопросы, связанные с функционированием языковой картины мира, еще предстоит решать, поскольку многие из них находятся на стыке таких дисциплин, как психология, языкознание, философия, социология и др. В этой связи необходимо дальнейшее изучение и осмысление языковой картины мира через призму других, создание условий для применения интегрированного подхода к решению вопросов на стыке философии и лингвистики.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Том II. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Ваганова Е.Г. Эволюция представлений о языковой картине мира // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 295–306.
4. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени / отв. ред. И.Д. Рожанский. Изд. 2-е. М.: URSS, 2010. 447 с.
5. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 11 (149). Вып. 11. С. 63–66.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 285 с.
7. Жидков В., Соколов К. Искусство и социокультурная стратификация общества (п. 1. Картина мира человека; п. 2. Культура как картина мира) [Электронный ресурс]. URL: (<http://www.narcom.ru/ideas/common/65.html>) (дата обращения: 23.11.2021).
8. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

9. Падучева Е.В. Феномен Айны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Перевод с английского, ответственный редактор М.А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 315 с.
11. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 312 с.
12. Рогозина И.В. Плюрализм картин мира: Ползуновский альманах [Электронный ресурс]. 2001. № 1–2. URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa2001_1_2/pages/34/pap_34.html (дата обращения: 23.11.2021).
13. Самойлова Г.С. Проблемы языковой картины мира в научных исследованиях студентов Нижегородского государственного педагогического университета // Проблемы картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. 14–15 марта 2007 г. Нижний Новгород, 2007. Вып. 6. С. 281–286.
14. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира / под ред. К. Королева. М.: АСТ, 2003. 576 с.
15. Спиркин А.Г. Основы философии. М.: Политиздат, 1988. 592 с.
16. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
17. Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // Собрание соч. Т. 4. М.: Наука, 1967. 599 с.

References

1. Apresyan Yu.D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of language and system lexicography]. *Izbrannye trudy*, vol. II, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1995, 767 с. (In Russ.)
2. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress, 1974, 448 p. (In Russ.)
3. Vaganova E.G. Evolyutsiya predstavlenii o yazykovoi kartine mira [The evolution of ideas about the language picture of the world]. *Vestnik NGUEU*, 2012, no. 3, pp. 295-306. (In Russ.)
4. Gaidenko P.P. Evolyutsiya ponyatiya nauki (XVII-XVIII vv.). *Formirovanie nauchnykh programm novogo vremeni* [The evolution of the concept of science (XVII-XVIII centuries). Formation of scientific programs of the new time]. 2nd ed., Moscow, URSS, 2010, 447 p. (In Russ.)
5. German N.F. Lingvokul'turnaya identichnost' sub'ekta kommunikatsii [Linguistic and cultural identity of the subject of communication]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, 2009, no. 11 (149), iss. 11, pp. 63-66. (In Russ.)
6. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow, Iskusstvo, 1984, 285 p. (In Russ.)
7. Zhidkov V., Sokolov K. *Iskusstvo i sotsiokul'turnaya stratifikatsiya obshchestva* [Art and socio-cultural stratification of society]. (In Russ.). Available at: <http://www.narcom.ru/ideas/common/65> (accessed: 23.11.2021).
8. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. 2nd ed., Moscow, CheRo, 2003, 349 p. (In Russ.)
9. Paducheva E.V. *Fenomen Ainy Vezhbitskoi* [The phenomenon of Aina Vezhbitskaya]. *Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie*, Moscow, Russkie slovari, 1996, 412 p. (In Russ.)
10. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2007, 315 с. (In Russ.)

11. Radchenko O.A. Yazyk kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtianstva [Language as a world-building: Linguo-philosophical concept of neo-Humboldtianism]. 2nd ed., Moscow, Editorial URSS, 2005, 312 c. (In Russ.)
12. Rogozina I.V. Plyuralizm kartin mira: Polzunovskii al'manakh [Pluralism of pictures of the world: Polzunov's almanac]. 2001, no. 1-2, (In Russ.). Available at: http://elibr.altstu.ru/elibr/books/Files/pa2001_1_2/pages/34/pap_34 (accessed: 23.11.2021).
13. Samoilova G.S. Problemy yazykovoï kartiny mira v nauchnykh issledovaniyakh studentov Nizhegorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Problems of the language picture of the world in the scientific research of students of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University]. *Problemy kartiny mira na sovremennom etape: Sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchennykh*, Nizhnii Novgorod, 2007, iss. 6, pp. 281-286. (In Russ.)
14. Sepir E. Status lingvistiki kak nauki [Status of linguistics as a science]. *Yazyki kak obraz mira*, Moscow, AST, 2003, 576 p. (In Russ.)
15. Spirkin A.G. Osnovy filosofii [Fundamentals of Philosophy]. Moscow, Politizdat, 1988, 592 p. (In Russ.)
16. Uryson E.V. Problemy issledovaniya yazykovoï kartiny mira: Analogiya v semantike [Problems of researching the language picture of the world: Analogy in semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003, 224 p. (In Russ.)
17. Einshtein A. Vliyanie Maksvella na razvitie predstavlenii o fizicheskoi real'nosti [Maxwell's influence on the development of ideas about physical reality]. *Sobranie sochinenij*, vol. 4, Moscow, Nauka, 1967, 599 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю.Е. Ареева – ассистент кафедры романской филологии,
второго иностранного языка и лингводидактики,
Удмуртский государственный университет.

Information about the author

Yu.E. Arekeeva – Assistant of the Department of Romance Philology,
Second Foreign Language and Linguodidactics,
Udmurt State University.

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022;
принята к публикации 28.02.2022

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for
publication 28.02.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 60–68.

Humanitarian studies. History and philology. 2022. No. 5. P. 60-68.

Научная статья

УДК 81'37

doi: 10.24412/2713-0231-2022-5-60-68

ТАКСИС И ФИНАЛЬНОСТЬ: ВОПРОСЫ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЙ СВЯЗИ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса межкатегориальной связи функционально-семантических категорий таксиса и финальности в аспекте актуализации категориальной семантики финального таксиса одновременности в высказываниях с таксисными предложениями финальной семантики в немецком, русском, английском, польском и нидерландском языках. Функционально-семантические категории таксиса и финальности находятся в тесном межкатегориальном взаимодействии, характер их межкатегориального взаимодействия следует определять как межкатегориальную инклюзию. Материалом исследования послужили немецкие, русские, английские, нидерландские и польские высказывания с таксисными предложениями финальной семантики *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor*. Данные высказывания репрезентируют интегральный сегмент, конституируемый в результате межкатегориальной инклюзии функционально-семантических полей таксиса и финальности. В рамках вышеназванного интегрального сегмента при условии тесной межкатегориальной связи категорий таксиса и финальности в высказываниях с таксисными предложениями финальной семантики актуализируются различные финально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Таксисные предлоги финальной семантики *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor* выступают в качестве экспликаторов финально-таксисных значений одновременности. При наличии в высказываниях некоторых индикаторов итеративности (итеративных квантификаторов, девербативов или глаголов), а также кондициональных актуализаторов возможна актуализация сопряженных финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности (итеративно-финально-таксисных, мультипликативно-финально-таксисных, дистрибутивно-финально-таксисных, кондиционально-финально-таксисных).

Ключевые слова: таксис, финальность, таксисная категориальная семантика, одновременность, финальная семантика, таксисные предлоги финальной семантики, межкатегориальная связь, межкатегориальная инклюзия, финально-таксисные категориальные ситуации, сопряженные финально-таксисные категориальные ситуации

Для цитирования: Архипова И.В. Таксис и финальность: вопросы межкатегориальной связи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 60–68. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-60-68>

Original article

TAXIS AND FINALITY: ISSUES OF INTER-CATEGORICAL COMMUNICATION

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article is devoted to the consideration of the issue of the inter-categorical relationship of the functional-semantic categories of taxis and finality in the aspect of updating the categorical semantics of the final taxis of simultaneity in statements with taxis prepositions of final semantics in German, Russian, English, Polish and Dutch. The functional-semantic categories of taxis and finality are in close inter-categorical interaction, the nature of their inter-categorical interaction should be defined as inter-categorical inclusion. The research material was German, Russian, English, Dutch and Polish utterances with taxic prepositions of the final semantics of *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor*. These statements represent an integral segment formed as a result of the inter-categorical inclusion of the functional-semantic fields of taxis and finality. Within the framework of the above-mentioned integral segment, under the condition of a close inter-categorical connection between the categories of taxis and finality in statements with taxi prepositions of final semantics, various final taxic categorical situations of simultaneity are actualized. The taxic prepositions of the final semantics of *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor* act as explicators of the final taxic meanings of simultaneity. If there are some indicators of iterativity in statements (iterative quantifiers, deverbatives or verbs), as well as conditional actualizers, it is possible to actualize conjugated final-tax categorical situations of simultaneity (iterative-final-taxic, multiplicative-final-taxic, distributive-final-taxic, conditional-final-taxic).

Keywords: taxis, finality, taxic categorical semantics, simultaneity, final semantics, taxic prepositions of final semantics, intercategory connection, intercategory inclusion, final-taxi categorical situations, conjugated final taxic categorical situations

For citation: Arkhipova I.V. Taxis and finality: issues of inter-categorical communication. Humanitarian studies. History and philology. 2022;5:60-68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-60-68>

Введение

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса актуализации категориальной семантики финального таксиса одновременности в высказываниях с таксисными предложениями финальной семантики *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor* в аспекте межкатегориальной связи функционально-семантических категорий таксиса и финальности.

Исследованию финальной семантики в немецком, русском, английском и других разноструктурных языках посвящены работы многих отечественных лингвистов [Архипова 2020, 2021, 2021а, 2021б, 2021в; Воронина 2016, 2016а; Гареева 2012; Чистохвалова 2004; Федорова 1991]. Семантика цели находит свое языковое выражение на уровне простого, осложненного и сложного предложений, в частности, в предложно-падежных конструкциях с предложениями финальной (целевой) семантики, в конструкциях с инфинитивом, причастными, деепричастными оборотами, а также в сложноподчиненных предложениях с союзами *чтобы, дабы, лишь бы (не), только бы (не), damit, dass* и бессоюзных предложениях [Гареева 2016: 101].

Л.В. Чистохвалова отмечает, что показателями целевой семантики служат лексическое значение слова (на лексическом уровне), служебные части речи (предлоги и союзы) (на морфологическом уровне), а также словосочетания, простые, сложные, интеральные, транзитивные предложения (на синтаксическом уровне) [Чистохвалова 2004: 5–6]. Целевая (финальная) семантика трактуется в лингвистической литературе как «финитив» (цель, назначение действия) или «дестинатив» (назначение предмета в случае целевых падежно-субстантивных форм) [Федорова 1991]. Дестинатив имеет пропозитивное событийное содержание и включает информацию об определенной ситуации-цели действия субъекта. Являясь номинализованной «свернутой» пропозицией русский дестинатив может быть легко трансформирован в конструкции с союзом *чтобы* или в глагольные сочетания с инфинитивом цели [Чистохвалова 2004: 5–7].

Л.В. Воронина рассматривает цель как «сложный смысл, предполагающий развертывание особой ситуации (целеполагания, целедействия, целедостижения), в рамках которой функционирует смысловой комплекс семантического субъекта (субъект целеполагания), формулирующего цель», который способен к произвольным целесообразным действиям (агенс) или обладает ресурсами для достижения желаемого результата, действуя в интересах определенного лица (бенефактор). Л.В. Воронина выделяет в целевой структуре основные компоненты (семантический комплекс субъекта, средства каузации, желаемый результат) и факультативные (мотивационный, аналитический) [Воронина 2016: 141–148]. Функционально-семантические категории таксиса и финальности находятся в тесном межкатегориальном взаимодействии. Характер их межкатегориального взаимодействия, находящий отражение в актуализации финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, можно определить как межкатегориальную инклюзию.

Основная часть

Наш исследовательский интерес представляет вопрос актуализация семантики финального таксиса одновременности в высказываниях с предложными девербативами с таксисными предлогами финальной (целевой, финитивной, дестинативной) семантики *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor* в немецком, русском, английском, нидерландском языках и польском языках. Семантика финального таксиса одновременности объединяет таксисное значение одновременности и обстоятельственное значение цели. Данные высказывания представляют интегральный сегмент межкатегориального взаимодействия или межкатегориальной инклюзии функционально-семантических полей таксиса и финальности. Они конституируют финально-таксисный семантический синкрет-субкомплекс одновременности.

Под термином «финальный таксис» следует понимать разновидность секундарно- или обстоятельственно-таксисных языковых значений одновременности, включающих семантический компонент цели (целеполагания или целедостижения). Монаксисные предлоги финальной (финитивной, дестинативной, целевой) семантики *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor* являются маркерами финально-таксисных языковых значений одновременности в немецком, английском, нидерландском, русском и польском языках. Монаксисные предлоги финальной семантики *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor* выступают в качестве прототипических контекстуальных элементов финально-таксисной среды одновременности.

В немецком языке в высказываниях с монотаксисными предложениями финальной семантики *für, zu, zwecks* актуализируются следующие секундарные финально-таксисные (финитивные/дестинативные) категориальные ситуации одновременности:

(1) *финитивные финально-таксисные категориальные ситуации* (в высказываниях с таксисными предложениями финальной семантики *für, zu, zwecks*): Allein *für das Schneiden des Eibengartens im Herbst* braucht er drei Wochen (Dwds); Zu Martin Ho geht man *zum Sehen* und *zum Gesehenwerden* (там же); Gern würden wir auf den Turm des Münsters steigen und zum Schwarzwald blicken, doch der Turm ist *zwecks Renovierung* gesperrt (там же); Fortan bewegte er sich in dem Kreislauf Beschaffungskriminalität, Verhaftung, Knast und/oder Internierung *zwecks Entzug* und Therapie (там же); Nach Angaben des Oberlandesgerichts von Galicien wurde Garzón von einem Kollegen der Eisenbahngesellschaft Renfe *zwecks Absprache der Fahrt*, aber auf inoffiziellm Wege angerufen (там же); Der Prozess wurde vom Richter *zwecks Einholung medizinischer Gutachten* vertagt (там же); Auflaufen werden 5000 Regierungsvertreter aus 189 Ländern *zwecks Überwachung des «Übereinkommens über die biologische Vielfalt»* (там же);

(2) *дестинативные финально-таксисные категориальные ситуации* (в высказываниях с таксисными предложениями финальной семантики *für, zu*): Durch die Wahl der deutschen Schreibschrift als Erstschrift braucht das Kind in den ersten drei Schuljahren *nur zwei Schrifttypen für das Lesen ...* (там же); Aber als ich ihm *den Brief* mit einigen erklärenden Worten *zum Lesen* überreichte, ging es wie heller Sonnenschein über sein Gesicht (там же); *Zum Ziehen* ist ein zangenähnlicher zwischen Kork und Flaschenhals geschobener Zieher am besten, weil der Kork nicht durchbohrt wird (там же).

Помимо немецких предлогов финальной семантики *für, zu, zwecks* к прототипическим проявлениям финально-таксисной среды относятся глаголы целенаправленного воздействия, в том числе, каузативные глаголы, типа: *produzieren, brauchen, benötigen, gebrauchen, benutzen, verwenden, anwenden, verlangen, veranlassen, einsetzen* и др.: «Wir brauchten ja schon allein zwei Minuten *zum Schieben für das flache Stück an der Seealpe*», denkt er zurück (Dwds); Man benötigt *zum Fahren* also nur noch Gashebel und Bremsen (там же); 180 Kronen werden *für das Schlafen im Ruheraum mit Duscmöglichkeit* verlangt (там же); Der kurz zuvor eingewechselte Seferovic legte nur wenige Minuten später nach – was zahlreiche HSV-Fans *zum Gehen* veranlasste (там же); Mit der Zeit setzte der Mensch den ein oder anderen besonders freundlichen Wolf dann als Nutztier ein, z.B. *zum Ziehen von Schlitten mit Lasten* (LC).

При наличии в высказываниях различных индикаторов итеративности (атрибутов/адвербиалов, девербативов или глаголов итеративной семантики), а также дополнительных актуализаторов, в частности, кондициональных актуализаторов *aber, nur, erst* и др., возможна актуализация сопряженных финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, в частности, итеративно-финально-таксисных, мультипликативно-финально-таксисных, дистрибутивно-финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Итеративно-финально-таксисные, мультипликативно-финально-таксисные или дистрибутивно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в случае итерации финально-таксисной семантики, обусловленной наличием девербативов/глаголов итеративной семантики и итеративных квантификаторов *immer, wieder, immer wieder, regelmäßig, immer noch, morgens, oft* и др., а также дистрибутивной множественностью субъектных или объектных актантов глагольных действий. Ср. следующие сопряженные категориальные ситуации:

1) *мультипликативно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: Jedes neue Ding wird gründlich, fast systematisch untersucht, zuerst mit den bewährten Methoden, dann hin- und hergeschüttelt, vielfältig *zum Klopfen* benutzt und schließlich fallen gelassen, wieder aufgehoben und fallen gelassen ...; Um die Maschine zu starten, liefert der Hersteller ein Hämmerchen zum Klopfen auf den Deckel; Dumpf schlägt die riesige Pauke den Takt *zum Rasseln der Blechtrommeln*, kreischend hell ertönen Marschmelodien aus den Querflöten (Dwds);

2) *итеративно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: Da die nicht nadelnden Zweige sich aber gut für Adventsgestecke eignen, wird die Tanne *oft für die Verwendung* als Tannengrün produziert; *Morgens* geht er in den Wald *zum Laufen*, dann in die Boxschule, nach dem Essen wird geschlafen, dann wieder Boxtraining; Sie hatten ihn ja *immer* mitgenommen *zum Schwimmen, Segeln und Spazierengehen*; Sie dienen *meist zum Tasten oder Hören* (Dwds);

3) *дистрибутивно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: Beide legen sich in einem abgeschiedenen Winkel *zum Schlafen*, nach einigen Stunden Flug wacht die Mutter auf – und die Tochter ist weg; *Zum Reiten* werden die Haare geflochten oder gewunden und eng anliegend getragen, was den Kopf klein macht; Die seelischen Regungen, welche sich miteinander zu bestimmten kürzeren und längeren Reihen verbinden, geben den Organen den Anstoß *zum Sprechen*; Die Fühler dienen *zum Tasten* und *zum Riechen*; In der Bahnhofstraße stellen sich die Autofahrer *zum Parken auf den Radstreifen*; Wir haben *zum Lesen* keine Zeit; Der Print-Server nimmt von allen Klienten *Dateien zum Drucken* entgegen und druckt sie auf einem zentralen Drucker aus; Die Augen fehlen entweder ganz, oder sie sind mit einer Haut überwachsen und *zum Sehen* untauglich; Die Enkel nehmen es *zum Backen*; Das Schülerfreizeitzentrum Marzan, Marzaner Promenade 51, lädt Ferienkinder ab 11 Uhr in den Raum 1303 *zum Backen und Kochen* ein; Ältere Eier eignen sich hauptsächlich *zum Backen*, denn die Salmonellen werden bei einer Erhitzung von 70 Grad Celsius über zehn Minuten abgetötet; Außerdem gibt es bes. Instrumente *zum Schneiden und Schaben für die Fellbearbeitung*; Die Megalithgräber dienten *zum Schlagen der Katzenköpfe*, wie die Pflastersteine genannt werden (Dwds);

4) *итеративно-дистрибутивно-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности*: So gab er mir *immer wieder Bücher zum Lesen* und erlaubte mir, von Zeit zu Zeit zu ihm zu gehen; Regelmässig bekam ich hier *lehrreiche Bücher zum Lesen*, und ebenso regelmäßig wurde ich abgefragt, was ich mir aus dem Inhalt derselben eingeprägt hatte (Dwds).

Кондиционально-финально-таксисные категориальные ситуации одновременности могут быть актуализированы в высказываниях при наличии кондициональных актуализаторов *erst, nur, aber* и др.: Bis dahin hatten die Juweliere Diamanten *nur zum Schneiden anderer Edelsteine* benutzt; Die menschliche Hand wurde bisher *nur zum Drücken von Tasten und zum Bewegen der Maus* benutzt, also in zwei Dimensionen; Da sich die Schildkröten *nur zum Legen ihrer Eier* an Land wagen, wenn die Strände dunkel und ruhig sind, versperrt der boomende Tourismus ihnen im Mittelmeer die meisten guten Nistplätze (Dwds).

В нидерландском языке финально-таксисные категориальные ситуации одновременности (финитивные/дестинативные) актуализируются в высказываниях с политаксисным предлогом финальной семантики *voor*: Documenten in PDF formaat zijn perfect *voor verspreiding via een ELO*; Indien nodig levert en installeert Netvisit apparatuur *voor een verbinding met het Internet*; Contracten afsluiten met leveranciers *voor de levering van hardware*; Zo is het netwerk ideaal *voor het afleveren*

van softwareproducten; De gilde avonden worden benut voor lezingen, proeverijen en keuringen; Minister Brinkhorst haalt dat geld uit een potje voor stimulering van innovatie van destructie; Maar ook directies en onderwijskundigen vinden erin ideeën voor de vernieuwing van opleidingen; Foppe de Haan had zijn opstelling voor het treffen met National Boekarest aangepast; We hadden voor deze bijeenkomst twee computerlokalen bij Hogeschool Holland gehuurd (LC).

Финально-таксисные категориальные ситуации одновременности в английском языке репрезентируются в высказываниях с таксисным предлогом целевой семантики *for*: *Mustangs of various vintages were open for inspection during the afternoon; Batteries located on the exterior front frame store power from the solar panels for later usage; Haag, the driver, was taken to Newman Regional Health for observation and possible treatment; The narcotic substance was sent for forensic examination; Chairman Grant Plummer said the public easement policy was overdue for a revision (там же); Rock contacted Perry for permission to use the quip, and Perry obliged; Bills passed by lawmakers had to be sent to the governor for his «approbation» (LC).*

В русском языке финально-таксисные категориальные ситуации одновременности (в частности, финитивные или дестинативные в случае употребления предлога *для*) актуализируются в высказываниях с таксисными предлогами финальной семантики *для, ради, с целью, в целях*. Ср. следующие финально-таксисные категориальные ситуации в высказываниях русского языка:

1) *финитивные финально-таксисные категориальные ситуации одновременности* (в высказываниях с таксисными предлогами финальной семантики *для, ради, с целью, в целях*): Он предложил мне позировать *с целью использования фотографий в рекламе и других акциях*, обещая дать денег, когда пристроит фотографии; Россия готова сотрудничать с США, Европой, арабским миром *в целях урегулирования ситуации в Ираке и скорейшего восстановления суверенитета этой страны при центральной роли ООН; В целях преодоления избыточной кислотности почвы с рН менее 5,5 известкуют*, но с учётом потребности каждой культуры и каждого растения; *Ради облегчения* многие идут на дополнительные операции: снимают облицовку, накладки ветрового стекла, чтобы подобраться к тросу со стороны двигателя (НКРЯ);

2) *дестинативные финально-таксисные категориальные ситуации одновременности* (в высказываниях с таксисным предлогом финальной семантики *для*): Вскоре после изобретения термоядерной бомбы было осознано, что все виды стратегического оружия создаются не для применения, а *для устрашения*; Shell Lubricants выпускает масла *для применения в различных отраслях промышленности* от автомобильного транспорта до производства и переработки продуктов питания, от тяжелой промышленности до коммерческого транспорта; Его принятие было частью широкомасштабной реформы школы, подготавливавшейся с 1918 года, когда пришедшая к власти социал-демократическая партия сформировала специальную школьную комиссию *для рассмотрения этого вопроса*; Вскоре после изобретения термоядерной бомбы было осознано, что все виды стратегического оружия создаются не для применения, а *для устрашения*; Изначально «умная» ткань разрабатывалась *для использования* в качестве тентов для грузовиков и железнодорожных платформ; В царствование Николая I был создан особый Комитет при Военном Министерстве *для рассмотрения предлагаемых к использованию в России оптических телеграфов* (НКРЯ).

В польском языке финально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализуются в высказываниях с таксисным предлогом целевой (финальной) семантики *celem*, например: Do Francji *celem wyjaśnienia* kwestii bezpieczeństwa Polski i w tym aspekcie sojuszu polsko-francuskiego jako jego gwaranta wyjechał marszałek senatu Wojciech Trąmpczyński; Prezydent powołał zespół *celem wyjaśnienia* tej sprawy; Jest jedynym rekinem wystawiającym głowę ponad powierzchnię wody *celem obserwowania ofiary*; Wykonujemy nasze obowiązki zgodnie z przepisami, *celem zadowolenia* mieszkańców i wychodząc naprzeciw ich potrzebom – tłumaczą zarządcy Posesji; Wysyłanie do działu finansowego trwa w Link4 jeden tydzień *celem sprawdzania* dokumentów – tak odpowiedział konsultant; Kierowcy i rannemu pobrano krew *celem zbadania zawartości alkoholu* (НКПЯ).

Заклучение

Итак, функционально-семантические категории таксиса и финальности находятся в тесном межкатегориальном взаимодействии. Характер их межкатегориального взаимодействия, находящий отражение в актуализации финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, мы определяем как межкатегориальную инклюзию. Высказывания с таксисными предлогами финальной семантики *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor* репрезентируют некоторый интегральный сегмент, конституируемый в результате межкатегориальной инклюзии функционально-семантических полей таксиса и финальности в немецком, русском, польском, английском и нидерландском языках. Данные высказывания представляют финально-таксисный семантический синкрет-субкомплекс одновременности.

Финально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в обследованных высказываниях с таксисными предлогами финальной семантики. Таксисные предлоги финальной семантики *für, zu, zwecks, для, ради, с целью, в целях, celem, for, voor* в немецком, английском, нидерландском, русском и польском языках являются при этом маркерами или экспликаторами финально-таксисных значений одновременности. Данные предлоги конституируют финально-таксисную среду одновременности, являясь ее прототипическими элементами.

При наличии в обследованных высказываниях индикаторов итеративности (итеративных квантификаторов, девербативов и глаголов) и кондициональных актуализаторов возможна актуализация сопряженных финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности (итеративно-финально-таксисных, мультипликативно-финально-таксисных, дистрибутивно-финально-таксисных или кондиционально-финально-таксисных).

Список литературы

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2020. 173 с.
2. Архипова И.В. Таксисные репрезентанты в немецком и нидерландском языках // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2021. № 3 (51). С. 16–25.
3. Архипова И.В. Секундарный таксис: межкатегориальная инклюзия // Филологический аспект. 2021а. № 4 (72). С. 90–96.
4. Архипова И.В. Таксис и межкатегориальная инклюзия // Гуманитарные исследования. 2021б. № 3 (79). С. 11–14.

5. Архипова И.В. Нидерландские девербативы как таксисные актуализаторы // Ученые записки Крымского федерального университета. 2021в. Т. 7 (73). № 3. С. 99–112.
6. Воронина Л.В. Аспектный анализ компонентов семантической структуры цели // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 4. С. 141–148.
7. Воронина Л.В. Определяющие тенденции в оформлении функционально-семантического поля «цель» (на материале современных печатных СМИ) // Вестник Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева. 2016а. № 2 (36). С. 148–152.
8. Гареева Л.М. Синонимия и вариативность предлогов финитивной семантики в современном русском языке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 2 (261). С. 101–104.
9. Даржаева Н.Б. Полипредикативные конструкции со значением непосредственной цели в бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 2. С. 17–21.
10. Федорова Н.А. Предложения с семантикой назначения (дестинативные): автореф. дис. ... к. филол. н. Санкт-Петербург, 1991. 16 с.
11. Чистохвалова Л.В. Семантика цели: дис. ... к. филол. н. Рязань, 2004. 214 с.
12. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 15.10.2021).
13. Dwds – Немецкий корпус. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 15.10.2021).
14. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/new/>. (дата обращения: 15.10.2021).
15. НКПЯ – Национальный корпус польского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://nkjp.pl/poliqarp> (дата обращения: 15.10.2021).

References

1. Arkhipova I.V. Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh [The category of taxis in multi-structural languages]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2020, 173 p. (In Russ.)
2. Arkhipova I.V. Taksisnye reprezentanty v nemetskom i niderlandskom yazykakh [Taxis representatives in German and Dutch]. *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*, 2021, no. 3 (51), pp. 16-25. (In Russ.)
3. Arkhipova I.V. Sekundarnyi taksis: mezhkategorial'naya inklyuziya [Second Taxis: Intercategorical Inclusion]. *Filologicheskii aspekt*, 2021a, no. 4 (72), pp. 90-96. (In Russ.)
4. Arkhipova I.V. Taksis i mezhkategorial'naya inklyuziya [Taxis and Intercategorical Inclusion]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2021b, no. 3 (79), pp. 11-14. (In Russ.)
5. Arkhipova I.V. Niderlandskie deverbativy kak taksisnye aktualizatory [Dutch deverbatives as taxi actualizers]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta*, 2021v, vol. 7 (73), no. 3, pp. 99-112. (In Russ.)
6. Voronina L.V. Aspektnyi analiz komponentov semanticheskoi struktury tseli [Aspect analysis of the components of the semantic structure of the goal]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya*, 2016, no. 4, pp. 141-148. (In Russ.)
7. Voronina L.V. Opredelyayushchie tendentsii v oformlenii funktsional'no-semanticheskogo polya «tsel'» (na materiale sovremennykh pechatnykh SMI) [Determining trends in the design of the functional-semantic field "goal" (on the material of modern print media)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.P. Astafeva*, 2016a, no. 2 (36), pp. 148-152. (In Russ.)

8. Gareeva L.M. Sinonimiya i variativnost' predlogov finitivnoi semantiki v sovremennom russkom yazyke [Synonymy and variability of prepositions of finitive semantics in modern Russian]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2012, no. 2 (261), pp. 101-104. (In Russ.)
9. Darzhaeva N.B. Polipredikativnye konstruksii so znacheniem neposredstvennoi tseli v buryatskom yazyke [Polypredicative constructions with the meaning of the immediate goal in the Buryat language]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 17-21. (In Russ.)
10. Fedorova N.A. Predlozheniya s semantikoi naznacheniya (destinativnye) [Sentences with destination semantics (destinative)]. Abstract of Ph. D. Thesis. Sankt-Peterburg, 1991, 16 p. (In Russ.)
11. Chistokhvalova L.V. Semantika tseli [Goal semantics]. Ph. D. thesis. Ryazan, 2004, 214 p. (In Russ.)
12. LC - Laboratoriya korpusnoi lingvistiki Leiptsigskogo universiteta. [LC – Laboratory of Corpus Linguistics of the University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 15.10.2021).
13. Dwds - Nemetskii korpus. [Dwds - German Corps]. (In Russ.). Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 15.10.2021).
14. NKRYa - Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. [NKRL - National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed: 15.10.2021).
15. NKPYa - Natsional'nyi korpus pol'skogo yazyka. [NCPJ - National Corpus of the Polish Language]. (In Russ.). Available at: <http://nkjp.pl/poliqarp> (accessed: 15.10.2021).

Информация об авторе

И.В. Архипова – кандидат филологических наук, профессор,
Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I.V. Arkhipova – Ph.D. (Philology), Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 05.11.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021;
принята к публикации 18.01.2022

The article was submitted 05.11.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for
publication 18.01.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 69–78.

Humanitarian studies. History and philology. 2022. No. 5. P. 69-78.

Научная статья

УДК 81'33

doi: 10.24412/2713-0231-2022-5-69-78

МЕРЫ АССОЦИИИ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СИЛЫ СЕМАНТИКО-СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ЭЛЕМЕНТОВ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Юлия Валерьевна Богоявленская¹, Дарья Александровна Палийчук²

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
jvbog@yandex.ru

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, dasha.paliichuck@yandex.ru

Аннотация. Коллокации находятся в центре внимания лингвистов в связи с решением различных вопросов теоретической и прикладной лингвистики, преподавания родного и иностранных языков. Под коллокацией понимается комбинация двух или более лексических единиц, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. Исследование комбинаторных свойств языковых единиц имеет большое значение как для лексикографии, комбинаторной лингвистики, прикладной лингвистики, в преподавании языка, так и способствуют изучению иностранных языков, а также межкультурному взаимопониманию и повышению коммуникативного уровня представителей разных культур, что неоднократно подчеркивалось в научной литературе. Для установления силы связи между коллокатами используется математико-статистический аппарат – меры ассоциации (меры ассоциативной связанности), учитывающих как линейную близость и частоту совместной встречаемости, так и частоту в данном корпусе и некоторые другие факторы. Наиболее известными и широко применяемыми статистическими мерами ассоциации являются MI и его варианты, t-score, log-likelihood, logDice и некоторые другие. Они обладают как достоинствами, так и недостатками. Исследования показывают, что использование нескольких мер показывает более успешные результаты, но до сих пор не существует меры ассоциации, успешно выделяющей словосочетания разных синтаксических типов и степеней устойчивости, которую можно было бы применять для оценки силы синтагматической связи в разных языках.

Ключевые слова: меры ассоциации, коллокации, синтагматическая сочетаемость, лингвистический корпус, корпусная лингвистика

Для цитирования: Богоявленская Ю.В., Палийчук Д.А. Меры ассоциации для установления силы семантико-синтагматической связи элементов словосочетания // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 69–78. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-69-78>

Original article

ASSOCIATION MEASURES FOR ESTABLISHING THE FORCE OF SEMANTIC-SYNTAGMATIC CONNECTION OF ELEMENTS OF WORD COMBINATION

Yuliya V. Bogoyavlenskaya¹, Darya A. Palytchuk²

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, jvbog@yandex.ru

² Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, dasha.paliichuck@yandex.ru

Abstract. Collocations are in the focus of linguists' attention in connection with the solution of various issues of theoretical and applied linguistics, teaching native and foreign languages. Collocation refers to a combination of two or more lexical units that tend to occur together. The study of the combinatorial properties of linguistic units is of great importance both for lexicography, combinatorial linguistics, applied linguistics, in language teaching, and contribute to the study of foreign languages, as well as intercultural understanding and improving the communicative level of representatives of different cultures, which has been repeatedly emphasized in the scientific literature. To establish the force of connection between collocates, a mathematical and statistical apparatus is used – measures of association (measures of associative connectivity), taking into account both linear proximity and frequency of joint occurrence, as well as the frequency in a given corpus and some other factors. The most famous and widely used statistical measures of association are MI and its variants, t-score, log-likelihood, logDice and some others. They have both advantages and disadvantages. Studies show that the use of several measures shows more successful results, but so far there is no measure of association that successfully distinguishes phrases of different syntactic types and degrees of stability, which could be used to assess the force of syntagmatic connection in different languages.

Keywords: association measures, collocations, syntagmatic compatibility, linguistic corpus, corpus linguistics

For citation: Bogoyavlenskaya Yu.V., Palytchuk D.A. Association measures for establishing the force of semantic-syntagmatic connection of elements of word combination. Humanitarian studies. History and philology. 2022;5:69-78. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-69-78>

Введение

Коллокации являются «ключевыми концепциями корпусных исследований» [Горина 2011: 33] и в течение долгого времени привлекают активный интерес лингвистов в связи с изучением методов их автоматического выявления в корпусах, лексико-грамматических особенностей, выполняемых функций, места в обучении родному и иностранным языкам. Термин «коллокация» вошел в научный обиход благодаря трудам представителей Лондонской лингвистической школы в 1930-1950 годах. В России интерес к вопросам синтагматической сочетаемости слов стал проявляться еще в XIX веке в трудах Н.В. Крушевского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого и многих других исследователей. Исследование комбинаторных свойств языковых единиц имеет большое значение как для лексикографии, комбинаторной лингвистики, прикладной лингвистики, в преподавании языка, так и способствуют изучению иностранных языков, а также межкультурному взаимопониманию и повышению коммуникативного уровня

представителей разных культур, что неоднократно подчеркивалось в научной литературе (см., например, [Влавацкая 2015: 33]).

Близким к понятию «коллокация» является понятие «фразеологизм». В научной литературе коллокация может рассматриваться как родовое понятие по отношению к идиомам, как одна из разновидностей устойчивых сочетаний, как единицы, имеющие признаки синтаксически и семантически целостной единицы, выходящие за пределы фразеологического фонда языка или же как единицы, промежуточные между лексическими и фразеологическими. В корпусной лингвистике под коллокациями понимается статистически устойчивые словосочетания [Захаров, Хохлова 2010: 137]. В данном исследовании мы опираемся на понимание коллокации как комбинации двух или более лексических единиц, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. Основными свойствами коллокаций являются определенная устойчивость, рекуррентность, воспроизводимость (употребление в готовом виде).

Установление силы синтагматической связи между элементами словосочетаний является одним из наиболее спорных вопросов, решаемых в корпусной лингвистике. Этой цели служат меры ассоциации (меры ассоциативной связанности, уникальности коллокации) – статистические метрики, учитывающие как линейную близость и частоту совместной встречаемости, так и частоту в данном корпусе и некоторые другие факторы. Как отмечают корпусные лингвисты, наиболее распространенными статистическими мерами ассоциации являются MI и его варианты (MI2, MI3, MI.log-f), t-score, log-likelihood, хи-квадрат, коэффициенты Жаккарда, Фишера и Пуассона, MS (minimum sensitivity) и другие. Существует большое количество иных мер ассоциации, но они почти не описаны и используются довольно редко.

Сопоставление эффективности применения различных мер ассоциации при оценке силы синтагматической связи проводилось в различных исследованиях и на материале различных видов коллокаций (см. [Pecina 2009], [Хохлова 2008], [Zakharov 2017]). Например, М.В. Хохлова выделяет MI3, t-score, коэффициенты Фишера и Пуассона как наиболее надежные меры для выявления значимых глагольных коллокаций русского языка. Цитируемое исследование построено на материале подмножества корпуса «Тайга», содержащее 2,1 млн токенов, содержащее 43 808 глагольных сочетаний с существительными типа «глагол + объект» [Хохлова 2019а: 15].

П. Песина подробно описывает 82 ассоциативные меры, которые позволяют определять силу связанности единиц внутри биграмм. Исследователь делит меры на три группы:

1) меры, учитывающие наблюдаемые и ожидаемые частоты слов, образующих словосочетание;

2) меры, оценивающие энтропию между словами;

3) меры, учитывающие контекст [Pecina 2009].

М.В. Хохлова, рассматривающая статистический подход к изучению словосочетаний как путь к машинному обучению, оценивает упомянутую монографию как наиболее полное описание статистического инструментария на данный момент [Хохлова 2019б].

Следует подчеркнуть, что эксперименты по использованию мер ассоциации проводятся на корпусах английского языка, другие же языки рассматриваются значительно реже.

В разных корпусных менеджерах могут использоваться разные меры, в некоторых случаях предлагаются комбинации статистических метрик, что дает возможность сопоставления результатов и более точного выявления закономерностей сочетаемости лексических единиц в биграмах. Каждая из ассоциативных мер имеет свои достоинства и недостатки. Рассмотрим наиболее используемые меры ассоциации.

Основная часть

MI (mutual information) – коэффициент взаимной информации, который сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми. Размер корпуса напрямую влияет на значения данной меры ассоциации. Следует добавить, что порядок слов внутри коллокации при подсчете меры MI не учитывается – она отражает взаимозависимость двух лексем, но не значимость конкретной коллокации. С позиции теории вероятности данная мера представляет собой способ верификации «степени независимости появления двух слов в тексте – если слова полностью независимы, то вероятность их совместного появления равно произведению вероятностей появления каждого из них, то есть произведению частот, а значение меры равно нулю» [Автоматическая обработка текстов 2011: 31]. Среди недостатков меры MI называют завышение значимости коллокаций, представляющих собой сочетания с редкими словами, опечатками, иностранными словами [Пивоварова, Ягунова 2010; Manning, Shutze 2002]. Также, если коллокация встречается чаще, чем её составляющие по отдельности, то значение меры MI будет высоким, что может отразить не совсем реальную ситуацию. В научной литературе отмечают, что при применении MI2 фиксируются те же проблемы. М.В. Хохлова предлагает использовать эту меру как «детектор» ошибок в текстах, редких терминологических сочетаний или для редкие осмысленные сочетания на большом объеме данных [Хохлова 2019а: 13]. MI3-Score – вариант меры, пытающийся бороться с этими недостатками. Он показывает более высокую точность, но, тем не менее, изредка допускает включение сочетаний с опечатками.

T-score является мерой, которая учитывает частоту совместной встречаемости ключевого слова и его коллокатов. Мера является несколько модифицированным ранжированием коллокаций по частоте встречаемости в корпусе. Е.В. Ягунова и Л.М. Пивоварова отмечают, что значение данной меры тем выше, чем выше частота коллокации в коллекции. Отмечается, что t-score лучше работает при выделении стилистических особенностей, жанровых характеристик, анализе устойчивых конструкций [Пивоварова, Ягунова 2010: 4], выделения коллокаций с высокочастотными компонентами, но она малоприменяема для анализа терминологических номинаций и словосочетаний.

Log-Likelihood – логарифмическая функция правдоподобия, используемая для анализа коллокаций и ключевых слов. В log-Likelihood используется отношение функции правдоподобия, соответствующая двум гипотезам – о случайной и неслучайной природе биграмы.

В корпусах Лейпцигского университета применяется, в частности, мера log-Likelihood ratio (см. рис. 1).

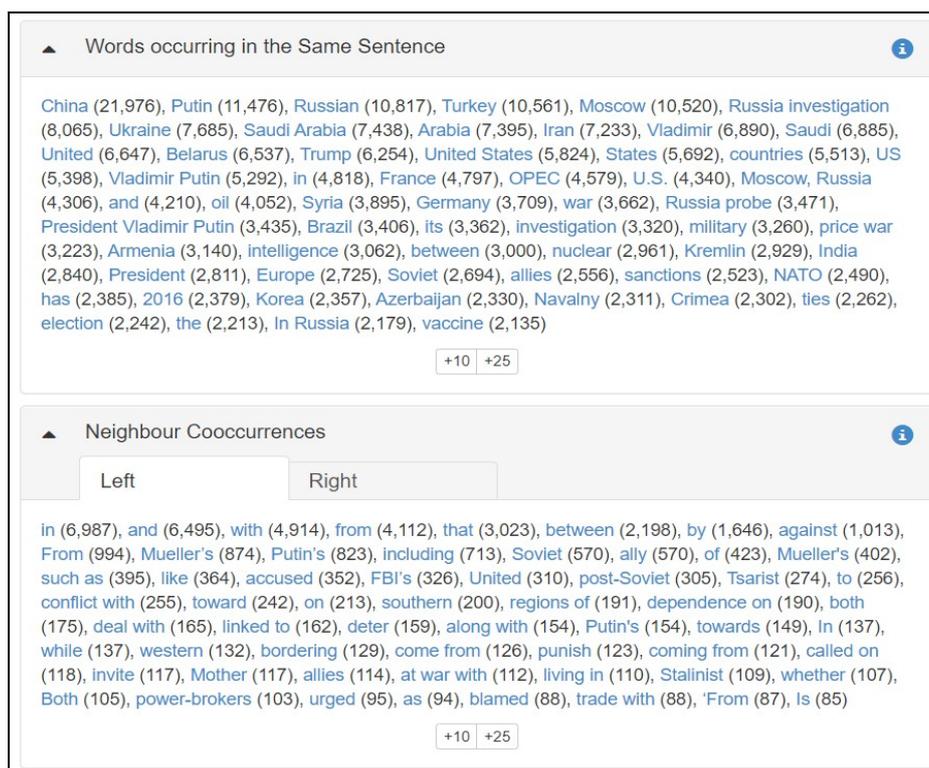

Рис. 1. Выдача коллокатов слова *Russie* в корпусе News 2020 Лейпцигского университета, ранжированных при помощи коэффициента log-Likelihood ratio

В различных корпусах применяются различные меры ассоциаций. В некоторых корпусных менеджерах лингвист может самостоятельно выбрать подходящую для реализации задач исследования меру. В частности, сервис AntConc предлагает на выбор использование всех трех перечисленных мер, а также комбинацию MI + Log-Likelihood (см. рис. 2).

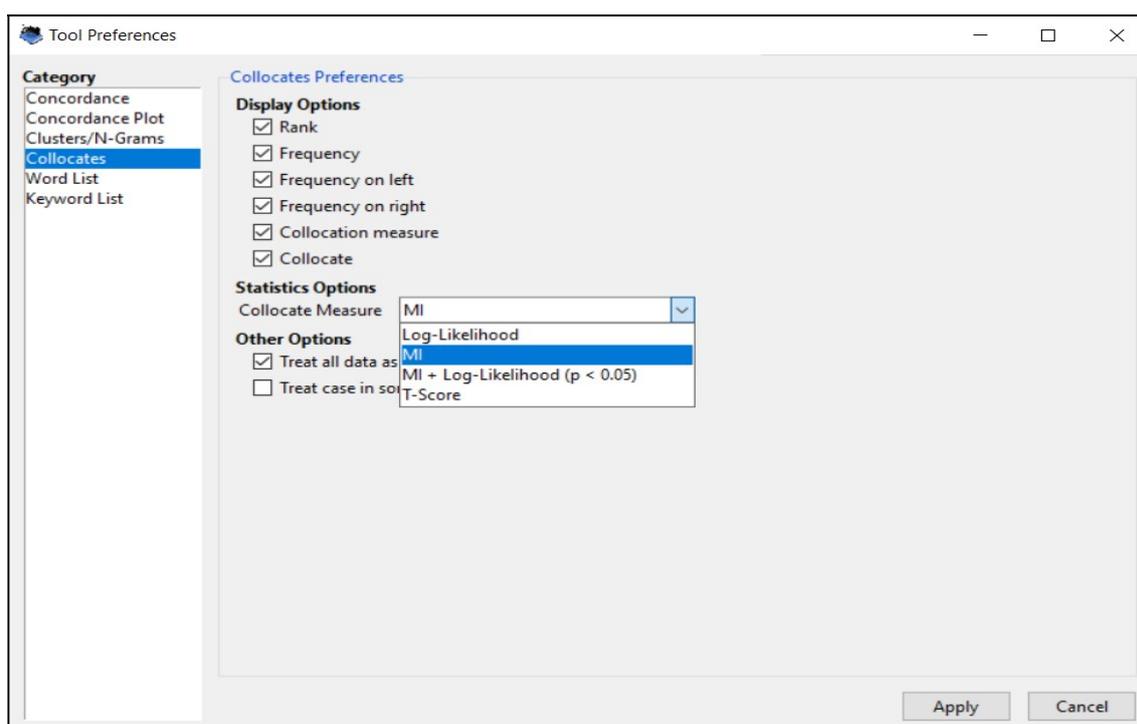

Рис. 2. Выбор меры ассоциации в сервисе AntConc

Sketch Engine ранее использовалась мера MI, затем этот метод был заменен на AssociationScore (Ascore). В настоящее время в системе применяется мера logDice, основанная на коэффициенте Дайса.

LogDice выражает степень типичности коллокации. Она рассчитывается с учетом как частотности ключевого слова, так и его коллоката. Одним из важнейших достоинств данной меры заключается в том, что размер корпуса не оказывает влияния на ее значение, что позволяет получать объективные результаты на материале многомиллиардных корпусов, в частности из семейства TenTen, которыми можно воспользоваться на платформе Sketch Engine. Корпуса данного семейства представляют собой совокупности текстов, собранные в World Wide Web. Их целевой размер корпусов составлял 10 миллиардов слов на каждый язык, что и дало название семейству.

В сервисе поиск коллокаций осуществляется во вкладке *Word Sketch*, где пользователь может получить «скетчи», то есть «описание речевого поведения слова, полученное автоматическим путем обобщения информации о всех контекстах, в которых исследуемое слово встретилось в корпусе» [Кротова 2019: 110].

Результаты поиска представлены в виде списков коллокатов, построенных по определенным лексико-синтаксическим шаблонам, отражающим частотные грамматические взаимодействия изучаемого слова с другими словами (см. рис. 3).

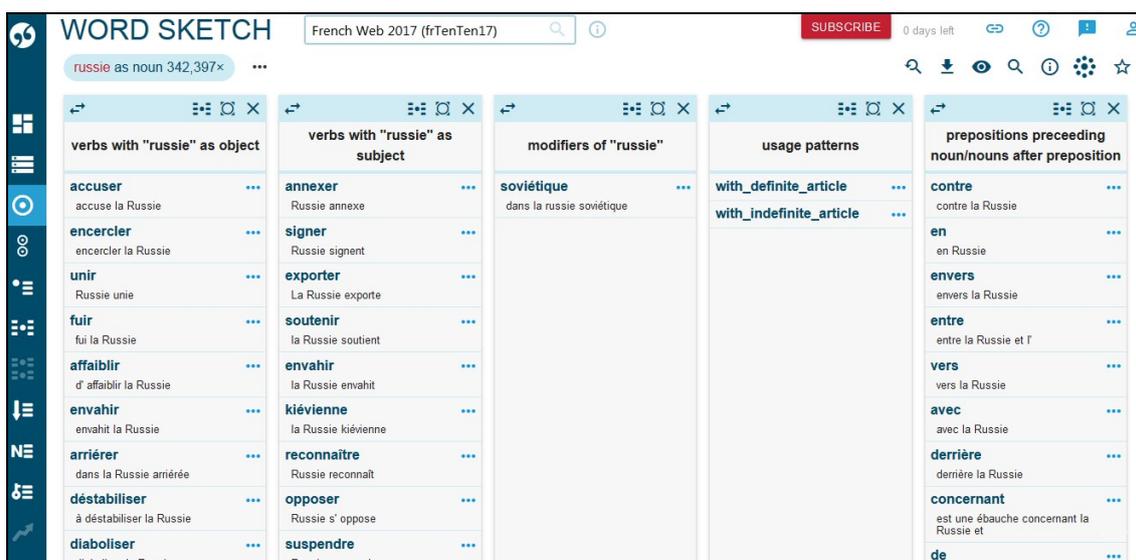

Рис. 3. Списки коллокатов слова *Russie* в сервисе Sketch Engine, ранжированные при помощи коэффициента logDice

Коэффициент Дайса используется для выявления слов, использующихся в подобных контекстах в корпусах Лейпцигского университета (см. рис. 4). Сервис также дает информацию о ранге слова и классе его частотности.

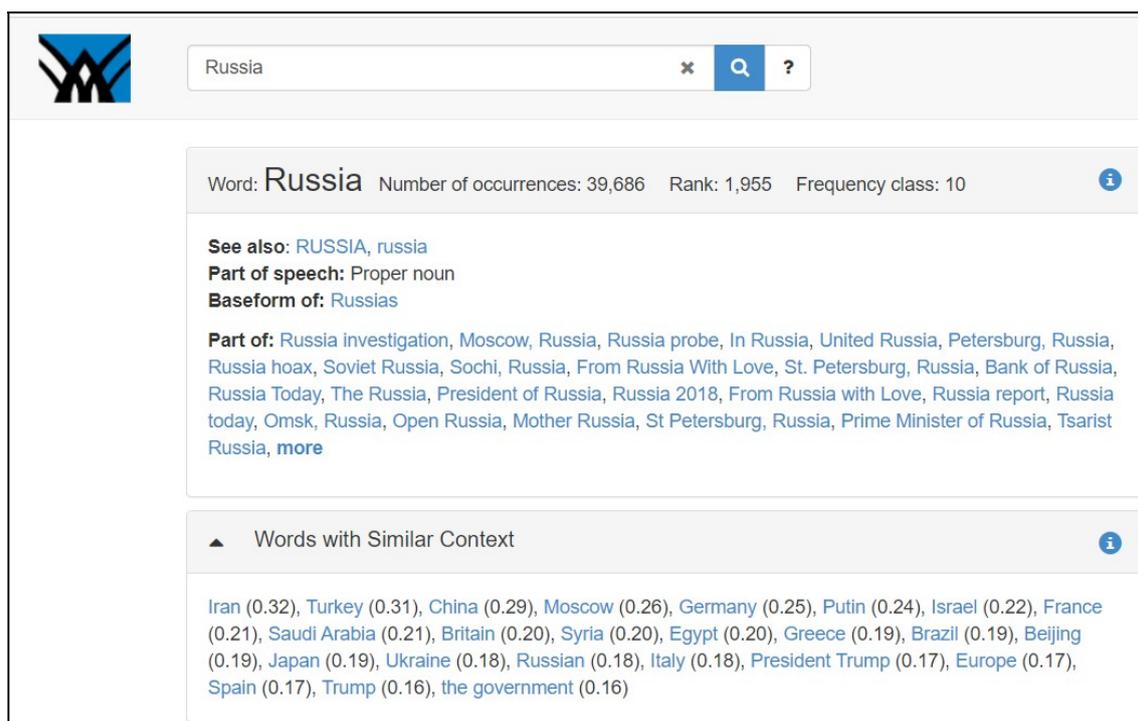

Рис. 4. Выдача слов, употребляющихся в схожих контекстах, в корпусе News 2020 Лейпцигского университета, ранжированных при помощи коэффициента logDice

Во многих работах было убедительно показано, что использование нескольких мер показывает более успешные результаты (см., например, [Ramisch et al. 2010]). Эксперименты показывают эффективность подобного подхода.

Исследователи также отмечают, что по-прежнему не существует статистического метода, который автоматически выдавал бы одинаково успешно словосочетания разных синтаксических типов, а также степеней устойчивости [Хохлова 2019б].

Заключение

Коллокации находятся в фокусе внимания корпусных лингвистов в связи с решением различного рода вопросов. Коллокация определяется как комбинация двух или более лексических единиц, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. Для установления силы семантико-синтагматической связи между элементами коллокации используется мера ассоциации, учитывающих как линейную близость и частоту совместной встречаемости, так и частоту в данном корпусе и некоторые другие факторы.

Наиболее известными и широко применяемыми статистическими мерами ассоциации являются MI и его варианты MI2, MI3, t-score, log-likelihood, logDice и некоторые другие. Они обладают рядом достоинств и недостатков, которые следует учитывать в исследованиях. MI сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми, позволяет верифицировать степень независимости появления двух слов в тексте, но не учитывает значимость конкретной коллокации и порядок слов в ней, завышает значимость коллокаций, включающих редкие слова, опечатки, иностранные слова.

Более высокую точность показывает ее вариант, MI3-Score. T-score является модифицированным ранжированием коллокаций по частоте встречаемости в корпусе. Мера хорошо работает при выделении стилистических особенностей, жанровых характеристик, не

очень эффективна для анализа терминологических словосочетаний. Log-Likelihood и ее варианты достаточно объективно определяют природу биграмы.

Коэффициент Дайса выражает степень типичности коллокации, рассчитывающийся с учетом как частотности ключевого слова, так и его коллоката. Достоинством данной меры заключается в том, что размер корпуса не оказывает влияния на ее значение.

Исследователями отмечается, что до сих пор не существует меры ассоциации, которая успешно бы выделяла словосочетания разных синтаксических типов и степеней устойчивости и которую можно было бы применять для оценки силы синтагматической связи в разных языках. Эксперименты показывают, что использование нескольких мер показывает более успешные результаты, чем применение только одной меры.

Список литературы

1. Большакова Е.И., Клышинский Э.С., Ландэ Д.В., Носков А.А., Пескова О.В., Ягунова Е.В. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика. М.: МИЭМ, 2011. 272 с.
2. Влавацкая М.В. Комбинаторная лингводидактика в контексте современного языкового образования // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 40–43.
3. Горина О.Г. Применение методов корпусной лингвистики для определения контекстно-специфических слов и коллокаций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. Т. 7. С. 27–36.
4. Захаров В.П. Лингвистика больших корпусов // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: сб. науч. статей. Труды XVIII объедин. конф. «Интернет и современное общество» (IMS-2015), СПб, 23–25 июня 2015 г. СПб.: Университет ИТМО, 2015. С. 82–93.
5. Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. № 9 (16). С. 137–143.
6. Кротова Е.Б. Sketch Engine для лингвистических исследований // Германистика сегодня. 2019. С. 107–112.
7. Онал И.О. Коллокация как объект изучения в отечественной и зарубежной науке: диахронический аспект // Вопросы языкознания в мультикультурном пространстве современного мира: монография. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2018. С. 169–191.
8. Пивоварова Л.М., Ягунова Е.В. От коллокаций к конструкциям // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. № 2. С. 568–617.
9. Сервис AntConc (версия 3.5.9). [Электронный ресурс] URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 27.12.2021).
10. Сервис Sketch Engine. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 27.12.2021).
11. Leipzig Corpora Collection. [Электронный ресурс] URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fra_mixed_2012 (дата обращения: 04.01.2022).
12. Хохлова М.В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций // Slavica Helsingiensia 34. Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008. С. 343–357.
13. Хохлова М.В. К вопросу о сходстве мер ассоциации применительно к задаче автоматического извлечения глагольных коллокаций // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2019а. № 3. С. 9–18.
14. Хохлова М.В. Статистический подход применительно к исследованию сочетаемости: от мер ассоциации к машинному обучению // Структурная и прикладная лингвистика: Межвузовский

сборник / Под редакцией И.С. Николаева. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. С. 106–122.

15. Manning C., Shutze H. Collocations // *Foundations of Statistical Natural Language Processing*, 2002. P. 151–189.

16. Pecina P. *Lexical Association Measures. Collocation Extraction*. Prague: Institute of Formal and Applied Linguistics, 2009. 131 p.

17. Zakharov V. Automatic Collocation Extraction: Association Measures Evaluation and Integration // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual conference Dialogue*. Volume 1 of 2. Computational Linguistics: Practical Applications. Moscow: RSUH, 2017. Pp. 396–407.

18. Ramisch C., Villavicencio A., Boitet Ch. Mwetoolkit: a Framework for Multiword Expression Identification. *Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2010)*, 2010, Valetta, Malta. European Language Resources Association, 2010. P. 662–669.

References

1. Bol'shakova E.I., Klyshinskii E.S., Lande D.V., Noskov A.A., Peskova O.V., Yagunova E.V. *Avtomaticeskaya obrabotka tekstov na estestvennom yazyke i komp'yuternaya lingvistika* [Automatic processing of natural language texts and computational linguistics]. Moscow, MIEM, 2011, 272 p. (In Russ.)

2. Vlavatskaya M.V. *Kombinatornaya lingvodidaktika v kontekste sovremennogo yazykovogo obrazovaniya* [Combinatorial linguodidactics in the context of modern language education]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 40-43. (In Russ.)

3. Gorina O.G. *Primenenie metodov korpusnoi lingvistiki dlya opredeleniya kontekstno-spetsificheskikh slov i kollokatsii* [Application of corpus linguistics methods to determine context-specific words and collocations]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2011, no. 3, vol. 7, pp. 27-36. (In Russ.)

4. Zakharov V.P. *Lingvistika bol'shikh korpusov* [Linguistics of large corpora]. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii: sb. nauch. Statei, Trudy XVIII ob"edin. konf. «Internet i sovremennoe obshchestvo» (IMS-2015)*, Saint Petersburg, Universitet ITMO, 2015, pp. 82-93. (In Russ.)

5. Zakharov V.P., Khokhlova M.V. *Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyyavleniya kollokatsii v tekstakh na russkom yazyke* [Analysis of the effectiveness of statistical methods for detecting collocations in texts in Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 2010, no. 9 (16), pp. 137-143. (In Russ.)

6. Krotova E.B. *Sketch Engine dlya lingvisticheskikh issledovaniy* [Sketch Engine for linguistic research]. *Germanistika segodnya*, 2019, pp. 107-112. (In Russ.)

7. Onal I.O. *Kollokatsiya kak ob"ekt izucheniya v otechestvennoi i zarubezhnoi nauke: diakhnicheskii aspekt* [Collocation as an object of study in domestic and foreign science: a diachronic aspect]. *Voprosy yazykoznaniiya v mul'tikul'turnom prostranstve sovremennogo mira*. Novosibirsk, Izdatel'stvo TsRNS, 2018, pp. 169-191. (In Russ.)

8. Pivovarova L.M., Yagunova E.V. *Ot kollokatsii k konstruktsiyam* [From collocations to constructions]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2014, no. 2, pp. 568-617. (In Russ.)

9. Servis AntConc (versiya 3.5.9). [AntConc service (version 3.5.9)]. (In Russ.). Available at: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (accessed: 27.12.2021). (In Russ.)

10. Servis Sketch Engine. [Sketch Engine Service]. (In Russ.). Available at: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed: 27.12.2021).

11. Leipzig Corpora Collection. [Электронный ресурс] URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fra_mixed_2012 (дата обращения: 04.01.2022).

12. Khokhlova M.V. Eksperimental'naya proverka metodov vydeleniya kollokatsii [Experimental Verification of Methods for Isolating Collocations]. *Slavica Helsingiensia* 34. *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody*, Khel'sinki, 2008, pp. 343-357. (In Russ.)
13. Khokhlova M. V. K voprosu o skhodstve mer assotsiatsii primenitel'no k zadache avtomaticheskogo izvlecheniya glagol'nykh kollokatsii [On the question of the similarity of association measures in relation to the problem of automatic extraction of verb collocations]. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*, 2019a, no. 3, pp. 9-18. (In Russ.)
14. Khokhlova M. V. Statisticheskii podkhod primenitel'no k issledovaniyu sochetaemosti: ot mer assotsiatsii k mashinnomu obucheniyu [Statistical Approach to Combination Research: From Association Measures to Machine Learning]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika: Mezhvuzovskii sbornik*, Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2019b, pp. 106-122. (In Russ.)
15. Manning C., Shutze H. Collocations // *Foundations of Statistical Natural Language Processing*, 2002. P. 151–189.
16. Pecina P. Lexical Association Measures. Collocation Extraction. Prague: Institute of Formal and Applied Linguistics, 2009. 131 p.
17. Zakharov V. Automatic Collocation Extraction: Association Measures Evaluation and Integration // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual conference Dialogue*. Volume 1 of 2. Computational Linguistics: Practical Applications. Moscow: RSUH, 2017. Pp. 396–407.
18. Ramisch C., Villavicencio A., Boitet Ch. Mwetoolkit: a Framework for Multiword Expression Identification. Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2010), 2010, Valetta, Malta. European Language Resources Association, 2010. P. 662–669.

Информация об авторах

Ю.В. Богоявленская – доктор филологических наук, профессор,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Петрозаводский государственный университет;
Д.А. Палийчук – ассистент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации на иностранных языках,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Information about the authors

Yu.V. Bogoyavlenskaya – Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Petrozavodsk State University;
D.A. Palytchuk – Assistant of the Department of Linguistics
and Professional Communication in Foreign Languages,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021;
принята к публикации 16.01.2022

The article was submitted 11.12.2021; approved after reviewing 28.12.2021; accepted for
publication 16.01.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 79–94.

Humanitarian studies. History and philology. 2022. No. 5. P. 79-94.

Научная статья

УДК 821.161.1(092)

doi: 10.24412/2713-0231-2022-5-79-94

РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Галина Михайловна Ребель

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
rebel@pspu.ru

Аннотация. Роман «Новь» занимает в творчестве И.С. Тургенева особое место, на что обратили внимание уже современники писателя, а затем – исследователи: часть из них отказывала этому произведению в художественном совершенстве, которое присуще другим произведениям писателя, другие, напротив, в качестве похвалы, отмечали «полифонизм» «Нови» как результат влияния Достоевского. В данной статье акцент сделан на соотношении общественно-политической атмосферы эпохи и художественных смыслов произведения: от процесса их формирования с помощью корреспондентов из России до истории восприятия современниками, в частности одной из ярчайших представительниц молодого поколения 1870-х гг., С.К. Кавелиной-Брюлловой. Это позволяет реконструировать отношение молодежи к творчеству Тургенева этого периода, а также подчеркнуть то обстоятельство, что поколение 1870-гг. не воспринимало «антинигилистические» романы, в том числе «Бесы» Ф.М. Достоевского, как отражение собственных идейных исканий и социально-политической атмосферы эпохи. Эту функцию, с точки зрения Брюлловой, выполнил именно роман «Новь», глубоко понятый и очень точно проинтерпретированный ею в сохранившейся в черновом варианте и опубликованной только в 1967 г. статье. Осуществленный в данном исследовании анализ позволяет рассматривать «Новь» как эпос о современности, произведение новаторское и в творчестве писателя, и в русской литературе второй половины XIX века в целом. Осмысление характеров ключевых персонажей позволяет подтвердить точку зрения Тургенева, который в письмах многократно указывал на то, что главным лицом в романе является постепеновец Соломин. Именно так осмысляет систему персонажей «Нови» Кавелина-Брюллова, что свидетельствует о ее эстетическом и историческом чутье. При этом Брюллова в данном случае рассматривается не только как автор литературно-критической работы о романе Тургенева, но и как новое явление типа «тургеневской девушки», о чем свидетельствует ее готовность вложить в руки Соломина *топор*, что не предусмотрено логикой тургеневского романа, но вписывается в ту «экстремистскую» стратегию, которая характерна для героини названного типа.

Ключевые слова: Тургенев, «Новь», Кавелина-Брюллова, «тургеневская девушка», «ходители в народ», эпос о современности, главное лицо романа, опрощение, экстремизм, постепеновство

Для цитирования: Ребель Г.М. Роман И.С. Тургенева «Новь» в общественно-политическом контексте эпохи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 79–94.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-79-94>

Original article

I.S. TURGENEV'S NOVEL «NOV» IN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT OF THE EPOCH

Galina M. Rebel

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, rebel@pspu.ru

Abstract. The novel "Nov" occupies a special place in the work of I.S. Turgenev, which was already noticed by the writer's contemporaries, and then by researchers: some of them denied this work artistic perfection, which is inherent in other works of the writer, others, on the contrary, as praise, noted the "polyphonism" of "Nov" as a result of influence Dostoevsky. This article focuses on the correlation of the socio-political atmosphere of the epoch and the artistic meanings of the work: from the process of their formation with the help of correspondents from Russia to the history of perception by contemporaries, in particular one of the brightest representatives of the younger generation of the 1870s S.K. Kavelina-Bryullova. This allows us to reconstruct the attitude of young people to the works of Turgenev of this period, as well as to emphasize the fact that the generation of the 1870s. did not perceive "anti-nihilistic" novels, including "Demons" by F.M. Dostoevsky, as a reflection of his own ideological quest and the socio-political atmosphere of the era. This function, from Bryullova's point of view, was performed by the novel "Nov", deeply understood and very accurately interpreted by her in an article preserved in a draft version and published only in 1967. The analysis carried out in this study allows us to consider "Nov" as an epic about modernity, a work of innovation both in the writer's work and in Russian literature of the second half of the XIX century as a whole. Understanding the characters of the key figures allows us to confirm the point of view of Turgenev, who repeatedly pointed out in letters that the main person in the novel is the gradual Solomin. This is how Kavelin-Bryullova interprets the system of characters in Nov, which testifies to her aesthetic and historical flair. At the same time, Bryullova in this case is considered not only as the author of a literary and critical work on Turgenev's novel, but also as a new phenomenon of the "Turgenev's young lady" type, as evidenced by her willingness to put an axe in Solomin's hands, which is not provided for by the logic of Turgenev's novel, but fits into the "extremist" strategy that is characteristic of heroines of the named type.

Keywords: Turgenev, "Nov", Kavelina-Bryullova, "Turgenev's young lady", "walkers to the people", the epic of modernity, the main person of the novel, forgiveness, extremism, gradualism

For citation: Rebel G.M. I.S. Turgenev's novel «Nov» in the socio-political context of the Epoch. Humanitarian studies. History and philology. 2022;5:79-94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-79-94>

Введение

Роман И.С. Тургенева «Новь» традиционно менее других произведений писателя пользовался читательским успехом и исследовательским интересом. Суммарное впечатление от последнего тургеневского романа, каким он виделся из недр Серебряного века, а многим представляется и поныне, лучше других сформулировал Борис Зайцев: ««Новь» – плод сложных, долгих размышлений, наблюдений. Роман, написанный, может быть, самую зрелую техникой Тургенева, с наибольшим движением и прочностью композиции (слабые стороны его раннего писания) – совершенно погиб. Вот вещь неблагословенная, незадачливая в корне, ничем не овлaжненная, не оплодотворенная – самое страшное для

художника зрелого: будто все и на месте, и все ни к чему. Все подсушено, без живых соков (хотя имеет вид жизненности). Горькая «Новь» с изображением хождений в народ молодых, иногда трогательных интеллигентов, несчастных и гамлетизирующих, никакой истинной новью не благоухающих <...> Нет, не то мог делать теперь старый, больной, томимый чувством близкого конца Тургенев» [Зайцев 1991: 247–248]. Л. Пумпянский, напротив, полагал, что «Новь» не создает «того впечатления единства замысла, которое ставило на такую высоту старое романное искусство Тургенева» [Пумпянский 2000: 485], при этом солидаризировался с тем, что ««Новь» не удалась» [там же: 482].

Это мнение во многом было порождено существенным отличием «Нови» от предыдущих тургеневских романов. Предугадавший это впечатление, Тургенев в письме к Ю. Вревской заметил: «Я боюсь, мой роман Вам не понравится. Нежности мало» [ТП 11, 323, 649]. «Нежности» в «Нови» действительно меньше, чем в предыдущих романах писателя. Не любовная линия и сопутствующая ей лирическая интонация, не предъяснение и испытание героя здесь основа и стержень сюжета – а массовое молодежное движение 1870-х гг.: «хождение в народ», действующие лица этого движения, их мотивы, их попытки вспахать «новью», то есть революционизировать крестьян, их неудачи на этом пути, альтернативные варианты возделывания «нови», то есть просветительство, «постепеновство снизу», и, конечно, личности и судьбы людей, вовлеченных в этот драматический исторический процесс, – вот что стало здесь главным предметом изображения и определило *этический* характер романа.

В сущности, «Новь» – это эпос о современности, произведение новаторское и в творчестве писателя, и в русской литературе второй половины XIX в. в целом. Именно так «Новь» была прочитана Софьей Константиновной Кавелиной-Брюлловой, чья статья, оставшаяся в черновых бумагах автора и опубликованная только в 1967 г. с комментариями Н.Ф. Будановой, станет своего рода камертоном к нашим размышлениям о романе. Осуществленный Брюлловой анализ позволяет увидеть последний тургеневский роман глазами блестяще образованной представительницы поколения, в нем изображенного, соотнести оценки и общественно-политические упования Брюлловой с той картиной «хождения в народ», которую создал Тургенев, а вместе с тем – оценить проницательность писателя, точность поставленного им художественного диагноза и прогноза на ближайшее будущее России.

Основная часть

Тургенев не знал статью С.К. Брюлловой, но знал ее автора – и как дочь историка, юриста, своего единомышленника-либерала Константина Дмитриевича Кавелина, и как самостоятельное, уникальное и яркое явление русской жизни 1870-х гг. Выступление девятнадцатилетней Софьи Кавелиной, которая к этому моменту уже «была первой женщиной в России, допущенной к преподаванию истории в старших классах женской гимназии» [Буданова 1967: 278], в С.-Петербургском педагогическом обществе 20 февраля 1871 г. произвело на всех присутствующих, включая ее оппонента, известного педагога В. Д. Сиповского [См.: Тургенев: Письма: 14, 538], огромное впечатление. На диспуте присутствовал и Тургенев.

Через шесть лет редактор «Нового времени» Алексей Сергеевич Суворин писал в некрологе на смерть Кавелиной-Брюлловой (она прожила неполных 26 лет): «Для него <Тургенева> как художника в этой девушке являлся новый тип русской женщины, резко выделившийся между так называемыми нигилистками и женщинами прежнего покроя. «Вот вам новая тема, Иван Сергеевич», – говорили ему многие в этот вечер, и он припоминал и повторял ее доводы, ее манеру говорить, воспроизводил ее живой образ, на что он такой мастер («Новое время», 1877, 9 октября, № 580)» [Тургенев: Сочинения: 14, 539]. Тургеневский эпистолярный (а затем и журнальный) некролог пронизан чувством невосполнимой потери и горечи: «...как громом поразило меня сегодня известие о кончине бедной Сони Брюлловой <...> Я никак не могу привыкнуть к мысли, что это прекрасное, молодое, исполненное жизни и сил существо унесено в ту немую, мертвую бездну» [Тургенев: Письма: 12 (1), 216, 218].

Последние строки этого письма – формула судьбы «тургеневской девушки» в вариантах Лизы Калитиной и Елены Стаховой. Наталью Ласунскую от бездны оградил Рудин. Марианну Синецкую удержал на краю и увел за собой Соломин, о чем речь впереди. Что касается определения Суворина – «новый тип русской женщины, резко выделившийся между так называемыми нигилистками и женщинами прежнего покроя», – то, с одной стороны, новизну этого типа подтвердил и Тургенев в своем непосредственном отклике на выступление Кавелиной в письме Полине Виардо («Вот это, несомненно, нечто новое, и ни тени педантизма, детская непосредственность, такая полная отрешенность от всего личного, что исчезает всякая робость» [Тургенев: Письма: 9, 365–366]), с другой – этот новый тип в его общественно-исторической эволюции Тургенев и представил в своем творчестве.

Между «прогрессивной вошью», которую, по определению Достоевского, Тургенев «вычесал из русской действительности» [Достоевский: Зимние заметки о летних впечатлениях: 4, 59–60], то есть нигилисткой Кукшиной, и условно-собираательной Фенечкой («женщиной прежнего покроя») и располагается «тургеневская девушка», которую в варианте нового времени Тургенев, Суворин и другие увидели воочию в лице Софьи Кавелиной. Тем интереснее то, как по выходе романа «Новь» сама Кавелина-Брюллова оценивала творчество писателя в статье, которая не только «дает яркое представление об общественно-политических взглядах Брюлловой и ее таланте как литературного критика и публициста» [Буданова 1967: 283], но и свидетельствует о настроениях и взглядах молодых современников-единомышленников автора статьи.

Для начала процитируем фрагмент, который позволяет увидеть творчество Тургенева глазами молодого поколения 1870-х гг. в промежутке между романом «Дым», опубликованным в 1867 г. в журнале «Русский вестник», и романом «Новь», опубликованным в 1877 г. в двух первых номерах журнала «Вестник Европы». Десять лет – это непривычный для читателей Тургенева – «гончаровский» – интервал между романами. Для Кавелиной интервал еще больше: «Дым» она не считает отражением насущных вопросов социальной жизни и ведет отсчет от «Отцов и детей», то есть с 1862 г., сама она родилась в 1851 г.

«Тем временем в России много воды утекло, – пишет Брюллова. – Кончилось крепостное право, возникли земские учреждения, новые суды. Женщины вышли из замкнутой сферы мелочных, семейных отношений, которые так чудно схватывал в былые

времена Тургенев, и расширили круг своей деятельности. Нигилизм перешел из теории в практику [«теоретическим нигилистом» она называет Базарова – Г.Р.], вместо филантропов-помещиков народились ходители и ходительницы в народ. Всех этих явлений наш талантливый писатель не касался. Мы думали, что он перестал понимать нас, и читали его последние вещи, как бы отдавая дань уважения некогда мощному старцу, пробавляющемуся теперь лишь отжившими, выдохшимися воспоминаниями. «И к чему нам эти образы? – говорили мы. – Это все умерло, это все уж избито, уж пережевано». Нас волновало свое, новое, нас томила жажда видеть себя и свое время изображенными мастерскою, свежелою кистью. И вот Тургенев в последнем большом романе задел самое больное, самое живое место нашего общественного тела – нашей молодежи, наших ходителей в народ...» [Брюллова 1967: 303].

То, что волновало и томило поколение 1870-х, по-своему волновало и томило Тургенева-художника. Он отнюдь не жил выдохшимися воспоминаниями и пережеванными впечатлениями, о чем и сообщал той же Кавелиной в письме от 21 декабря 1872 г.: «...я сам понимаю и чувствую, что мне следует произвести нечто более крупное и современное – и скажу Вам даже, что у меня готов сюжет и план романа – и я вовсе не думаю, что в нашу эпоху перевелись типы и описывать нечего – но из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте – не взяты живьем; а *сочинять* в известном смысле я не хочу – да и пользы от этого никакой нет – ибо никого обмануть нельзя. След., нужно набраться материалу» [Тургенев: П: 10, 48–49].

Постепенно замысел «разрастается до исполинских размеров» [Тургенев: Письма: 10, 65], появляется надежда «придать некоторым фигурам нечто от базаровской широты» [Тургенев: Письма: 10: 96], но работа идет медленно, трудно, с перерывами. Тургенева это огорчает: «Жаль: никогда я не имел лучшего, более живого и дельного, сюжета» [Тургенев: Письма: 10, 160]. Помочь живущему за границей писателю в деле сбора материала старались его корреспонденты. Так, в 1874 г. он получил от Анны Павловны Философовой портфель с документами: ее собственным дневником, письмами, записками, стихотворениями и проч. – что, по замыслу отправительницы, должно было дать представление писателю о «новых людях».

Философова в этом контексте человек не случайный. В конце 1850-х – начале 1860-х годов она вместе с Н. В. Стасовой и М. В. Трубниковой была организатором женских трудовых артелей, в 1870-х гг. этот «триумvirат» выступил инициатором создания Бестужевских курсов. Находясь в эпицентре общественной жизни, Философова была, несомненно, ценным источником информации, однако реакция Тургенева на присланные документы не совпадала с ее собственными оценками и ожиданиями. «Цель Ваша при передаче означенных документов, – пишет в ответ Тургенев, – была, сколько я могу судить, познакомить меня с образом мыслей, вообще с личностями «новых людей», которых я не мог изучить, живя за границей. Экземпляры, с которыми я должен был познакомиться, представлялись Вам в весьма выгодном, почти идеальном, свете – иначе Вы бы не дали мне того портфеля... но представьте: всё, что я в нем нашел, за исключением дневника, поразившего меня своею честною правдивостью и неподдельным энтузиазмом, всё может служить материалом... только с сатирической, юмористической точки зрения! Эта точка зрения особенно применяется к «молодому юноше», к русскому «Лео» – г-ну

В.Г. Д(ехтереву). Это опьянение самообожания рядом с изумительной бездарностью (я много читал плохих стихов на своем веку – но вирши г-на В. Д(ехтерева) всё превосходят), этот догматический тон при таком невежестве! – всё это просится в карикатуру. И заметьте – меня несколько не смущает резкость мнений; меня изумляет эта пустота, воображающая, что она «на 20-м году жизни уже разрешила все вопросы науки и жизни» <...> Откиньте все его разглагольствования о собственной особе под предлогом *идеи*, и Вы удивитесь, какой там останется нуль <...> Нет, любезнейшая Анна Павловна, это еще не новые люди; я знаю таких между молодыми, которым гораздо более приличествует подобное наименование» [Тургенев: Письма: 10, 158–159].

Чем знаменательно это письмо?

Во-первых, тем, что оторванный от «почвы» Тургенев из своего западноевропейского далека (как когда-то из римского далека Гоголь) смотрит гораздо глубже и понимает гораздо точнее то, что происходит на родине, чем его погруженная в водоворот событий и калейдоскоп лиц корреспондентка.

Во-вторых, неугасающим интересом Тургенева к «новым людям», то есть к тем идеологическим, общественно-политическим процессам, которые происходят в России и к тем человеческим типам, которые эти процессы олицетворяют. Этот интерес лейтмотивом пронизывает все его романы.

В-третьих, чуткостью Тургенева к динамике этих процессов и тонкостью и точностью дифференциации их «акторов».

Последнее проявилось и в последующей переписке с Философовой, когда Тургенев противопоставляет деятелям, на которых лежит «печать бездарности» [Тургенев: Письма: 10, 281], встреченным им «молодым людям с мнениями гораздо более резкими, с формами гораздо более угловатыми – перед которыми я, старик, шапку снимаю, потому что чувствую в них действительное присутствие силы, и таланта, и ума. А там ничего этого нет – ничего и ничего. И Вы сами скоро в том убедитесь» [Тургенев: Письма: 10, 281].

Еще более явственно сложность и тонкость осуществляемой писателем дифференциации проявляется, когда предметом обсуждения становится Базаров. Тургенев очень остро реагирует на воскрешенный Философовой ярлык, который на Базарова в свое время наклеил М. Антонович в своей печально известной статье «Асмодей нашего времени»: «Как? И Вы, Вы говорите, что я в Базарове хотел представить карикатуру на молодежь, Вы повторяете этот... извините бесцеремонность выражения – бессмысленный упрек! Базаров, это мое любимое детище, из-за которого я рассорился с Катковым, на которого я потратил все находящиеся в моем распоряжении краски, Базаров, этот умница, этот герой – карикатура?!?» [Тургенев: Письма: 10, 281].

История интерпретации образа Базарова, вплоть до сегодняшних его оценок, требует отдельного подробного анализа, здесь же приведем только еще одно важное в контексте размышлений о романе «Новь» рассуждение писателя: «Вы ищите его [Базарова – Г.Р.] в действительной жизни; и Вы его не найдете: я Вам сейчас скажу почему. Времена переменились; теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума – ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску – нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и

даже низменной работы. Я беру слово: низменной – в смысле простоты, бесхитростности, «*terre à terre*'а». Что может быть, напр., низменнее – учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тут таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своим эгоизмом – тут даже о *призвании* говорить нельзя (не упоминая уже о *звезде* г-на В. Д(ехтерева)!). Чувство долга, славное чувство патриотизма в истинном смысле этого слова – вот всё, что нужно.

А Базаров все-таки еще тип, провозвестник, крупная фигура, одаренная известным обаянием, не лишенная некоторого ореола: это всё теперь неуместно – и смешно толковать о героях или художниках труда» [Тургенев: Письма: 10, 295].

Вот здесь и намечено *главное лицо* романа «Новь» – Василий Федотыч Соломин. Именно *главное лицо*, что подчеркивал и сам Тургенев [Тургенев: Письма: 12 (1), 73], хотя *главным героем* в строгом, «техническом» смысле слова Соломин не является.

Но именно он, по мысли Тургенева и по логике романа, *олицетворяет* то новое и перспективное, что только нарождается, тот тип деятеля, который вчерне набросан в тургеневских письмах Философовой 1874-го г.

И вот что интересно: Брюллова, будучи на двадцать лет моложе Философовой и лично представляя молодое поколение 1870-х гг., понимает, что Тургенев именно в Соломине «выводит <...> того человека, который пашет плугом» [Брюллова 1967: 306], а не взрыхляет верхний слой почвы, как искренние, но наивные и не знающие народ ходатаи за него вроде Маркелова, Машуриной, Остродумова: ««Новь» не трогается с места, им не пронять ее. Они топчутся по ней, орошают ее слезами и потом, а она все не поддается» [Брюллова 1967: 304].

Не поддается, ибо, вопреки описанной В. Лениным тенденции, «страшно далеки они от народа», что и констатирует выступающий в романе отчасти в роли резонера Паклин: «В тысяча восемьсот шестьдесят втором году поляки уходили «до лясу» – в лес; и мы уходим теперь в тот же лес, сиречь в народ, который для нас глух и темен не хуже любого леса!» [ТС 12: 28].

Это остро ощущает Нежданов, чьи письма другу и стихи, помещенные в них, созданы Тургеневым, похоже, по контрасту с хвастливыми словоизлияниями Дехтерева и его бездарными виршами. В отличие от своего *антипрототипа*, Нежданов проникнут глубоким скепсисом относительно общего дела, но прежде всего – относительно самого себя как участника этого дела: «Коли ты рефлектер и меланхолик, <...> какой же ты к черту революционер? <...> О Гамлет, Гамлет, датский принц, как выйти из твоей тени? Как перестать подражать тебе во всем, даже в позорном наслаждении самобичевания» [Тургенев: Сочинения: 12, 121].

Как и *антипрототип*, Нежданов пишет стихи, хотя, в отличие от Д(ехтерева), скрывает свое увлечение: «Он негодовал на своего отца за то, что тот пустил его «по эстетике»; он явно, на виду у всех, занимался одними политическими и социальными вопросами, исповедовал самые крайние мнения (в нем они не были фразой!) – и втайне наслаждался искусством, поэзией, красотой во всех ее проявлениях... даже сам писал стихи» [Тургенев: Сочинения: 12, 31].

Весьма красноречивый диалог на эту тему состоялся между ним и Марианной:

«Надо такие стихи писать, как Пушкин, – или вот такие, как эти добролюбовские: это не поэзия... но что-то не хуже ее.

– А такие, как мои, – спросил Нежданов, – вовсе не следует писать? Не правда ли?

– Такие стихи, как твои, нравятся друзьям не потому, что они очень хороши, но потому, что *ты* хороший человек – и они на тебя похожи.

Нежданов усмехнулся.

– Похоронила же ты их – да и меня кстати!» [ТС 12: 215].

Между тем по крайней мере одно из стихотворений Нежданова заслуживает внимания – и как поэтическое высказывание, вписанное в литературный контекст эпохи, и как лирическое отступление, предваряющее дальнейшее развитие сюжета.

Это стихотворение «Сон», которым автор намеревался «насмешить» своего друга-адресата и, которое, несмотря на наличие «нескольких натянутых рифм» и ритмического сбоя, очень интересно созвучием с некрасовской интонацией, с содержанием, построением, ритмико-синтаксической организацией «Элегии» (1874) и особенно – финальной части «Размышлений у парадного подъезда» (впервые опубликовано в 1860), которую по аналогии можно было бы озаглавить «Стон».

«Размышления у парадного подъезда» (фрагмент)	«Сон» (фрагмент)
<p>...Родная земля! Укажи мне такую обитель, Я такого угла не видал, Где бы сеятель твой и хранитель, Где бы русский мужик не стонал? Стонет он по полям, по дорогам, Стонет он по тюрьмам, по острогам, В рудниках, на железной цепи; Стонет он под овином, под стогом, Под телегой, ночуя в степи; Стонет в собственном бедном домишке, Свету божьего солнца не рад; Стонет в каждом глухом городишке, У подъезда судов и палат. [Некрасов 1: 303]</p>	<p>...Нет! Никогда еще таким ужасным сном Мои любезные соотчичи не спали! Все спит кругом: везде, в деревнях, в городах, В телегах, на санях, днем, ночью, сидя, стоя... Купец, чиновник спит; спит сторож на часах, Под снежным холодом и на припеке зноя! И подсудимый спит, и дрыхнет судия; Мертво спят мужики: жнут, пашут – спят; молотят – Спят тоже; спит отец, спит мать, спит вся семья.. Все спят! Спит тот, кто бьет, и тот, кого колотят! Один царев кабак – тот не смыкает глаз; И, штоф с очищенной всей пятерней сжимая, Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ, Спит непробудным сном отчизна, Русь святая! [ТС 12: 230]</p>

Как ни ужасен стон, он признак жизни – и некрасовский финальный риторический вопрос «Ты проснешься ль, исполненный сил...», с одной стороны, допускает беспробудность, с другой – оставляет надежду на пробуждение. Стихотворение Нежданова надежду не сулит. Но еще более зловеще (и пронизательно) звучит приписка Нежданова к письму: «P.S. Да, наш народ спит... Но, мне сдается, если что его разбудит – это будет не то, что *мы* думаем...» [Тургенев: Сочинения: 12, 231]

По иронии судьбы, спасает Нежданова от ареста чуждость народу, доставлявшая ему моральные страдания: он впадает в полубессознательное состояние по причине совершенной неспособности в процессе агитации пить с мужиками на равных водку, один запах которой у него «возбуждал тошноту, чуть не рвоту» [Тургенев: Сочинения: 12, 228]. Доставленный на фабрику, где они с Марианной укрывались под защитой Соломина, он бормочет:

«— А! Марианна! <...> ты все говорила: о... опрос... опростелые; вот теперь я настоящий опростелый. Потому весь народ наш всегда пьян... значит...

Он умолк; потом пробурчал что-то невнятное, закрыл глаза — и заснул» [ТС 12: 240].

Т. е. впал в то самое состояние, в котором, по его мнению, пребывал народ.

Что касается Марианны, то у нее, как замечает Брюллова, «нет в голове той рефлексии, тех теоретических завалов, которые мучат Нежданова» [Брюллова 1967: 307]. И сам Нежданов видит, что, в отличие от него, Марианна «вся поглощена своей деятельностью, в которую верит» [Тургенев: Сочинения: 12, 226]; он понимает, что она готова «коли нужно, на плаху!» При этом сами его наблюдения принимают трагикомический оборот: «Да что на плаху! Она даже башмаки с себя пробовала снять; ходила куда-то босая и вернулась босая. Слышу — потом — ноги себе долго мыла; вижу, наступает на них с осторожностью, потому с непривычки — больно; а лицом вся радостная и светлая, словно клад нашла, словно солнце ее озарило. Да, Марианна молодец!» [Тургенев: Сочинения: 12, 227]. Для самого Нежданова снять башмаки и уж тем более надеть «вонючий кафтан» [Тургенев: Сочинения: 12, 227] едва ли не хуже плахи, в нем бунтует «эстетик», с точки зрения которого это фальшь, маскарад.

А для Марианны обряд переодевания становится желанным актом опрощения, к которому, не ведая об этом специальном термине и его конкретно-историческом значении, были последовательно устремлены все «тургеневские девушки», отвергавшие традиционную социальную стратегию, иронически запечатленную в пушкинской сказке: «Не хочу быть черной крестьянкой, / Хочу быть столбовою дворянкой»... и т. д., вплоть до «хочу быть владычицей морскою» [Пушкин: Сказка о рыбаке и рыбке: 3, 306, 308].

В случае «тургеневской девушки» эта логика перевернута — кто-то скажет: с ног на голову, — кто-то, напротив: с головы на ноги; так или иначе — тургеневская девушка *не хочет* того, что предписано изначальным социальным статусом и задано традицией его изменения в сторону повышения.

И она уходит: в монастырь, в Болгарию, в народ.

Во всех этих случаях смена социальной роли означает понижение статуса и сопровождается обрядом *переодевания*: в монашескую рясу, в которой мы в финале «Дворянского гнезда» видим Лизу Калитину; в костюме медсестры, в котором мы не видим Елену Стахову, но траектория задана и в жизни ее продемонстрирует баронесса Вревская; наконец, в случае Марианны Синецкой — в крестьянское платье.

Достоевский, полемически настроенный на тургеневскую волну и по-своему очень чуткий к веяниям времени, вкладывает в уста Аглаи Епанчиной — «тургеневской девушки» в достоевском экзальтированном варианте — очень важное в этом плане признание: «Я <...> хочу совершенно изменить мое социальное положение, — говорит она князю Мышкину. — Я положила заняться воспитанием, и я на вас рассчитывала, потому что вы говорили, что любите детей. Можем мы вместе заняться воспитанием, хоть не сейчас, так в будущем? Мы вместе будем пользу приносить; я не хочу быть генеральскою дочкою...» [Достоевский 8: 358].

Вот это нежелание быть «генеральскою дочкою», то есть существовать в предписанном социумом рамках, и определяет логику поведения «тургеневской девушки».

Эту линию судьбы Тургенев не просто отразил в своих романах — можно сказать и так, что он ее во многом спровоцировал, он вдохновил и эстетически поддержал этот, как сказали бы сегодня, феминистский порыв девушек образованных, думающих и задыхающихся в

рамках стремительно устаревающей замкнутой социальной структуры дворянской усадьбы к самостоятельному определению своей судьбы, к демократизации своей социальной роли, к активному участию в жизни, а в перспективе – в революционном преобразовании общества. Финальным символическим аккордом этой темы в творчестве Тургенева станет стихотворение «ПОРОГ».

Кавелина-Брюллова – очень наглядное предьявление этого женского типа в самой жизни и – смерти. Еще раз напомним фразу из эпистолярного некролога Тургенева: «...я никак не могу привыкнуть к мысли, что это прекрасное, молодое, исполненное жизни и сил существо унесено в ту немую, мертвую бездну» [Тургенев: Сочинения: 14, 538].

«Я приведена на край бездны и должна упасть» [Тургенев: Сочинения: 8, 165], – пишет Елена Стахова в прощальном письме родителям.

«В какую бездну бросаетесь вы с закрытыми глазами? Для кого и для чего?» [Тургенев: Сочинения: 12, 190] – спрашивает Марианна Валентина Михайловна Сипягина.

Но Марианна ощущает иначе: «Разве между вашим домом и мною не целая бездна, бездна, которую ничто, ничто закрыть не может?» [Тургенев: Сочинения: 12, 197].

Она, как и ее предшественницы, жаждет подвига:

« – Вам хотелось собой пожертвовать?» – спрашивает ее Соломин.

«Глаза у Марианны заблестали.

– Да... да... да!» [Тургенев: Сочинения: 12, 221]

«8/10 наших заговорщиц – Марианны» [Брюллова 1967: 306], – подтверждает Брюллова. Достоевский, спародировавший в финальном рассказе об Аглае Епанчиной, сюжет «Накануне», негодует. В письме к К.П. Победоносцеву в ходе подготовки к Пушкинскому празднику 1880 г. он, в частности, пишет: «Профессора ухаживают там за Тургеньевым, который решительно обращается в какого-то личного мне врага. <...> Но славить Пушкина и проповедовать «Верочку» я не могу» [Достоевский: Письма: 30 (1), 156]. Верочка – это В.И. Засулич. Современники, по свидетельству самого Тургенева, усматривали «интимнейшую связь» [Тургенев: Письма: 12, 312] между нею и Марианной Синецкой [См.: Ребель: 2018, 265]. Достоевский в романе «Бесы» прямо обвинил Тургенева в попустительстве нигилистам и подстрекательстве к бунту. А роман «Новь» в широком смысле слова – это художественный ответ Достоевскому, опровергающий ярлык «бесы» применительно к «ходителям в народ» и предлагающий более сложную и объективную *реалистическую* картину революционного движения 1870-х гг.

Причем эту цель Тургенев ставил осознанно и целенаправленно, о чем свидетельствует письмо к М.М. Стасюлевичу от 22 декабря 1876 г., в котором роман «Новь» предьявляется как альтернатива крайностям: с одной стороны – «Бесам» и другим «антинигилистическим» произведениям, с другой – роману «Что делать?»: «Молодое поколение было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников – что, во-первых, несправедливо – а во-вторых, могло только оскорбить читателей-юношей как клевета и ложь; либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо – и, сверх того, вредно. Я решился выбрать среднюю дорогу – стать ближе к правде; взять молодых людей, большей частью хороших и честных – и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско. Насколько мне это удалось – не мне судить; но вот моя мысль – и Вы

можете видеть, как она, в сущности – цензурна и благонамеренна. Во всяком случае молодые люди не могут сказать, что за изображение их взялся враг; они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне – если не к их целям, то к их личностям. И только таким образом может роман, написанный для них и о них, принести им пользу» [Тургенев: Письма: 12 (1), 43–44].

Не были «бесами» герои Тургенева Маркелов, Остроумов, Машурина, ни к кому из них не приложима самоаттестация Петра Верховенского: «Я ведь мошенник, а не социалист» [Достоевский: Бесы: 10, 324]. Разве только в перевернутом варианте: они были социалистами, а не мошенниками. Это не значит, что в «нигилистической» среде не было «бесовщины», то есть уродливых, зловещих и опасных уклонений. Чего стоит одна только «нечаевщина». Но Тургенев в данном случае показал другую – чрезвычайно важную – сторону явления: самоотверженность, честность, убежденность, готовность рисковать и жертвовать собой, но при этом незнание и непонимание народа, чуждость ему, наивность, ограниченность, несостоятельность.

Состоятельное начало, по Тургеневу, должно вырасти из самой почвы, но почва для этого должна быть хорошо вспахана и удобрена.

Надежда на такую историческую перспективу и связана с образом Соломина. «Настоящий русский практик, на американский лад» [Тургенев: Сочинения: 12, 323], – таким задуман и заявлен этот герой в «Формулярном списке лиц новой повести», таким он и получился в романе. Практик, прагматик, отличный организатор, получивший образование в Англии, пользующийся огромным уважением рабочих фабрики, на которой служит управляющим, Соломин внимательно прислушивается, присматривается к происходящим социальным процессам, сочувственно относится к «ходителям в народ» и в то же время совершенно не разделяет их упований на революционные настроения крестьян. Он предлагает альтернативную радикальной *постепеновскую* стратегию, с одним существенным уточнением: «Постепеновцы до сих пор шли сверху <...> а мы попробуем снизу» [Тургенев: Сочинения: 12, 145].

Суть ее он очень просто и доходчиво объясняет Марианне:

«Вы извините неприличность выражения... но, по-моему, шелудивому мальчику волосы расчесать – жертва, и большая жертва, на которую не многие способны <...> Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать кур... А там, кто знает, может быть, спасете отечество!

– Вы смеетесь надо мною, Василий Федотыч.

Соломин медленно потряс головою.

– О моя милая Марианна, поверьте: не смеюсь я над вами, и в моих словах – простая правда» [Тургенев: Сочинения: 12, 221].

Эта «простая правда» дополнительно подтверждена устами романного резонера Паклина, который говорит о Соломине: «Такие, как он – они-то вот и суть настоящие. Их сразу не раскусишь, а они – настоящие, поверьте; и будущее им принадлежит. Это – не герои; это даже не те «герои труда», о которых какой-то чудак – американец или англичанин – написал книгу для назидания нас, убогих; это – крепкие, серые, одноцветные, народные люди. Теперь только таких и нужно! Вы смотрите на Соломина: умен – как день, и здоров – как рыба... Как же не чудно! Ведь у нас до сих пор на Руси как было: коли ты живой

человек, с чувством, с сознанием – так непременно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тем же болеет, чем и наше, – и ненавидит он то же, что мы ненавидим, да нервы у него молчат и все тело повинуется как следует... значит: молодец! Помилуйте: человек с идеалом – и без фразы; образованный – и из народа; простой – и себе на уме... Какого вам еще надо? <...> настоящая, исконная наша дорога – там, где Соломины, серые, простые, хитрые Соломины!» [12: 299]

Подтверждением этому служит сюжетная логика романа, стержнем которой, подобно тому, как это было в романе «Накануне», становится выбор женщины. Марианна последовательно отвергает фанатично однонаправленного Маркелова, гамлетизирующего Нежданова, добровольно устраняющего себя с ее жизненного пути, и соединяет свою судьбу с судьбой Соломина: «народного» человека, «почвенника» – не в Достоевском мистическом, а в практическом, созидательном смысле слова.

Отмечая, что «политический смысл тургеневского романа с центральной идеей «безымянной Руси», высылающей героев «Нови» на жертвенный подвиг, резко контрастен по отношению к концепции «Бесов», где революционные деятели рассмотрены были как люди, чуждые России и русскому народу», Г. Бялый, в полном соответствии с советской идеологией, характеризует Соломина как фигуру неясную, «воплощение несбывшейся либеральной утопии автора» [Бялый: 1962]. Более того, признавая факт усложнения и изменения романной структуры в позднем творчестве Тургенева, Бялый в то же время утверждает, что ««Новь» ближе к старому типу романа Тургенева, чем «Дым»»; по мнению исследователя, «Новь» «как бы возвращается к истокам, к «Рудину», который тоже был романом о «неудачнике», о «ненастоящем» герое» [там же]. Очевидно, что «неудачником» и «ненастоящим героем» назван Нежданов; тем самым *главное лицо* романа «Новь» – Соломин – и выбор, который делает в его пользу Марианна, то есть принципиально важный для тургеневского романа сюжетный ход, с помощью которого демонстрируется состоятельность / несостоятельность героя-мужчины, Бялым вообще выносятся за скобки, игнорируются. Предлагаемая редукция романа «Новь» к роману «Рудин» представляется некорректной ни с эстетической, ни с историко-литературной точки зрения.

Не только сюжетная логика самого произведения, но и осмысление общественно-политического контекста и исторических последствий воссозданного в «Нови» образа эпохи свидетельствует о том, что Тургенев не только не вернулся к «истокам», но написал принципиально новый, новаторский роман; осуществленный в «Нови» художественный анализ общественно-политической ситуации отразил новые тенденции нового времени, а намеченная писателем историческая перспектива была единственно возможным вариантом мирного развития событий.

В 1875 г., когда роман «еще на станке» [Тургенев: Письма: 11, 210], но уже близится к концу, Тургенев получил от Философовой письмо, полное отчаяния, вызванного, судя по всему, спадом революционной активности. «Помилуйте, – возражает он своей корреспондентке, – деятельность Ваша достигла хотя маленького результата – следов., не бесплодна – чего же больше? Пусть каждый в своей сфере сделает столько же – и выйдет дело большое и хорошее. <...> Пора у нас в России бросить мысль о «сдвигании гор с места» – о крупных, громких и красивых результатах; более, чем когда-либо и где-либо, следует у нас удовлетворяться малым, назначать себе тесный круг действия: мы умрем – и

ничего громадного не увидим. С этим надо помириться – и предоставить всё, к этому не подходящее, господам вроде Дехтерева, если он сам уже не излечился от прежних мечтаний» [Тургенев: Письма: 11, 32–33].

Идеологически эпистолярный диалог с Философовой был созвучен дописывавшемуся роману, его ключевым смыслам.

15 июля 1876 г. из Спасского Тургенев сообщает М.М. Стасюлевичу, что роман окончен; «секретничает насчет заглавия», опасаясь, что «кто-то другой наскочит на то же слово»; поясняет: «*плуг* в моем эпитафье не значит революция – а просвещение; и самая мысль романа самая благонамеренная»; тревожится: «То, что Вы говорите мне об ожиданиях, возбужденных «Новью», пугает меня значительно. Как оправдать их?!» [Тургенев: Письма: 11, 296, 299, 320]. Радуется положительному отзыву П.В. Анненкова, в частности совпадению в оценке Соломина: «трезвый» [Тургенев: Письма: 12 (1), 14]. И предвидит: «Никакого нет сомнения, что, если за «Отцов и детей» меня били палками, за «Новь» меня будут лупить бревнами – и точно так же с обеих сторон» [Тургенев: Письма: 11, 351].

Отвечая на «восторженный» [Тургенев: Письма: 12 (1), 61] отзыв о романе Константина Дмитриевича Кавелина (отца Софьи Брюлловой, которая тоже прислала *восторженное* письмо, – к сожалению, письма отца и дочери Кавелиных не сохранились), 17 декабря 1876 г. Тургенев пишет: «...в течение всей моей литературной карьеры ничего мне не доставило большего удовольствия, чем Ваше письмо. Мой роман имеет для меня самого важное значение: тут идет вопрос не об упадке или сохранении таланта, не о степени успеха в публике – к этому я отношусь если не равнодушно – то спокойно, как подобает человеку, уже убеленному сединами и усталому; вопрос идет о том, совладал ли я с задачей, постановка которой казалась мне верною – но исполнение которой (а ведь вся суть в исполнении!) могло внушить мне справедливые сомнения – и опасения. Эти опасения были тем более естественны, что задача-то была уж больно трудна! И вот Вы, человек столь же чуткий, сколь правдивый – настоящий друг и настоящий судья в одно и то же время, приходите и говорите мне: «Работа хороша – всё верно и ладно» – и даже прибавляете: «спасибо» – и в таких выражениях, которые не могли меня не тронуть... Как же мне не радоваться? Благодаря Вас, я самого себя глажу по головке; и теперь, какая бы ни была «литературная» судьба «Нови», я уже знаю, знаю наверное, что я не потерял времени даром и сослужил – отслужил – службу моему поколению – пожалуй даже моему народу. А что молодая критика меня будет бить палками – это ничего; для моциона ей полезно; а там всё уляжется; и, быть может, она сама догадается, что была по своим» [Тургенев: Письма: 12 (1), 39].

В контексте размышлений об эпическом характере произведения, очень интересен тургеневский ответ на замечание Кавелина по поводу пунктирного изображения крестьян: «...тут, с моей стороны, была некоторая преднамеренность. Так как мой роман не мог захватить и их (по двум причинам: во-1-х) вышло бы слишком широко, и я бы выпустил нити из рук; во-2-х) я не довольно тесно и близко знаю их теперь – чтобы быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое движется в их внутренностях) – то мне осталось только представить ту их жесткую и терпкую сторону, которую они соприкасаются с Неждановыми, Маркеловыми и т. д. Быть может, мне бы следовало резче обозначить фигуру Павла, соломинского фактотума, будущего народного революционера; но это слишком крупный тип – он станет – со

временем (не под моим, конечно, пером – я для этого слишком стар – и слишком долго живу вне России) – центральной фигурой нового романа. Пока – я едва назначил его контуры» [Тургенев: Письма: 12 (1), 39].

Рабочий Павел (Власов) действительно станет героем следующего этапа истории литературы. А для Тургенева важно другое: «Что Соломин мне удался – вот, что меня радует больше всего. Это было самое трудное» [Тургенев: Письма: 12 (1), 39].

Эту удачу, значение фигуры Соломина в своей статье-черновике однозначно подтверждает и Софья Кавелина-Брюллова. Но в ее интерпретации тема получает опасный, противоречащий позиции Тургенева и идеологическим воззрениям ее отца поворот: «Нам кажется, что Соломины – это желанные для русской земли пахари. Только тогда, когда они вспашут «новью» вдоль и поперек, на ней можно будет сеять те идеи, за которые умирают наши молодые силы. Когда на десять русских придется шесть Соломиных, существующий порядок вещей станет невозможным, и если правительство опоздает реформой, Соломин ХХ века и его ученик, плутоватый, сметливый и энергичный Павел сознательно, *трезво возьмутся за топор* [выделено мной – Г.Р.]. Он не выпадет из их рук, им не нужно будет переодеваться: народ их и без того будет знать, потому что они сами – народ. Соломины будут не вожаки, а рядовые революции, которая и возможна-то будет только тогда, когда у нее окажутся такие рядовые» [Брюллова 1967: 315].

В статье Кавелиной-Брюлловой, кроме тургеневских героев, о которых она пишет, перед читателем предстает еще одна героиня – она сама. И перспектива, ею намеченная: *возьмутся за топор*, – это *чреватый экстремизмом максимализм тургеневской девушки*, которой на совершенно непонятных основаниях, вопреки содержанию тургеневских романов, приписывается кротость, смиренность, робость – совершенно не присущие ей качества.

«Но все-таки никак не могу признать Вас «смирненной» – и скорее нахожу в Вас гордыню» [ТП 11, 345], – писал Тургенев баронессе Юлии Вревской, которая направилась по маршруту Елены Стаховой – но не в Болгарию, а в Сербию, на Балканскую войну, где, в свою очередь, и была «унесена в немую, мертвую бездну».

Заключение

В то время как критика вела по «Нови» огонь «картечью» [Тургенев: Письма: 12 (1), 41], в феврале 1877 г. начался «процесс нигилистов», или «процесс пятидесяти», среди которых было шестнадцать женщин. «А меня упрекали, что «Марианна» у меня – сделанная!» [Тургенев: Письма: 12 (1), 109] – замечает Тургенев в одном из писем. Правда, под впечатлением от «всеобщего гама и рева осуждения и брани» [Тургенев: Письма: 12 (1), 123] он почти готов был признать, что «Новья» – «вещь неудавшаяся», что она «провалилась», потому что «нельзя пытаться вытащить самую суть России наружу, живя почти постоянно вдали от нее» [Тургенев: Письма: 12 (1), 116, 117]. Однако постепенно «началась как бы реакция в пользу «Нови»» [Тургенев: Письма: 12 (1), 132]. Дополнительным фактором стал выстрел Веры Засулич 24 января 1878 г. в петербургского генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова и процесс над ней. По свидетельству Тургенева, «история с Засулич взбудоражила решительно всю Европу <...> во всех журналах видят интимнейшую связь между Марианной «Нови» и Засулич» [Тургенев: Письма: 12 (1), 312]. «И выходит, что вообще нечего хлопотать: коли вещь дельная, она найдет свою дорогу» [Тургенев: Письма: 2 (1), 315].

В связи с «догоняющими роман» историческими событиями, Луи Виардо предложил к французскому изданию «Нови» прибавить следующее примечание: «Если бы роман г. Т<ургенева> не был написан и даже напечатан раньше политического процесса, который происходит сейчас в петербургском Сенате, можно было бы подумать, что он скопировал этот процесс, тогда как он предсказал его. В этом процессе мы действительно видим те же самые благородные иллюзии и то же полное разочарование; мы вновь находим там все, вплоть до неожиданных браков и даже браков фиктивных. Роман «Новь» внезапно сделался историческим» [Тургенев: Письма: 12 (1), 444].

Тургенев и в этом случае оказался чутким резонатором своей эпохи и тенденций исторического развития. В письме к А.М. Жемчужникову от 5 марта 1877 г. он писал: «...я сознавал, что жизнь бежит в *эту* сторону, я сделал набросок, я указал пальцем на настоящую дорогу» [12 (1): 113].

Прочитываем еще раз в полном варианте это указание из самого романа, которое «несомненно выражает авторское мнение» [Буданова 1966: 505]: «...настоящая, исконная наша дорога – там, где Соломины, серые, простые, хитрые Соломины! Вспомните, когда я это говорю вам, – зимой тысяча восемьсот семидесятого года, когда Германия собирается уничтожить Францию... когда...» [Тургенев: Сочинения: 12, 299]

По иронии истории, в 1870 году родился Владимир Ульянов, согласно апокрифу, провозгласивший: «Мы пойдем другим путем».

К сожалению, жизнь продолжала бежать в *эту* самоубийственную сторону, а *на настоящую дорогу* – дорогу постепенных преобразований и созидания, которую в тургеневском романе *олицетворял* Соломин, – Россия на критическом рубеже XIX–XX вв. выйти не сумела.

Список литературы

1. Буданова Н.Ф. Статья С.К. Брюлловой о романе «Новь». Вступительная статья и публикация Н.Ф. Будановой // И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования. АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1967. (Лит. наследство; Т. 76). С. 277–296.
2. Буданова Н.Ф. <Комментарий> Тургенев И.С. Полное собрание сочинений в 28 т. Сочинения в 15 т. Т. 12. М.–Л.: Наука, 1966.
3. Брюллова С.К. <Статья о романе «НОВЬ»> Вступительная статья и публикация Н.Ф. Будановой // И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1967. (Лит. наследство; Т. 76). С. 297–321.
4. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм [Электронный ресурс]. Л.: Советский писатель, 1962. 247 с. URL: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000013/st010.shtml> (дата обращения: 12.01.2022).
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1990.
6. Зайцев Б.К. Далекое // Жизнь Тургенева. М.: Сов. писатель, 1991. С. 143–276.
7. Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы. Собр.соч. в 8 т. Т. 1. 1843–1860. И.: ИХЛ, 1965.
8. Пумпянский Л.В. Классическая традиция: собрание тр. по истории рус. литературы. М.: Языки рус. культуры, 2000. 864 с.
9. Пушкин А.С. Поэмы. Сказки. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. М.: Худ. Лит-ра, 1975.
10. Ребель Г.М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.

11. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Сочинения в 15 т. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960–1968.

12. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма в 13 т. М.–Л.: Издательство Академии наук, 1961–1967.

References

1. Budanova N.F. Stat'ya S.K. Bryullovoi o romane «Nov». Vstupitel'naya stat'ya i publikatsiya N.F. Budanovoi [Bryullova about the novel "Nov". Introductory article and publication by N. F. Budanova]. *I.S. Turgenev: Novye materialy i issledovaniya*, Moscow, Nauka, 1967, pp. 277-296. (In Russ.)

2. Budanova N.F. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii v 28 tomah [Turgenev I.S. Complete works in 28 volumes.]. Vol. 12, Moscow, Leningrad, Nauka, 1966. (In Russ.)

3. Bryullova S.K. Vstupitel'naya stat'ya i publikatsiya N. F. Budanovoi [Introductory article and publication by N. F. Budanova]. *I. S. Turgenev: Novye materialy i issledovaniya*, Moscow, Nauka, 1967, pp. 297-321. (In Russ.)

4. Byalyi G.A. Turgenev i russkii realism [Turgenev and Russian realism]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1962, 247 p. (In Russ.). Available at: <http://i-s-turgenev.ru/books/item/f00/s00/z0000013/st010.shtml> (accessed: 12.01.2022).

5. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomakh [Complete works in thirty volumes]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1972-1990. (In Russ.)

6. Zaitsev B. K. Dalekoe [Distant]. *Zhizn' Turgeneva*, Moscow, Sov. pisatel', 1991, pp. 143-276. (In Russ.)

7. Nekrasov N.A. Stikhotvoreniya i poemy [Poems and poems]. Vol. 1, 1843-1860, IKhL, 1965. (In Russ.)

8. Pumpyanskii L.V. Klassicheskaya traditsiya [Classical tradition]. Moscow, Yazyki rus. kul'tury, 2000, 864 p. (In Russ.)

9. Pushkin A.S. Poemy. Skazki [Poems. Fairy tales]. Vol. 3, Moscow, Khud. Lit-ra, 1975. (In Russ.)

10. Rebel' G.M. Turgenev v russkoi kul'ture [Turgenev in Russian culture]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018, 376 p. (In Russ.)

11. Turgenev, I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete Works and Letters]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960-1968. (In Russ.)

12. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete Works and Letters]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk, 1961-1967. (In Russ.)

Информация об авторе

*Г.М. Ребель – доктор филологических наук, профессор,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.*

Information about the author

*G.M. Rebel – Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.*

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted 09.12.2021; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 18.02.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 95–102.

Humanitarian studies. History and philology. 2022. No. 5. P. 95-102.

Научная статья

УДК 811.111.367

doi: 10.24412/2713-0231-2022-5-95-102

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сергей Александрович Рябкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
sergei.riabkin@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье анализируется вопрос актуализации категории инструментальности в современном английском языке. В статье рассматриваются предлоги и отыменные глаголы, в семантическом потенциале которых фиксируется аспект инструментальности. Инструментальность характеризуется следующим образом – человек, чтобы добиться какой-либо поставленной цели, использует разнообразные ресурсы, а в этом ему могут помочь инструменты – все то, с помощью чего он сможет воздействовать на объект для достижения определенного результата. Инструмент – участник, как правило, неодушевленный, которого агент использует для осуществления своей деятельности. Под инструментальным падежом понимается категориальная форма падежа с основным значением орудия или средства, при помощи которого производится действие. Инструментатив – падеж, которым обозначается орудие/инструмент, которым агент воздействует на другие объекты; другое значение инструментатива – отыменный глагол со значением применения данного предмета в качестве средства, орудия данного действия, также было отмечено, что отыменные глаголы имеют сходство по функции, которую названный существительным предмет выполняет, сходство с действием, выполняемым с помощью какого-либо предмета, а также сходство с самим инструментом (по форме или внешнему виду). Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа явления инкорпорации в языках, в которых ранее это явление не фиксировалось, а если отмечалось, то фрагментарно. Объектом анализа являются глаголы с инкорпорированными актантами, предметом – семантический потенциал данных глаголов и его контекстуальная актуализация. Изучаемые глаголы включают в свой семантический потенциал значение инструмента, которое реализуется в двух формах – опредмеченной и неопредмеченной.

Ключевые слова: категория инструментальности, инструмент, семантическая категория, английский язык, глагол, предлог

Для цитирования: Рябкин С.А. Актуализация категории инструментальности в английском языке // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 95–102. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-95-102>

Original article

ACTUALIZATION OF THE CATEGORY OF INSTRUMENTALITY IN ENGLISH

Sergei A. Riabkin

Perm State University, Perm, Russia, sergei.riabkin@gmail.com

Abstract. The proposed article analyzes the issue of actualization of the category of instrumentality in modern English. The article deals with prepositions and nominative verbs, in the semantic potential of which the aspect of instrumentality is fixed. Instrumentality is characterized as follows – a person, in order to achieve any goal, uses a variety of resources, and tools can help him in this - everything with which he can influence the object to achieve a certain result. The participant tool is usually inanimate, which the agent uses to carry out its activities. The instrumental case is understood as the categorical form of the case with the main meaning of the instrument or means by which the action is performed. Instrumentative – the case that denotes the tool / instrument with which the agent acts on other objects; another meaning of the instrumentative is a nameless verb with the meaning of using this object as a means, an instrument of this action, it was also noted that nameless verbs have similarities in the function that the object named by the noun performs, similarity with the action performed with the help of any object, as well as similarity with the instrument itself (in form or appearance view). The relevance of the study is due to the need to analyze the phenomenon of incorporation in languages in which this phenomenon was not previously recorded, and if noted, then fragmentary. The object of the analysis is verbs with incorporated actants, the subject is the semantic potential of these verbs and its contextual actualization. The verbs under study include in their semantic potential the meaning of the instrument, which is realized in two forms – the objectified and the non-objectified.

Keywords: instrumentality, instrument, semantic category, the English language, verb, preposition

For citation: Riabkin S.A. Actualization of the category of instrumentality in English. Humanitarian studies. History and philology. 2022;5:95-102. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-95-102>

Введение

Под концептосферой инструментальности понимается совокупность стереотипных знаний и представлений об инструментальности. Она определяется как «все то, с помощью чего некий субъект воздействует на объект для достижения определенного результата». Человек, чтобы осуществить свою деятельность, использует самые разнообразные ресурсы: предметы, действия, состояния, свойства, информацию, силы природы [Шустова 2019: 156; см. также Архипова 2021; 45–51; Шустова 2021: 81–89; 2021a: 511–515; Шустова, Третьякова 2022: 26–33].

Инструмент – это участник ситуации, как правило, неодушевленный, которого агент использует для осуществления своей деятельности [Жеребило 2010: 121]. Под инструментальным падежом (он же творительный падеж) понимается категориальная форма падежа с основным значением орудия или средства, при помощи которого производится действие... [Ахманова 2010: 173]. В качестве методов анализа послужили контекстный анализ, интерпретация, функциональный анализ (наблюдение функционирования исследуемых языковых единиц с целью описания их семантического потенциала) и описательный метод.

Основная часть

В современной лингвистической литературе процесс перекатегоризации языковых единиц толкуется по-разному. Ещё Ш. Балли, придававший большое значение транспозиции в функционировании языка и представлявший её как перевод знака из одной категории в

другую, отмечал: «Замкнутые в своих основных категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается и выражение обогащается и получает различные оттенки» [Балли 1955: 143]. Транспозиция связана с языковой экономией, которая обусловлена не одной, а целым рядом причин. Во-первых, язык, будучи социальным явлением, не может не испытывать воздействия процессов, происходящих в обществе, и реагирует на них соответствующими изменениями. Во-вторых, язык является продуктом деятельности человека и в нем отражаются особенности мышления человека, в частности стремление к точности и лаконичности выражения мыслей. В-третьих, язык является сложной системой, способной к самоорганизации посредством реализации принципа экономии. Таким образом, языковая экономия рассматривается нами как один из главных и необходимых принципов нормального естественного функционирования языка. Языковая экономия заключается в стремлении человека выразить как можно больше, используя как можно меньше языковых средств и затрачивая как можно меньше усилий [Смирнова 2013, 2015].

Инструментатив – падеж, которым обозначается орудие/инструмент, которым агент воздействует на другие объекты; другое значение инструментатива – отыменный глагол со значением применения данного предмета в качестве средства, орудия данного действия [там же]. Например:

iron (v) (гладить утюгом) от *iron* (n) (утюг) – *Workers **ironed** pants, tended to orders and moved clothes around the business* [CC1 2020];

axe (v) (рубить топором) от *axe* (n) – (топор) – *You get **axed** by a serial killer next door* [CC1 2020];

hammer (v) (забивать молотком) – *hammer* (n) (молоток) – *Another nail **hammered** down* [CC1 2020];

rifle (v) (стрелять из винтовки) от *rifle* (n) – (винтовка) – *Both reported their vehicles had been **rifled** through* [CC1 2020];

spoon (v) (черпать ложкой) от *spoon* (n) – (ложка) – *The meat sauce is **spooned** over the pasta and then topped with mozzarella cheese for a tasty dish* [CC1 2020];

chop (v) (нарезать, отбивать) от *chop* (n) – (отбивная (котлета)) – *The enraged Sioux followed and **chopped** them down* [CC1 2020];

knife (v) (наносить удар ножом) от *knife* (n) – (нож) – *Emergency services raced to Southampton city centre after the victim was **knifed** in the early hours of Tuesday morning* [CC1 2020];

spear (v) (протыкать копьем) от *spear* (n) – (копье) – *He had been **speared** by some locals* [CC1 2020];

shield (v) (защищать) от *shield* (n) – (щит) – *Police **shielded** the man from the boisterous crowd* [CC1 2020];

torch (v) (поджигать) от *torch* (n) – (факел) – *Our house was **torched*** [CC1 2020];

bottle (v) (закупоривать) от *bottle* (n) – (бутылка) – *I know cans and plastic impart taste, but soda **bottled** in glass* [CC1 2020];

knock (v) (стучать в дверь) от *knock* (n) – (стук) – *However this night, they **knocked** and never entered* [CC1 2020];

ship (v) (транспортировать) от *ship* (n) – (корабль) – *Whiskey is almost always **shipped** by ship* [CC1 2020];

fire (v) (зажигать) от *fire* (n) – (огонь) – *A touch ignition feature gets the charcoal **fired** up* [CC1 2020];

microwave (v) (разогреть что-либо в микроволновке) от *microwave* (n) – (микроволновка) – *They **microwaved** the water for a minute, then poured in milk to fill the last third of the cup* [CC1 2020];

eye (v) (внимательно рассматривать) от *eye* (n) – (глаз) – *SpaceX has **eyed** upon Mars and is devising plans to send tourists around the moon* [CC1 2020];

fiddle (v) (возиться) от *fiddle* (n) – (скрипка) – *Additionally, Disney is said to have **fiddled** with the cut that Abrams approved, which undercut some of his storylines and added scenes he didn't like* [CC1 2020];

colour (v) (красить) от *colour* (n) – (краска) – *My hair is usually very short, cut every six weeks and **coloured** every four months or so* [CC1 2020];

powder (v) (пудрить) от *powder* (n) – (пудра) – *The posture of the hand, which also appears to have been **powdered** with makeup to make him look paler and creepier, is great acting for this character who always seems to be reaching out to touch people* [CC1 2020];

email (v) (писать электронное письмо) от *email* (n) – (электронное письмо) – *Links are **emailed** the day before the program* [CC1 2020];

google (v) (искать информацию в интернете) от *Google* (n) – (поисковая машина Google) – *I **googled** it and it is interesting to see that most of the posts were in Afrikaans!* [CC1 2020]

Кроме глаголов инструментальной семантики выделяют инструментальные предлоги. В английском языке предлоги *with* и *by* обозначают инструментальный падеж, то есть употребляются с именами существительными, которые актуализируют некий предмет, при помощи которого было совершено действие [Якубовская 2017: 29]. Как утверждают Н.В. Лосева и Т.В. Брагина, инструментальность – это один из базовых универсальных концептов, который входит в языковое сознание на довербальном предметно-семантическом уровне. Инструмент является неотъемлемой частью любой человеческой деятельности, и поэтому отношения инструментальности неизбежно находят выражения в разных типах поверхностных структур во всех языках.

Анализируя поле инструментальности в английском языке, С.В. Бужинский подчеркивает, что падежные смыслы передаются в английском языке в основном с помощью предложных конструкций [Бужинский 2013: 5]. Ядро инструментальности в английском языке составляют предлоги *with* и *by*. Однако *with* специализируется на выражении не только зоны смыслов «средство – предмет», но и широко используется при выражении «непредметного» средства, то есть способа действия [Бужинский 2013: 33]. Проводя сравнение с русским языком и основываясь на возможности применения категории «падеж» в ее глубинном смысле к структурам английского языка, исследователь выделяет творительный орудия, средства (материала), неотчуждаемого инструмента (части тела), стихийной силы, агенса (деятеля).

Примеры инструментатива с предлогом *with*:

*Please pay your respects **with** pic* [CC1 2020].

*People were beaten **with** iron rods, sticks, and belts* [CC1 2020].

*She accessorized the athletic outfit **with** a necklace [CC1 2020].*

*Police dispersed the protests **with** batons and tear gas [CC1 2020].*

*They dye their hair blonde and don't tone it **with** purple shampoo [CC1 2020].*

*We monitor the patient's temperature **with** an infrared thermometer [CC1 2020].*

*Viewed **with** a microscope, the virus faintly resembles a pineapple – the universal symbol of welcome [CoCAE 2018].*

*Once done, remove the pastry and leave to cool, before trimming off the overhang **with** a sharp knife [CC1 2020].*

*Lots of anglers fishing along the coast are catching their personal best by dropping baits **with** drones [CC1 2020].*

*The gel foam topper works to keep you cool **with** its body temperature regulating technology [CC1 2020].*

Существительные в данных примерах выполняют роль инструмента, а предлог *with* актуализирует категорию падежа.

Примеры инструментатива с предлогом *by*:

*Cast ballots **by** mail [CC1 2020].*

*Democrats are convening **by** phone [CC1 2020].*

*Change address **by** mail, email or fax [CC1 2020].*

*Ninety per cent of all consumer goods move **by** truck [CC1 2020].*

*Appointments will be completed remotely **by** telephone [CC1 2020].*

*Many of those genes are regulated **by** thyroid hormones, the team noted [CC1 2020].*

*A typical gridlock caused **by** trucks and articulated vehicles in Apapa area of Lagos State [CC1 2020].*

В данных примерах предлог *by* также выражает орудийное значение. Важным для нашего исследования считается тот факт, что, помимо семантической роли инструментатива, которую играет слово в определенной ситуации, существует так называемая семантическая (лексическая) категория инструментальности.

Е. Кларк и Г. Кларк к отыменным глаголам относят глаголы, образованные от «существительных-инструментов». Например: *bicycle* (велосипед): *His father had recently perished in an accident, the family was ruined and the stoutheaned lad, not being able to afford the price of a railway ticket, had **bicycled** all those miles to spend a few days with me*; *staple* (скобка): *The whole day while we're having this kind of back and forth changing this, not showing that, the plan was being printed and **stapled** right in front of me*; [CC1 2020]; *pin* (шпилька, булавка): *In the picture, the veteran wears a green ribbon **pinned** on his suit* [CoCAE 2020]; *clamp* (скоба): *The shark **clamped** onto his leg causing deep lacerations* [CC1 2020]; *bomb* (бомба): *Failing to discover anything they ruthlessly **bombed** a village fifteen or twenty kilometres away from us* [CC1 2020].

В данных примерах актуализируется инструментальный аспект отыменных глаголов. На первый взгляд, такие существительные подходят под описание фрейма «instrument», однако не все из них самостоятельно могут быть использованы без инструмента, который оказывает некоторое воздействие, следствием которого является определенное изменение результирующего состояния. Так, гвоздь (*nail*) без молотка теряет свою прямую функцию,

существительное *nail* употребляется в ситуации, где над ним совершают действие, и где он является пациенсом (участником ситуации, затрагиваемым действием).

То же самое мы можем сказать и о существительных *staple* (скоба), *bow* (смычок). Одно из значений последнего слова – «*a weapon for shooting arrows, typically made of a curved piece of wood joined at both ends by a taut string*», в этом случае оно считается инструментом. Но те фиксирующие средства, которые могут быть использованы самостоятельно, не испытывая воздействия со стороны другого инструмента, – справедливо могут относиться к категории «инструмент».

В зоне дальней периферии могут находиться приспособления, зависимые от других, основных инструментов. Так, *mouse* (компьютерная мышь), не может выполнять свою функцию механического манипулятора, преобразующего движение в управляющий сигнал, без основного программируемого электронного устройства – компьютера, однако, именно она является активным участником ситуации, производящим действие под контролем над ситуацией субъекта (агенса), осуществляющего целенаправленное действие: *a fully functional mouse that adapts to any laptop*.

То же можно сказать и о *remote control* (пульте управления): *Sony is making using apps like easier than ever with the console's own remote control* или о *shifter* (рычаге переключения передач): *With the engine still off, press the clutch to the floor and move the shifter into first gear* [CCI 2020].

Заключение

Категория инструментальности является универсальной глубинной категорией языкового сознания. Говорящий на любом языке испытывает естественную потребность выражать инструментальные отношения и ищет адекватные средства их выражения. Исследователи по-разному относятся к существованию отыменных глаголов, но появление таких глаголов – зафиксированное явление функционирования языка, которое связано в том числе и с языковой экономией.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2010. 576 с.
2. Архипова И.В. Таксисный потенциал предлогов нидерландского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 45–51.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
4. Бужинский С.В. Семантика инструментальности в явной и скрытой грамматике (на материале русского и английского языков): дисс. ... к. филол. н. Курск, 2013. 294 с.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань.: Издательство ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
6. Лосева Н.В., Брагина Т.В. Категория инструментальности в интерязыке (французском) искусственных мультилингвов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 106–113.
7. Смирнова Е.А. Функционирование глаголов с инкорпорированными актантами (на материале английского языка). Дисс... к. филол. н. Пермь, 2013. 215 с.

8. Смирнова Е.А. Особенности семантического потенциала и функционирования отсубстантивных глаголов (на материале русского языка) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2015. Т. 3. № 1(5). С. 95–107.
9. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. М.: ЛЕНАНД, 2019. 248 с.
10. Шустова С.В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89.
11. Шустова С.В., Третьякова Д.Д. Глаголы с инкорпорированным актантом-инструментом // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 26–33.
12. Шустова С.В. Инструментальность и эмотивность в ситуации с глаголами *восхищаться* / *восторгаться* и их дериватами // Язык и деятельность. Научные чтения на кафедре ромнских языков им. В.Г. Гака. Сборник статей по итогам VI международной конференции. М.: Изд-во «Московский педагогический университет», 2021. С. 511–515.
13. Якубовская Э.В. Пространственная концептуализация действий отыменными инструментальными фразовыми глаголами в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2017. 192 с.
14. Clark E.V. When nouns surface as verbs // *Language*. 1979. Vol. 55. № 4. Pp. 767–811.
15. Corpora Collection Leipzig. URL: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (дата обращения: 21.10.2021).
16. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 10.10.2021).

References

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Librokom, 2010, 576 p. (In Russ.)
2. Arkhipova I.V. Taksisnyi potentsial predlogov niderlandskogo yazyka [Taxis potential of Dutch prepositions]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*, 2021, no. 3, pp. 45-51. (In Russ.)
3. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General Linguistics and French Language Issues]. Moscow, Izd-vo inostranoi literatury, 1955, 416 p. (In Russ.)
4. Buzhinskii S.V. Semantika instrumental'nosti v yavnoi i skrytoi grammatike (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) [Semantics of Instrumentality in Explicit and Hidden Grammar (Based on Russian and English Languages)]. Ph. D. thesis. Kursk, 2013, 294 p. (In Russ.)
5. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Izdatel'stvo OOO «Piligrim», 2010, 486 p. (In Russ.)
6. Loseva N. V., Bragina T. V. Kategoriya instrumental'nosti v interyazyke (frantsuzskom) iskusstvennykh mul'tilingvov [The category of instrumentality in the interlanguage (French) of artificial multilinguals]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2020, no. 2, pp. 106-113. (In Russ.)
7. Smirnova E.A. Funktsionirovanie glagolov s inkorporirovannymi aktantami (na materiale angliiskogo yazyka). [The Functioning of Verbs with Incorporated Actants (on the Material of the English Language)]. Ph. D. thesis. Perm, 2013, 215 p. (In Russ.)
8. Smirnova E.A. Osobennosti semanticheskogo potentsiala i funktsionirovaniya otsubstantivnykh glagolov (na materiale russkogo yazyka) [Features of the Semantic Potential and Functioning of Substantive Verbs (on the Material of the Russian Language)]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury*, 2015, vol. 3, no. 1(5), pp. 95-107. (In Russ.)
9. Shustova S.V. Funktsional'nye svoistva kauzativnykh glagolov: dinamicheskii podkhod [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. Moscow, LENDAND, 2019, 248 p. (In Russ.)

10. Shustova S.V. Instrumental'nost' v kauzativnoi situatsii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*, 2021, no. 3, pp. 82-89. (In Russ.)
11. Shustova S.V., Tret'yakova D.D. Glagoly s inkorporirovannym aktantom-instrumentom [Verbs with incorporated instrument-actant]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2021, no. 1, pp. 26-33. (In Russ.)
12. Shustova S.V. Instrumental'nost' i emotivnost' v situatsii s glagolami voskhishchat'sya / vostorgat'sya i ikh derivatami [Instrumentality and emotiveness in the situation with the verbs admire / admire and their derivatives] *Yazyk i deyatel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romnskikh yazykov im. V.G. Gaka. Sbornik statei po itogam VI mezhdunarodnoi konferentsii*, Moscow, Moskovskii pedagogicheskii universitet, 2021, pp. 511-515. (In Russ.)
13. Yakubovskaya E.V. Prostranstvennaya kontseptualizatsiya deistvii otymennymi instrumental'nymi frazovymi glagolami v sovremennom angliiskom yazyke [Spatial Conceptualization of Actions by Nominative Instrumental Phrasal Verbs in Modern English]. Ph. D. thesis. Irkutsk, 2017, 192 p. (In Russ.)
14. Clark E.V. When nouns surface as verbs // *Language*. 1979. Vol. 55. № 4. Pp. 767–811.
15. Corpora Collection Leipzig. URL: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (дата обращения: 21.10.2021).
16. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 10.10.2021).

Информация об авторе

С.А. Рябкин – учитель английского языка, аспирант,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

S.A. Riabkin – English Teacher, Postgraduate Student,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 18.12.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2021; принята к публикации 18.02.2022

The article was submitted 18.12.2021; approved after reviewing 11.01.2021; accepted for publication 18.02.2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Агеева Е.П. ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ: ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА И БЫТА.....	7
Нечаев М.Г. ЭВАКУАЦИЯ НАУЧНЫХ, УЧЕБНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОРОД МОЛОТОВ (ПЕРМЬ) ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	16
Сарапулов А.Н., Шмырина М.Е. ОБ ОДНОЙ УНИКАЛЬНОЙ НАХОДКЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (РОДАНОВО ГОРОДИЩЕ)	41
ФИЛОЛОГИЯ	51
Арекеева Ю.Е. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	51
Архипова И.В. ТАКСИС И ФИНАЛЬНОСТЬ: ВОПРОСЫ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЙ СВЯЗИ	60
Богоявленская Ю.В., Палийчук Д.А. МЕРЫ АССОЦИИИ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СИЛЫ СЕМАНТИКО-СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ЭЛЕМЕНТОВ СЛОВСОЧЕТАНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ.....	69
Ребель Г.М. РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ	79
Рябкин С.А. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	95

CONTENTS

HISTORY	7
Ageeva E.P. PROVINCIAL NOBILITY OF THE PERM PROVINCE IN THE POST-REFORM PERIOD: PECULIARITIES OF MENTALITY, WAY OF LIFE	7
Nechaev M.G. EVACUATION OF SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND CULTURAL INSTITUTIONS TO THE CITY OF MOLOTOV (PERM) DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	16
Sarapulov A.N., Shmyrina M.E. ABOUT ONE UNIQUE FIND OF THE MIDDLE AGES FROM THE PERM CIS-URALS (RODANOVO HILLFORT)	41
PHILOLOGY	51
Arekeeva Yu.E. PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD	51
Arkhipova I.V. TAXIS AND FINALITY: ISSUES OF INTER-CATEGORICAL COMMUNICATION	60
Yu.V. Bogoyavlenskaya, D.A. Palytchuk ASSOCIATION MEASURES FOR ESTABLISHING THE FORCE OF SEMANTIC-SYNTAGMATIC CONNECTION OF ELEMENTS OF WORD COMBINATION	69
Rebel G.M. I.S. TURGENEV'S NOVEL «NOV» IN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT OF THE EPOCH	79
Riabkin S.A. ACTUALIZATION OF THE CATEGORY OF INSTRUMENTALITY IN ENGLISH.....	95

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2022. № 5

Ответственный редактор выпуска
Шустова Светлана Викторовна

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена
внештатным сотрудником
Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 11.04.2022.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru